

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления»

На правах рукописи

Насибулина Анастасия Сергеевна

**СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ, СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ**

Специальность 5.7.7. – Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Мантатов Вячеслав Владимирович

Улан-Удэ – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ.....	18
1.1 Концепция устойчивого развития общества в контексте общемирового дискурса: эволюция идей.....	18
1.2 Стратегия устойчивого развития Японии: особенности и ключевые направления	40
1.3 Экологическая этика как теоретическая и методологическая основа устойчивого развития	66
Глава 2. ЭТИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ	93
2.1 Философские основания экологической этики Японии	93
2.2 Современные этико-экологические концепции устойчивого развития Японии	116
2.3 Реализация этико-экологической стратегии: экосистемное управление и технологическое развитие	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	165
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	170

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обострение экологических и социальных проблем современности, вызванных развитием техногенной цивилизации, актуализировало проблему устойчивого развития как стратегии выживания человечества. Устойчивое развитие ориентировано на гармоничное взаимодействие различных систем: ценностной, социокультурной, социально-экономической, политической и технологической, соответственно существуют различные научные подходы к проблеме устойчивого развития. Однако, вызовы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, невозможно решить только технико-экономическими методами, они, по своей сути, являются экзистенциальными и требуют глубоких преобразований.

В условиях нарастания угроз глобализирующейся техносфера исключительную актуальность приобретает этико-экологический подход к устойчивому развитию, то есть концептуальное моделирование такого будущего мирового порядка, при котором будет реализовано симбиотическое единство общества и биосферы, направленное на самоподдержание Жизни на Земле. В этом отношении непреходящее общечеловеческое значение имеет японский опыт поддержания экологической устойчивости страны на принципах «истинной симбиотической цивилизации» и «локально-планетарной этики».

Япония является одной из стран, добившихся значительных успехов в реализации концепции устойчивого развития. Еще в середине прошлого века Япония, процветая в технико-экономической сфере, балансируя на грани экологической катастрофы. В силу уязвимости к стихийным бедствиям, высокой плотности населения и интенсивной урбанизации, Япония столкнулась со множеством экологических проблем. На сегодня, согласно данным за 2023 – 2024 гг. Япония занимает 18 место из 167 стран в рейтинге устойчивого развития. Стратегия устойчивого развития Японии демонстрирует комплексный подход, основанный на взаимодействии

традиционных культурных ценностей, инновационных технологий и эффективных институциональных механизмов, что делает ее не только уникальной, но и потенциально полезной для анализа и адаптации ее опыта в других странах. Несмотря на значительный интерес к японской стратегии устойчивого развития, ее специфика и философские основания остаются недостаточно исследованными. Существует потребность в комплексном анализе данной стратегии через призму социально-философских подходов, что позволит раскрыть ее специфику и выявить возможные механизмы интеграции успешных практик в глобальный контекст.

Степень научной разработанности проблемы.

Ключевые аспекты устойчивого развития отражены в официальных документах ведущих международных организаций. Теоретические основы устойчивого развития были заложены в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию под руководством Г.Х. Брунталанд «Наше общее будущее», в котором устойчивое развитие определяется как развитие, удовлетворяющее потребности настоящего без ущерба для будущих поколений¹. Дальнейшее развитие концепции получило в работах, посвященных экономике устойчивого развития, социальной справедливости, экологическим ограничениям. В российской науке вопросы устойчивого развития исследуются в работах В.И. Данилов-Данильяна, К.С. Лосева², С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко³ и др. В своих трудах ученые разрабатывают подходы к оценке устойчивости, управлению природными ресурсами и интеграции экологических принципов в экономическую политику.

Исследованию этико-экологических оснований концепции устойчивого развития посвящены работы российских ученых Н.Н. Моисеева, А.Д. Урсула, В.А. Лося, В.В. Мантатова, Л.В. Мантатовой, В.А. Кобылянского и др. По

---

¹Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 04.12.2021)

² Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М.: Прогресс-Традиция. 2000. – 416 с.

³Индикаторы устойчивого развития России (экологово-экономические аспекты) / под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. – М.: ЦПРП, 2001. – 220 с.

мнению этих ученых, путь к устойчивому развитию лежит через гармонизацию отношения человека и природы на принципах экологической этики⁴.

Работы американского эколога О. Леопольда и немецкого врача А. Швейцера положили начало развитию экологической этики. О. Леопольд расширил нравственную сферу за пределы человеческого сообщества. А. Швейцер доказывал, что все живые существа обладают внутренней ценностью, которая обуславливает «благоговение перед жизнью»⁵. Концепцию внутренней ценности природы обосновал американский философ Х. Ролстон⁶. Основные подходы и направления экологической этики исследованы в работах П. Сингера, Ю. Харгроува, А. Нейса, К. Гудпастера, П. Тейлора⁷.

На формирование экологической этики существенно повлияла философия русского космизма К.Э. Циолковского, Н.А. Умова, В.И. Вернадского⁸. Н.Н. Моисеев, развивая идеи В.И. Вернадского, разработал теорию коэволюции человека и биосфера⁹.

Основы теории экологической этики, ее принципы и основные направления представлены в работах Э.В. Гиусова, И.Т. Фролова,

---

⁴ Урсул А.Д. Устойчивое развитие и способы социоприродного взаимодействия // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 3. № 5. – С. 120–128; Лось В.А. Взаимоотношения общества и природы. – М.: Знание, 1989. – 63 с.; Лось В.А. Социоприродное измерение глобализации // Век глобализации. – 2016. – № 3 (19). – С. 48–56; Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2007. – 264 с.; Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Стратегия Жизни: философские перспективы экологической этики. В 2 т. Т. 1. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2014. – 152 с.; Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Стратегия Жизни: философские перспективы экологической этики. В 2 т. Т. 2. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2015. – 140 с.; Кобылянский В.А. Философия экологии: общая теория экологии, геоэкология, биоэкология. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 192 с.

⁵ Leopold A. A Sand County Almanac and Sketches Here and There. – New York: Oxford University Press, 1968. – 226 p.; Schweitzer A. Civilization and Ethics. The Philosophy of Civilization. Part II. – London: A.&C. Black, LTD, 1923. – 325 p.

⁶ Rolston H. III. Environmental Ethics. Duties to and Values in the Natural World. – Philadelphia: Temple University Press, 1988. – 391 p.

⁷ Singer P. Animal Liberation. – Ecco Press, 2001. – 356 p.; Hargrove E.C. Foundation of Environmental Ethics. – Prentice Hall, 1989. – 229 p.; Naess A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of Ecosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 223 p.; Goodpaster K.E. On Being Morally Considerable // The Journal of Philosophy. 1978. – Vol. 75. – P.308–325; Taylor P.W. Respect for Nature: A Theory of Environmental Ethics. – Princeton University Press, 2011. – 360 p.

⁸ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 522 с.; Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.

⁹ Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.; Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? – М., 1999. – 143 с.

И.К. Лисеева, А.А. Гусейнова и др.¹⁰. Всестороннее обсуждение философских вопросов экологической этики прошло в рамках симпозиума «Био- и экофилософия и культура» VII Российского философского конгресса – 2022. (Руководители И.К. Лисеев, В.В. Мантатов, А.И. Зеленков).

Ключевая роль традиционных культур в формировании экологической этики отражена в работах, исследующих этноэкологические аспекты экологической этики. Например, Ц.Б. Будаева анализирует изменения этноэкологических традиций народов Байкальского региона в контексте общественно-политических преобразований российского общества¹¹. Философским основаниям экологической этики буддизма посвящены исследования О.В. Доржигушаевой¹². В докторской диссертации И.Р. Цыреновой рассматриваются традиционные философские учения Востока как основа формирования этики устойчивого развития Китая¹³. Ряд исследований посвящены экологической этике и традиционным экологическим знаниям коренных народов Северной Америки¹⁴ и Австралии¹⁵, этико-экологическим исследованиям Латинской Америки¹⁶, экологической этике ислама¹⁷.

¹⁰Гирузов Э.В. Экологический императив глобального мира // Философские науки. – 2012. – № 12. – С. 5–6; Гирузов Э.В. Экологическая культура – основа устойчивого развития // Вестник экологического образования в России. – 2009. – № 4 (54). – С. 4–5; Фролов, И.Т. Экология и культура. Человек – культура – природа / И.Т. Фролов // Человек и природа. – 1984. – М., С. 3–11.; Фролов И.Т. Социология и этика познания жизни и человека // Пути интеграции биологического социогуманитарного знания. – М.: Наука, 1984. – С. 12–23; Лисеев И.К. Экологическая этика в условиях новой экологической культуры // Философия и этика: сб. науч. тр. к 70-летию акад. А.А. Гусейнова. – М., 2009. – С. 723–737; Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. – М.: Интерпракс, 1995. – 352 с.; Гусейнов А.А. Природа как ценность культуры // Экология, культура, образование. М., 1989. – С. 5–11.

¹¹Будаева Ц.Б. Этноэкологические традиции: история и современность (на примере экологических традиций бурят). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2003. – 192 стр.

¹²Экологическая этика буддизма / кол. авт.; отв. ред. О.В. Доржигушаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. – 282 с.

¹³ Цыренова И.Р. Философские основания устойчивого развития Китая: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 27 с.

¹⁴ McGregor D. Coming Full Circle: Indigenous Knowledge, Environment, and Our Future. American Indian Quarterly. – 2004. – vol. 28, no. 3/4. – P. 385–410; In: Goodpaster K.E and Sayre K.M., eds., Ethics and the Problems of the 21st Century. Notre Dame: University of Notre Dame Press 1979. – P. 36–59.

¹⁵ Gunn A. Can environmental ethics save the world? // Ethics and Environmental Policy: Theory Meets Practice. Athens: University of Georgia Press, 1994. – 283 p.; Callicott J.B. Earth's Insights, A Survey of Ecological Ethics from The Mediterranean Basin to The Australian Outback. – Berkeley: University of California Press, 1994. – 292 p.

¹⁶Leff E. Latin American Environmental Thinking: A Heritage of Knowledge for Sustainability // Environmental Ethics, 2012. – 34(4):431–450

¹⁷Сайдахмадзода Д. Экологическая этика и воспитание в Исламе // Государственное управление. – 2020. – № 2(46). – С. 155–160; Бахтиева Л.И. Экологическая этика мусульманина // Актуальные проблемы социально-экологического знания: Межвузовский сборник научных трудов / Ответственный редактор Б.Г. Акчурин. Том Выпуск XIX. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. – С. 117–123.

Основные идеи японской экологической философии и экологической этики раскрываются в работах Т. Вацудзи, Н. Касу, М. Харада, Д. Судзуки, Х. Абэ и др¹⁸. Японскую философию природы исследовали западные философы Дж. Б. Калликотт, Р.Т. Эймс, С. Один¹⁹.

Д. Т. Судзуки подчеркивает инфраструктуру кэгон, лежащую в основе традиционной эстетической концепции природы в японском дзен-буддизме; природа должна пониматься, по его мнению, как неделимый эстетический континуум, в котором каждое мгновенное и невещественное событие возникает благодаря гармоничному слиянию единства и множественности²⁰.

Т. Вацудзи развивает в качестве основной философской идеи воплощенную пространственность человеческого существования в различных социальных средах; он подчеркивает, что жить в природе как пространстве жизненного мира это самый фундаментальный способ существования человека²¹. Хироши Абэ раскрывает онтологию отношений человека и природы с точки зрения новейших экологических исследований и теоретического анализа биоматематики, которая пытается объяснить механизм симбиотических явлений²².

Западные философы Дж. Б. Калликотт и Р.Т. Эймс исследовали японскую философию природы с точки зрения даосизма и восточноазиатского буддизма с его взглядом на природу как на эстетический континуум²³. Философ С. Один уделил особое внимание концепции природы в японском буддизме как дополнению экологической этики О. Леопольда; по его мнению,

---

¹⁸ Watsuji T. A Climate: A Philosophical Study. – Tokyo: Japanese National Commission for UNESCO, 1961. – 257 p.; Abe H. From Symbiosis to the Ontology of «Arising Both from Oneself and from Another» // Environmental Philosophy in Asian Tradition of Thought. – Albany: SUNY Press. 2014. – P. 315–336.

¹⁹ Callicott J.B., Ames R.T. Nature in Asian Traditions of Thought: Essays in Environmental Philosophy. – Albany: SUNY Press, 1989. – 335 p.; Odin S. The Japanese Concept of Nature in Relation to the Environmental Ethics and Conservation Aesthetics of Aldo Leopold // Environmental Ethics. – 1991. – No. 13. – P. 345-360.

²⁰ Suzuki D.T. Zen and Japanese Culture. – Princeton: Princeton University Press, 2019. – 528 p.

²¹ Watsuji T. A Climate: A Philosophical Study, Tokyo: Japanese National Commission for UNESCO, 1961. – 257 p.

²² Abe H. From Symbiosis to the Ontology of «Arising Both from Oneself and from Another» // Environmental Philosophy in Asian Tradition of Thought. – Albany: SUNY Press. 2014. – P. 315–336.

этика земли основывается на эстетике земли в экологических мировоззрениях как японского буддизма на Востоке, так и О. Леопольда на Западе²⁴.

Практические и теоретические вопросы социоприродного взаимодействия в современной Японии отражены в работах Т. Маруяма, Х. Коматцу, Т. Кувако, К. Масуда.

Анализ исследований по данной теме позволяет сделать вывод об актуальности и глубокой проработанности отдельных аспектов экологической этики и устойчивого развития Японии. В то же время мы фиксируем свой взгляд на отсутствии системно-философского анализа стратегии устойчивого развития Японии.

Информационная база исследования. Концептуальной основой устойчивого развития являются доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию под руководством Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее»²⁵, итоговые документы Конференций ООН по окружающей среде и развитию (1992, 2002, 2012)²⁶, Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, Цели в области устойчивого развития (2015)²⁷. Стратегической основой устойчивого развития Японии выступают Национальный план действий по Повестке дня на XXI век (1993)²⁸, руководящие принципы реализации целей устойчивого развития (2016, 2019,

---

²⁴ Odin S. The Japanese Concept of Nature in Relation to the Environmental Ethics and Conservation Aesthetics of Aldo Leopold. //Environmental Philosophy in Asian Tradition of Thought, ed. by Callicott B., McRae J. – SUNY Press, Albany, 1989 – P. 247-265.

²⁵ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf;brundtland.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).

²⁶ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 04.12.2021); Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию (принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию, Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа – 4 сентября 2002 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (дата обращения: 13.10.2021); Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию РИО+20 «Будущее, которого мы хотим» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iblfrussia.org/a-conf.216-l-1_russian.pdf.pdf (дата обращения: 04.12.2021).

²⁷ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 13.10.2021).

²⁸ National Action Plan for Agenda 21 Japan (1994) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/en/earth/iec/agenda/index.html> (дата обращения: 13.10.2024).

2023)²⁹, план действий по достижению целей устойчивого развития (2023)³⁰, стратегия национальной безопасности (2020)³¹, законодательная база в области экологии и образования, в частности, основной закон об охране окружающей среды (1993)³², базовые экологические планы Японии (1994, 2000, 2006, 2012, 2018)³³, базовый план науки, технологий и инноваций (2021)³⁴.

Объектом исследования является феномен устойчивого развития Японии. В качестве **предмета** исследования выступают сущность и особенности стратегии устойчивого развития Японии.

Целью диссертационного исследования является выявление теоретических истоков, характерных черт, механизмов реализации, преимуществ стратегии устойчивого развития Японии, а также ее значения для современного мира. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- дать рефлексивный анализ основных положений концепции устойчивого развития общества в глобальном дискурсе и их преломление в японском опыте;
- раскрыть особенности и ключевые направления стратегии устойчивого развития Японии;
- обосновать значение экологической этики как теоретической и методологической основы устойчивого развития;
- выявить философские основания экологической этики Японии;

---

²⁹Дзидзокукано: на хатсудзо: мокухё: (SDGs) дзисисисин [Руководящие принципы реализации целей устойчивого развития (ЦУР, SDGs)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/kaitei_2023_jp.pdf (дата обращения: 30.11.2023).

³⁰SDGs акутён пуран 2023 [План действий по достижению ЦУР 2023] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/SDGs_Action_Plan_2023.pdf (дата обращения: 04.06.2024)

³¹ Кокка анзэнхосё: сэнряку [Национальная стратегия безопасности] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).

³²Хэйсэйонунхо:ритсудайкю:дзю:иттиго: канё: кихонхо: [Основной экологический закон, Закон № 91 от пятого года эпохи Хэйсэй] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=405AC0000000091> (дата обращения: 30.11.2023).

³³Нихонкоку но канё: кихонкэйкаку [Базовый экологический план Японии] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.env.go.jp/policy/kihon_keikaku/plan/plan_5.html (дата обращения: 04.06.2024).

³⁴Кагаку гидзю цуино:бэ:ён кихонкэйкаку [Наука, технологии и инновации. Базовый план Правительства Японии] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

- выделить и охарактеризовать современные этико-экологические концепции устойчивого развития Японии;
- определить ключевые механизмы реализации стратегии устойчивого развития Японии, имеющие потенциал для адаптации в других государствах современного мира.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Теоретической основой данного исследования является 1) теория коэволюции общества и природы (В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев); 2) японская экологическая философия и экологическая этика (Т. Вацудзи, М. Харада, Т. Маруяма, Т. Кувако и др.); 3) философия устойчивого развития, разработанная отечественными философами (Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул, В.В. Мантатов и др.).

Методологическую основу исследования характеризуют системно-диалектический метод, исторический метод, герменевтический метод, компаративистский подход, комплексный подход.

– Системно-диалектический метод интегрирует принципы системного анализа и диалектики для всестороннего анализа сложных социальных, экологических и экономических систем, рассматривая объект исследования как сложную систему, состоящую из множества взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Основной акцент делается на анализе динамических процессов и противоречий внутри системы, при этом внимание уделяется как пониманию причинно-следственных связей, так и исследованию внутренних конфликтов и их развития.

– Исторический метод необходим для понимания эволюции этико-экологических взглядов в Японии, влияния культурных и философских традиций на современную экологическую политику и устойчивое развитие.

– Компаративистский подход позволяет выявить универсальные принципы и специфические различия в западной и восточной теориях экологической этики.

– Герменевтический метод позволяет анализировать и интерпретировать философские, культурные и исторические источники, которые влияют на формирование современной стратегии устойчивого развития. Это обогащает понимание того, как теоретические и практические подходы к устойчивости развивались и реализовывались на протяжении истории.

– Комплексный подход предполагает целостное и всестороннее исследование процесса устойчивого развития с учетом его социальных, экологических, экономических и культурных аспектов.

Научная новизна исследования состоит в экспликации национальной специфики стратегии устойчивого развития Японии и подходов к ее реализации.

1. Выявлена согласованность японской стратегии устойчивого развития с глобальными стандартами и подходами к пониманию устойчивого развития общества, а также необходимость ее этико-экологического обоснования.

2. Раскрыты особенности стратегии устойчивого развития Японии, определяемые эволюцией законодательства, институциональными аспектами, образовательными инициативами и механизмами сотрудничества на уровне государства, общества и международных институтов.

3. Обосновано значение экологической этики как теоретико-методологической основы устойчивого развития, интегрирующей философские и культурные традиции. Выявлено концептуальное единство различных направлений экологической этики в критике потребительского мировоззрения и необходимости пересмотра ценностей техно-экономической парадигмы.

4. Выявлены теоретические основания экологической этики Японии, в частности, традиционные философско-религиозные системы, эстетика сохранения, японские философские концепции (концепция климата, концепция «истинной цивилизации»), что позволило глубже понять смысл

японских экоэтических концепций и обосновать их интеграцию в современные практики устойчивого развития.

5. Обозначена взаимосвязь между традиционными философскими концепциями и современными этико-экологическими концепциями устойчивого развития Японии, показана их практическая реализация в рамках стратегии устойчивого развития. В контексте устойчивого развития уточнено понятие симбиоза (кёсэй) как динамического совместного существования в экологическом и социальном измерениях, при котором взаимодействие между людьми и окружающей средой, а также между самими людьми, происходит с учётом временных и пространственных факторов. Обозначена конгениальность японской идеи «истинной цивилизации» и концепции устойчивого развития.

6. Определены ключевые механизмы и преимущества реализации этико-экологической стратегии устойчивого развития Японии, объединяющие экосистемное управление и технологическое развитие через синтез концепции «со-катастрофы», принципов Общества 5.0 и ESG-подхода.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Модели устойчивого развития, доминирующие в западном дискурсе, в большей степени сосредоточены на политических и социальных факторах и не учитывают духовно-нравственные аспекты. Японская стратегия устойчивого развития, соответствующая общемировым требованиям, интегрирует глобальные стандарты с национальными традициями и ценностями. Ключевым условием глобальной устойчивости в рамках данной концепции выступает сохранение культурного многообразия, где локальные ценности (включая экологическую этику) становятся основой для преодоления дисбаланса между универсальными целями и их практической реализацией в специфических национальных контекстах.

2. Стратегия устойчивого развития Японии базируется на динамично развивающейся законодательной системе, образовании, формирующем

экологическое сознание общества на принципах «обучения на протяжении жизни» и эмпирическом опыте преодоления экологических кризисов, а также технологических инновациях в рамках концепции Общества 5.0, где цифровизация и декарбонизация согласуются с традиционными ценностями гармонии человека и природы. Ключевой особенностью стратегии является многоуровневое взаимодействие государства, бизнеса, граждан и международных институтов, обеспечивающее трансформацию глобальных целей в локальные инициативы. Интеграция экологии в концепцию национальной безопасности и активное продвижение имиджа «зеленой сверхдержавы» через международные инициативы, подчеркивают, что японский подход – это не только ответ на внутренние вызовы, но и инструмент мягкой силы, влияющий на экономический прогресс, социальную инклюзию и экологическую безопасность в глобальном масштабе.

3. Экологическая этика выступает теоретико-методологической основой устойчивого развития, интегрируя философские, культурные, этические и ценностные подходы, формируя систему принципов и норм, регулирующих взаимодействие общества с природной средой, как философия Целостности. Различные направления экологической этики демонстрируют концептуальное единство в критике потребительского мировоззрения как причины экологического кризиса и необходимости пересмотра ценностей технократической парадигмы. Экологическая этика не только обосновывает моральную необходимость изменения взаимодействия человека с природой, но и предлагает конкретные ориентиры для формирования экологически устойчивых социальных, экономических и политических стратегий.

4. В основе экологической этики Японии лежит синтез философско-религиозных традиций (синтоизма, буддизма, конфуцианства, даосизма), формирующий уникальную модель взаимодействия человека и природы, где природа выступает сакральным, этическим и эстетическим контекстом существования. Ключевыми элементами являются: концепция климата Т. Вацудзи, преодолевающая антропоцентризм через взаимозависимость и

взаимопроникновение человека и природы; идея «истинной цивилизации» С. Танаки, направленная на гармонизацию технологического прогресса с сохранением локальных экосистем и социальных связей; эстетика сохранения, превращающая бережное отношение к природе в культурный и этико-эстетический императив. Японская философия предлагает холистический и партисипаторный взгляд на экологическую этику, существенно отличающийся от западного экоцентризма.

5. Современные этико-экологической концепции устойчивого развития Японии, объединяя исторические уроки, современные философские концепции и практические инициативы, обеспечивают гармоничное взаимодействие общества и природы и способствуют долгосрочной устойчивости Японии. Экоэтика Японии, предлагая идею симбиоза (кёсэй), философию климата (фудо), глобальную биоэтику и новый гуманизм, основываясь на этике ответственности и эстетике природы, демонстрирует высокую эффективность и расширяет философскую основу этико-экологической стратегии устойчивого развития. Симбиоз (кёсэй) как совместное существование человека, общества и природы в пространственно-временном контексте, обеспечивает баланс между антропогенной деятельностью и регенерацией экосистем, что находит практическое воплощение в концепции «сатояма» – модели устойчивого управления ландшафтами. Ландшафтно-ориентированный подход, интегрирующий пространственные, временные и ценностные аспекты «месторазвития» (Тосио Кувако) способствует адаптации глобальных стратегий к локальным условиям. Практическая реализация современных этико-экологических концепций устойчивого развития подтверждается их включением в законодательные акты и государственные программы Японии.

6. Реализация этико-экологической стратегии устойчивого развития Японии осуществляется через интеграцию экосистемного управления и технологического развития, что выражается в синтезе концепции «сокатастрофы» (существование с рисками), принципов Общества 5.0 и ESG-

подхода (экологическое, социальное и корпоративное управление). Ключевыми элементами этой модели выступают: институциональное взаимодействие государства, бизнеса и общества в создании умных городов и региональных инновационных систем; трёхуровневая система международного сотрудничества (межправительственные платформы, научные сети, экологические НПО), преодолевающая политico-экономические противоречия в условиях трансграничных кризисов. Японский опыт показывает, что устойчивость достигается не технологиями или регулированием в отдельности, а их интеграцией с этико-экологическими принципами, формируя новую парадигму взаимодействия человека, технологий и природы, актуальную для глобального устойчивого развития.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном, социально-философском анализе стратегии устойчивого развития Японии. Представленные результаты расширяют и дополняют существующие теоретические подходы к стратегии устойчивого развития, вводя в научный оборот концепции и методы, характерные для японской культурной и философской традиции, что способствует формированию многоаспектного и панорамного видения реализации концепции устойчивого развития, учитывающего разнообразие культурных и ценностных систем. Рефлексивный анализ экологической этики, основанной на философских и культурных традициях Японии, обновляет теоретическую базу исследований этико-экологической стратегии устойчивого развития в целом.

Практическая значимость исследования заключается в раскрытии этико-экологической основы стратегии устойчивого развития общества (на примере Японии). Анализ институциональных и технологических аспектов реализации стратегии устойчивого развития Японии выявил механизмы и инструменты, имеющие всеобщую значимость для практики устойчивого развития. Изложенный в работе комплексный подход к реализации стратегии устойчивого развития Японии, включающий теоретические, технологические и институциональные компоненты, может быть использован при разработке

региональных стратегий устойчивого развития. Результаты исследования могут быть использованы в образовательных программах по экологической этике и устойчивому развитию.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечены соответствием теоретико-методологических подходов, используемых в процессе исследования; всесторонним анализом проблемы реализации стратегии устойчивого развития; системному подходу к исследованию; согласованностью авторских выводов с научными результатами, полученными исследователями в области, близкой к теме диссертационного исследования.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и результаты, полученные в ходе исследования, были представлены на научно-практических конференциях преподавателей, научных работников и аспирантов ВСГУТУ (г. Улан-Удэ, 2013 – 2018); XXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 2014); 4-й Международной конференции по энергетике, окружающей среде и устойчивому развитию (г. Нанкин, Китай, 2014); IV Международной научной конференции по фундаментальным и прикладным проблемам устойчивого развития в системе «Природа – общество – человек»: наука, инженерия, образование (г. Дубна, 2014); Национальном форуме по устойчивому развитию (г. Москва, 2014); Экологическом форуме «Наука и образование для устойчивого развития: от экологической этики к экологическим технологиям» (г. Улан-Удэ, 2015); Международной конференции по образованию в интересах устойчивого развития (г. Ханты-Мансийск, 2015); XXI Международной научно-практической конференции «Экологическое образование для устойчивого развития: теория, педагогические инновации и действительность» (г. Москва, 2015); VII Российском философском конгрессе «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (г. Уфа, 2015); Третьем Всероссийском конгрессе кафедр ЮНЕСКО (г. Санкт-Петербург,

2015); II Республиканской молодежной экологической научной конференции (г. Казань, 2016); Международной научно-практической конференции «Хартия Земли – практический инструмент решения фундаментальных проблем устойчивого развития» (г. Казань, 2016); Международной конференции «Бизнес, экономика, социальные и гуманитарные науки» (г. Пекин, 2016); Национальной научно-практической конференции «Образование и наука» (г. Улан-Удэ, 2019–2024); Экологическом форуме «Одни пояс – один путь» (г. Улан-Удэ, 2019); Международной конференции по геологии и экологической устойчивости (г. Инчхон, Южная Корея, 2019); 5-м Форуме ЮНЕСКО по преобразующему образованию (г. Сеул, Южная Корея, 2021), 8-й Азиатской конференции по окружающей среде и устойчивому развитию (г. Саппоро, Япония, 2023), Международной научно-практической конференции «Азиатские философии: история, методология, межкультурный подход» (г. Москва, 2023), Международной научно-практической конференции «Переход от образовательной среды к образовательной экосистеме в интересах устойчивого развития» (Казань, 2024), Всероссийской конференции по экологическому образованию (г. Томск, 2024).

Результаты исследования были использованы при выполнении научно-исследовательских проектов Российского научного фонда «Этико-экологическая парадигма устойчивого развития Байкальского региона в контексте глобализирующейся евразийской цивилизации» (14-18-02006, 2014–2016), «Экологическая этика буддизма» (19-18-00412, 2023).

Результаты исследования отражены в 15 научных публикациях, в том числе в 5 статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка литературы, включающего 270 источников. Работа изложена на 198 страницах.

Глава 1. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

1.1. Концепция устойчивого развития общества в контексте общемирового дискурса: эволюция идей

Развитие человечества на протяжении всей истории представляет собой непрерывный и все ускоряющийся рост, при этом скорость роста значительно выше скорости развития экосистем и биологической эволюции.

Научно-технический прогресс кардинально изменил общество. С начала промышленной революции в XVIII веке произошло значительное преобразование социальной структуры, что привело к ускорению экономического роста и материального благополучия. Американский эколог Д. Уорстер подчеркивает, что индустриализация вызвала глубокую мировоззренческую революцию, радикально трансформировав представления о природе, обществе и человеческой деятельности. В рамках индустриальной культуры природа перестала рассматриваться как нечто священное и неизменное, и стала восприниматься как ресурс для извлечения максимальной экономической выгоды. Природные ландшафты и экосистемы были подвергнуты масштабным изменениям ради производства потребительских товаров. Индустриализация не только изменила наш материальный мир, но и глубоко повлияла на наши представления о том, как этот мир должен функционировать, породив культуру, в которой природа рассматривается не как самоценная система, а как источник ресурсов для бесконечного экономического роста. «Эта перемена в мировоззрении, возможно, является величайшей революцией, которая когда-либо происходила. Традиционные общества склонны были видеть и ценить порядок в природе; мы, представители современной индустриальной эпохи, склонны его отрицать. В

этом заключается самая глубокая причина современной экологической деструктивности»³⁵.

В условиях стремительного промышленного и экономического подъема второй половины XX века, забота об окружающей среде стала более острой и радикальной из-за опасений, что экономический рост может поставить под угрозу выживание человечества и планеты.

Параллельно с этим неравномерное распределение благ мировой экономической системы, от которых в основном выигрывали индустриально развитые страны, способствовало увеличению разрыва между богатыми и бедными обществами. Это становится основным фактором в дискуссиях о развитии и устойчивости. Опасения, что нынешнее и будущие поколения, возможно, не смогут поддерживать свой жизненный уровень, спровоцировали фундаментальный сдвиг в сознании общества, стимулировали принятие концепции устойчивого развития как альтернативы неограниченному экономическому росту. Возникшая как ответ на экологические вызовы, концепция устойчивого развития является наиболее значимой и практической теорией глобального развития в нашу эпоху.

Главную роль в формировании и продвижении устойчивого развития выполняет Организация Объединенных Наций. Первые 20 лет ее существования экологические вопросы играли ограниченную роль в делах ООН, тем не менее, ЮНЕСКО – специализированное учреждение в структуре ООН, функция которой «строительство мира в умах людей»³⁶, внесла важный вклад в институционализацию международных отношений в области охраны окружающей среды. Во-первых, в 1948 году ЮНЕСКО сыграло ключевую роль в формировании Международного союза охраны природы, который работал над защитой и сохранением дикой природы и естественной среды обитания. Во-вторых, в 1968 году ЮНЕСКО организовало программу

---

³⁵ Worster D. The Wealth of Nature: Environmental History and The Ecological Imagination. – New York: Oxford University Press, 1993. – P. 180.

³⁶ Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2022 Edition [Электронный ресурс]. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000382500> (дата обращения: 13.10.2022).

«Человек и биосфера», направленную на сохранение природных ресурсов на уровне экосистем. В дальнейшем концепция устойчивого развития становится доминирующей идеей в глобальной экологической политике.

Осмыслинию нарастающих глобальных угроз способствовала деятельность Римского клуба. Римский клуб – международная неправительственная организация, созданная в 1968 году по инициативе итальянского экономиста и общественного деятеля А. Печчеи и объединившая ученых, политических и общественных деятелей многих стран мира с целью углубления понимания особенностей развития человечества в эпоху научно-технической революции³⁷. В 1972 г. на базе Массачусетского технологического института по поручению Римского клуба был подготовлен доклад «Пределы роста». Доклад содержал результаты моделирования роста человеческой популяции и исчерпания природных ресурсов. Исходя из того, что ресурсы Земли ограничены, необходимо определить пределы экономического и демографического роста численности населения планеты. Медоуз и др. составили макроэкономическую модель роста, включающую пять основных секторов (капитал, сельское хозяйство, невозобновляемые ресурсы, демография и загрязнение) и описали отношения природы и общества посредством дифференциальных уравнений. Основываясь на этой модели, авторы составили 12 сценариев поведения глобальной системы до 2100 г. Предотвращение глобальной катастрофы возможно при условии экономической и экологической стабильности, предполагающей осуществление перехода от роста населения к глобальному равновесию. Это глобальное равновесие предполагает удовлетворение основных материальных потребностей каждого человека и реализацию его творческого потенциала³⁸.

---

³⁷ Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

³⁸ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. The Limits to Growth. A report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. – New York: Universe Books, 1972. – P. 24.

Аргументы против «Пределов роста» вращались вокруг множества технических и философских аспектов, охватывающих широкий спектр – от исходных данных компьютерного моделирования до будущих темпов роста технологий контроля загрязнения. Противники философии «пределов роста» утверждали, что компьютерные данные для системного моделирования не учитывают способность человечества к инновациям как в социальном, так и в техническом плане, чтобы избежать истощения природных ресурсов. Кроме того, модель «Пределы роста» рассматривала все человечество как единую систему и игнорировала региональные различия в управлении природными ресурсами³⁹.

Несмотря на споры о точности прогнозов, «Пределы роста» навсегда связали окружающую среду и развитие на уровне международного дискурса. Римский клуб ежегодно публикует доклады, каждый из которых подчеркивает различные аспекты и вызовы, с которыми сталкивается современное общество. Проанализировав ежегодные доклады, мы выделяем следующие ключевые моменты:

- Необходимость системного подхода к развитию общества; переход от количественного к качественному, органическому развитию (1988)⁴⁰.
- Изменение глобальных демографических тенденций. Впервые обращено внимание на социальный блок, в частности, на социальные ценности (2004). Необходимость нового гуманизма, который был бы адаптирован к современным реалиям и способствовал формированию новой системы ценностей, воспитывая любовь и взаимопонимание среди людей. Именно человеческие качества должны стать основой нового общества (2004)⁴¹.

---

³⁹ Neurath P. From Malthus to the club of Rome and back: Problems of limits to growth, population control, and migrations. New York: M. E. Sharpe., 1984. – P. 68.

⁴⁰ Пестель Э. За пределами роста; пер. с. англ / Общ. ред. и вступ. ст. Д.М Гвишиани. – М.: Прогресс, 1988 – С. 98.

⁴¹ Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя; пер. с англ. Е. С. Оганесян; под ред. Н.П. Тарасовой. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – С. 57 – 65.

– Критика капитализма как социальной системы, приведшей к неравномерному распределению доходов, к социальному расслоению. Авторы предполагают, что, хотя название «капитализм» сохранится, механизмы его функционирования изменятся (2012)⁴².

– Глубокое понимание «философского кризиса» нашего времени, что является ключевым шагом для разработки стратегий преодоления текущего беспорядка и неустойчивости в мире. Осознание этого кризиса важно для оценки рисков и возможностей, связанных с глубокими трансформационными изменениями. Философский анализ должен помочь переходу к новым ценностям и мышлению, необходимым для достижения истинной устойчивости (2018)⁴³.

– Осознание последствий текущего философского кризиса и «самоубийственных черт современного капитализма», которые должны привести к требованию нового Просвещения. Необходимость радикальных изменений в системе образования (2018)⁴⁴.

– Формирование моделей капитализма с национальной спецификой (например, «китайская модель», где в дополнение к либеральной рыночной идеологии, применяются плановые разработки, нацеленные на поддержку отраслей, имеющих национальное значение), которые показывают высокую эффективность в достижении устойчивого развития.⁴⁵.

– Признание многообразия цивилизационных парадигм и культур, в частности, культуры стран Азии и местных культур (2021)⁴⁶.

---

⁴² Randers J. 2052. A Global Forecast for the Next Forty Years. A Report to The Club of Rome. – White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2012 – P. 32.

⁴³ Weizsäcker E.U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome. In cooperation with 34 Members of the Club of Rome. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. – Cham: Springer, 2018. – P. 58.

⁴⁴ Ibid. P-93.

⁴⁵ Transformation is feasible: How to achieve the Sustainable Development Goals within Planetary Boundaries. A report to the Club of Rome, for its 50 years anniversary, 17 October 2018. – P. 32.

⁴⁶ Learning new ways of becoming human [Электронный ресурс]. – URL: https://www.clubofrome.org/wp-content/uploads/2021/12/COR-ENCI_Learning_new-ways.pdf (дата обращения: 13.06.2024).

Один из последних Докладов Римскому клубу в 2022 году называется «Земля для всех» (Руководство по выживанию человечества)⁴⁷. Авторы, используя компьютерное моделирование, представили пять путей достижения процветания для всего человечества: преодолеть бедность, неравенство, гендерные вопросы, нехватку продовольствия и энергии, в масштабах планеты Земля до 2050 года. Это путь к инклюзивной, экологически чистой, современной экономике, опирающейся на процветающие природные системы, развитое сельского хозяйства, это общество, в котором покончат с бедностью и неравенством и поднимут уровень жизни всех слоев населения. Проанализировав доклад, мы можем отметить, что в докладе не говорится о необходимости глубоких культурных и духовных преобразований для достижения устойчивого развития мира.

Обзор докладов показывает эволюцию мысли и подходов Римского клуба к глобальным проблемам, отражая его роль в формировании политики и общественного мнения на протяжении нескольких десятилетий. Мы видим, как смещаются акценты от вопросов, связанных с увеличением численности населения Земли и истощением природных ресурсов к критике капитализма как социальной системы, тормозящей принятие решений, направленных на достижение глобального устойчивого развития. При этом в возможных путях решения кризиса появился ценностный аспект.

В 2023 году к 50-летию первого доклада Римскому клубу «Пределы роста» был представлен альтернативный проект будущего общества «Преодолевая пределы роста»⁴⁸. Авторы проекта, указывают на то, что «современные проблемы находятся не столько в сфере взаимодействий «общество– природа» (эти проблемы при необходимой координации усилий мирового сообщества можно будет решить), сколько в сфере социальных и политических взаимодействий. Важно, по какому пути пойдут социальные

---

⁴⁷ Earth for All – A Survival Guide for Humanity [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.clubofrome.org/publication/earth4all-book/> (дата обращения: 13.06.2024).

⁴⁸ Проект предложен Междисциплинарной научно-образовательной школой МГУ «Математические методы анализа сложных систем» (руководитель научного коллектива — академик В.А. Садовничий).

трансформации в современную «эпоху перемен», каким станет общество после окончания текущего переходного периода»⁴⁹.

Модели, предложенные Римским клубом, часто фокусируются на существующих международных структурах и системах, предполагая эволюцию и реформирование, но не радикальные изменения глобального порядка. В докладе предлагается принципиально новый мировой порядок, который не основывается на смене гегемонов, а на создании новой системы мирового согласия. Эта система будет основана на кооперации и партнёрстве, а не на конкуренции и противостоянии⁵⁰. Такой подход кардинально отличается от традиционных моделей, которые подразумевают конкуренцию за доминирование. Предложен переход от приоритета роста к приоритету оптимизации. Вместо простого сокращения роста акцент делается на устойчивое развитие, которое включает разумное управление ресурсами и внедрение новых технологий.

Авторы доклада выделяют два варианта становления будущего общества: первый вариант – конкурентное начало в социальных отношениях превалирует над кооперативным началом. Второй вариант – во главу угла ставится достижение общих целей, кооперация, а не конкуренция⁵¹. Великие мыслители, прежде всего, российские (В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул и другие мыслители), уже обрисовали основополагающие принципы второго пути⁵².

Именно этот вариант Россия способна предложить миру в сложившихся условиях. «Благоприятный для человечества путь развития, основанный на переходе от конкуренции (лежащей в основе западной цивилизации) к сотрудничеству (лежащему в основе российской цивилизации). В этом заключается миссия и ключевая роль России в современную эпоху»⁵³. Одним

---

⁴⁹ Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: монография / под ред. В. А. Садовничего. — Москва: Издательство Московского университета, 2023. — С.84

⁵⁰ Там же. С.74

⁵¹ Там же. С. 85.

⁵² Там же. С. 85.

⁵³ Там же. С. 85

из ключевых элементов предлагаемого Россией пути развития является идея формирования интегративного ноосферного общества, путь к которому идет через партнерство цивилизаций⁵⁴.

Однако вернемся к критике доклада «Пределы роста» (1972 г.). Во-первых, разработчики доклада использовали девять переменных, опираясь на которые они представили 12 сценариев развития человечества⁵⁵. Эти сценарии носили пессимистический характер. Другая модель развития мировой системы, предложенная известным ученым д.ф.-м.н., профессором П.Г. Кузнецовым использовала более 30 переменных. Основная идея заключалась в направленности эволюции Вселенной и особой роли Человека как носителя Разума.

Во-вторых, Земля не является замкнутой системой. Пределы роста допустимы и справедливы для замкнутых систем, если этот подход применить к человечеству, проживающему на Земле, то это может привести к его геноциду, например, теория «золотого миллиарда». Профессор П. Г. Кузнецов считал, что «Земля — открытая система и все живое на Земле есть космическое явление. Если сделан такой выбор, то как следствие — возможность сохранения развития не только на Земле, но и в Космосе. Если бы Земля была замкнутой системой, то суть противоречия, можно было бы выразить двумя словами, прочно укоренившимися в массовом сознании. Ими являются: "Пределы роста"»⁵⁶.

И все же, исследования, проводимые Римским клубом, послужили стимулом для обсуждения проблем глобального развития на уровне Организации Объединенных Наций. Экологическая проблематика вошла в

---

⁵⁴ Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: монография / под ред. В. А. Садовничего. — Москва: Издательство Московского университета, 2023. — С. 93.

⁵⁵ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. III The Limits to Growth. A report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. — New York: Universe Books, 1972

⁵⁶ Большаков Б.Е., Кузнецов О.Л. П.Г. Кузнецов и проблема устойчивого развития Человечества в системе природа—общество—человек // Доклад на международном симпозиуме «Пространство и Время в эволюции глобальной системы природа—общество—человек», посвященном светлой памяти выдающегося русского ученого Побиска Георгиевича Кузнецова. г. Москва, 14–15 декабря 2001 г. – Дубна, 2014. С.6 [Электронный ресурс] – URL: <https://cosmatica.org/library/202-p-g-kuznecov-i-problema-ustoichivogo-razvitiija-chelovechestva-v-sisteme-priroda-obschestvo-chelo.html> (дата обращения 09.03.2024)

политический дискурс на Конференции ООН по проблемам окружающей среды (Стокгольм, 1972)⁵⁷, которая стала первым крупным международным форумом экологической направленности. На конференции были приняты: Стокгольмская декларация и Стокгольмский план действий, в которых изложены основные принципы сохранения окружающей среды. Создан постоянно действующий орган ООН – Программа по окружающей среде (ЮНЕП).

Сам термин «устойчивое развитие» (sustainable development) впервые был использован в докладе «Всемирная стратегия охраны природы» (1980)⁵⁸. Всемирная стратегия представляла собой как интеллектуальную основу, так и практическое руководство по сохранению окружающей среды на национальном и международном уровнях. Развитие общества и сохранение природы были в равной степени определены в качестве необходимых факторов выживания человечества.

Концепция устойчивого развития получила широкое распространение в научной сфере, а также политической и общественной жизни мирового сообщества в связи с публикацией доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Our Common Future» («Наше общее будущее», 1987), созданной с целью поиска новой модели развития цивилизации в быстро меняющемся мире. Возглавила Комиссию премьер-министр Норвегии Г.Х. Брундтланд. В докладе отмечалось, эффективное разрешение экологических проблем требует комплексного подхода, включающего широкий спектр социальных и экономических мер. Это подразумевает необходимость коренного пересмотра стратегии развития человечества и перехода к принципам устойчивого развития. Под устойчивым развитием понималось такое развитие, при котором «удовлетворение

---

⁵⁷ Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (принята Конференцией ООН по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 13.10.2021).

⁵⁸ World Conservation Strategy Living Resource Conservation for Sustainable Development (1980) [Электронный ресурс]. – URL: <https://portals.iucn.org/library/efiles/documents/wcs-004.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).

потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»⁵⁹.

В 1992 году, в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию, названная Саммитом Земли. Основная цель – разработка нового плана международных действий по вопросам окружающей среды и развития, определяющего направления международного сотрудничества и политики развития в XXI веке. Мировым сообществом было признано, что проблемы окружающей среды и социально-экономического развития не могут рассматриваться отдельно. В рамках конференции приняты «Повестка дня на XXI век»⁶⁰ и «Декларация Рио-де-Жанейро»⁶¹, в которых подчеркивается, что каждый человек имеет право на здоровую и продуктивную жизнь в согласии с природой. Для достижения этого целесообразно разработать конкретный план действий, который будет направлен на обеспечение устойчивого развития и безопасное будущее⁶².

6-8 сентября 2000 года состоялся Саммит тысячелетия в Нью-Йорке, на котором принята Декларация тысячелетия ООН, состоящая из восьми целей (21 задача), которые предполагалось достичь (в основном) к 2015 г. На наш взгляд, главной среди них является Цель 7 – обеспечить экологическую устойчивость: проблемы экологической устойчивости должны получить свое отражение в образовательных программах и во всех стратегических решениях, последствия которых подлежат регулярной оценке. И главное - провозглашалась важность фундаментальных ценностей: «свобода, равенство,

---

⁵⁹ Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).

⁶⁰ Повестка дня на XXI век [Электронный ресурс] – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 04.12.2021).

⁶¹ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 04.12.2021)

⁶² Там же.

солидарность, толерантность, уважение к природе, общая обязанность по управлению глобальным развитием и обеспечению безопасности»⁶³.

В ходе Всемирного саммита по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002) на первый план были выдвинуты вопросы практической реализации концепции устойчивого развития, рассматривались вопросы конкретных количественных критериев оценки текущего состояния общества, обсуждалось укрепление организационной структуры, что стало важным фактором формирования международного стандарта ООН по устойчивому развитию, кроме того, были сформулированы институциональные рамки и механизмы устойчивого развития на региональном, национальном и международных уровнях⁶⁴. В центр внимания были поставлены социальные проблемы, качество жизни всех слоев населения, неделимое человеческое достоинство⁶⁵.

Профессора В.В. Мантатов и Л.В. Мантатова отмечают, что, к сожалению, по прошествии более 10 лет с Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году «ни одна из поставленных задач не была достигнута, более того, наблюдается стремительное ухудшение состояния окружающей среды, растет бедность, разрыв между богатыми и бедными странами увеличивается», следовательно, вместо смены «направления развития» цивилизации, провозглашенной на Конференции ООН в Рио-де Жанейро и Всемирном Саммите в Йоханнесбурге, мир продолжает развиваться по старой схеме, то есть по техногенному пути цивилизационного развития⁶⁶. Главную причину того, почему модель устойчивого развития не работает, авторы видят

---

⁶³ Декларация тысячелетия ООН (принята Генеральной ассамблеей ООН 8 сентября 2000 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 13.10.2021).

⁶⁴ План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (принята на 17-м пленарном заседании 04.09.2002) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wssd.pdf (дата обращения: 13.10.2021).

⁶⁵ Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию (принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию, Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа – 4 сентября 2002 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (дата обращения: 13.10.2021).

⁶⁶ Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития – Улан-Удэ: Изд-во БСГТУ, 2007. – С. 28–29.

в одностороннем техноэкономическом подходе к решению экологической проблемы. Необходимо, считают они, более глубокое философское обоснование и понимание концепции устойчивого развития, позволяющее изменить направление развития. Важно подчеркнуть не только экономический и экологический, но и нравственно-этический аспект устойчивого развития⁶⁷.

Сложность в понимании устойчивого развития заключается в неопределенности трактовки самого термина и отсутствии общепринятого определения, что во многом связано с комплексным характером самого феномена устойчивого развития. В узком смысле при определении устойчивого развития имеют в виду преимущественно экологический аспект. В широком смысле устойчивое развитие понимается как новая парадигма цивилизационного развития, основанная на масштабных изменениях в социальной, экономической и экологической составляющих общества. Учитывая многофункциональность понятия и его междисциплинарный характер, устойчивое развитие можно рассматривать в двух аспектах: в качестве теоретической концепции и в качестве практического инструмента преобразования экологической и социальной действительности.

Сложность возникла и при переводе термина на русский язык, в котором отсутствует полный семантический эквивалент слова sustainable. Н.Н. Моисеев считает более корректным определение «поддерживаемое развитие» или «согласованное с состоянием природы и ее законами развитие, поддерживающее жизнь»⁶⁸. Сам термин «устойчивое развитие», считал он, «следует интерпретировать как стратегию переходного периода к такому состоянию природы и общества, которое мы можем характеризовать термином “коэволюция”, или “эпоха ноосферы”»⁶⁹.

При исследовании устойчивого развития российскими учеными используется концептуальный аппарат теории самоорганизации. Синергетика

---

⁶⁷ Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2007. – С. 29.

⁶⁸ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – С. 67.

⁶⁹ Моисеев Н. Н. Историческое развитие и экологическое образование. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. – С. 12.

позволяет выявить принципы эволюции и коэволюции сложных систем, раскрыть причины эволюционных кризисов, нестабильности и хаоса, овладеть методами управления сложными системами, находящимися в состоянии неустойчивости. «Совокупность конструктивных следствий нелинейного анализа и синергетики может служить в качестве некой методологии, адекватной для анализа современного посткапиталистического, или постиндустриального, общества... В синергетике развиваются нетрадиционные идеи о способах роста и развития, нелинейности феноменов культуры, роли децентрализации и хаоса»⁷⁰. Синергетика предлагает диалектический подход к исследованию устойчивого развития мира, основываясь не только на анализе прошлого и настоящего, но и на «понимании отдаленных целей развития, структур-аттракторов эволюции сложных систем»⁷¹. Синергетические исследования общественного развития преимущественно ориентированы на конструирование устойчивого будущего не только посредством согласования изменений в отдельных частях социоприродной системы, но, прежде всего, за счет понимания эволюционной динамики целого⁷².

Понятие устойчивого развития отражает непрерывность функционирования развивающихся систем за счет их самоорганизации, гармоничного взаимодействия с внешней и внутренней средой. Концепция устойчивого развития ориентирует социальную практику на формирование структурированной целостности, включающую в себя систему ценностей, социокультурную систему, социально-экономическую систему, технологическую систему, политическую систему⁷³.

---

⁷⁰ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизации, темпомиры. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 64-68.

⁷¹ Князева Е.Н. Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. – М.: КомКнига, 2007. – С. 152.

⁷² Мантатов В.В. Теория устойчивого развития: онтология и методология: монография. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2009. – С. 26.

⁷³ Мантатов В.В. Стратегия Разума: экологическая этика и устойчивое развитие. В 2 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1998. – Т. 1. – С. 94–95.

Российский философ А.Д. Урсул разработал ноосферно-футурологический подход к исследованию устойчивого будущего, особенностью которого является выдвижение на приоритетное место в грядущих цивилизационных трансформациях нравственно-справедливого разума и интеллектуально-духовных факторов и их опережающего воздействия⁷⁴.

Российские ученые А.Г. Гранберг, В.И. Данилов-Данильян, М.М. Циканов, Е.С. Шопхоев говорят о необходимости выработки новых научных подходов к проблеме устойчивого развития, которые бы соответствовали не только современным реалиям, но и предполагаемым перспективам развития⁷⁵. В контексте реализации стратегии устойчивого развития, утверждают российские ученые, необходимы кардинальное изменение мировоззрения, приоритетов, ценностей, этических и других норм и форм рациональности, переориентация с материально-вещественных на духовно-нравственные, интеллектуально-информационные приоритеты⁷⁶.

Проведенный нами ретроспективный анализ истории формирования концепции устойчивого развития показывает, что экологические проблемы оказались значительно сложнее, чем представлялось ранее: возможности их решения находятся не только и не столько в технологическом измерении, сколько в социальном и духовном измерении. Для внедрения принципов устойчивого развития необходимы коренные изменения в научных и культурных парадигмах, в мышлении людей, в структуре потребностей, поскольку «идет речь о большем – об управлении не только экономикой, но и всем историческим процессом»⁷⁷.

---

⁷⁴ Урсул А.Д. Экологический вектор устойчивого развития и способ социоприродного взаимодействия // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: кол. монография / отв. ред. И.К. Лиссеев. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 85.

⁷⁵ Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – С. 20.

⁷⁶ Там же. С. 21.

⁷⁷ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 9.

Следующая конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (2012 г., Рио-де-Жанейро) была сосредоточена на двух главных темах: экологизация экономики в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты; институционализация устойчивого развития с целью обеспечения подтверждения политической приверженности устойчивому развитию.

На конференции была озвучена идея «революционного прорыва в закладывании основ динамического роста, который обеспечит благополучие будущих поколений»⁷⁸. В.В. Мантатов, раскрывая суть этой идеи «революционного прорыва», делает акцент на том, что устойчивое развитие – это эволюционный процесс, который совпадает с наступлением ноосфера (сфера взаимодействия общества и природы, где определяющим фактором творческой эволюции мира является разумная человеческая деятельность)⁷⁹.

На первый план «Рио+20» было выдвинуто социальное измерение: в итоговом документе «Будущее, которого мы хотим» («The Future We Want»), принятом главами 192 стран, забота о человеке находится в центре устойчивого развития, исходя из этого, необходимо строить мир, основанный на справедливости, равноправии и инклюзивности (п. 6)⁸⁰. По мнению В.В. Мантатова, на Конференции ООН «Рио+20» была дана новая, гуманистическая интерпретация устойчивого развития⁸¹.

Новая повестка дня – «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Нью-Йорк, 2015) – основана на «идее трансформации нашего общества», в центре которой – достоинство человека и социальное равенство⁸². Повестка состоит из

---

⁷⁸ Цит. по: Мантатов В.В. Концептуальная революция: Конференция ООН по устойчивому развитию «РИО+20». – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. – С. 6.

⁷⁹ Там же. – С. 6

⁸⁰ Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию РИО+20 «Будущее, которого мы хотим» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iblfrussia.org/a-conf.216-l-1_russian.pdf.pdf (дата обращения: 04.12.2021).

⁸¹ Мантатов В.В. Концептуальная революция: Конференция ООН по устойчивому развитию «РИО+20». – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. – С. 11.

⁸² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (принята Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 13.10.2021).

Декларации и Целей в области устойчивого развития (далее ЦУР) – 17 взаимосвязанных целей, разработанных в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех»⁸³. В документе выделены следующие сферы трансформации: население, планета, процветание, мир, сотрудничество⁸⁴.

Путь к количественной оценке и мониторингу ЦУР сопряжен с рядом проблем. Это требует доступа ко всем формам данных и опыта для анализа и интерпретации результатов. В то время как данные по экономическим показателям широко доступны для большинства стран, данные по экологическим и социальным показателям являются неполными и имеют низкое качество. Кроме этого, исследованиям, использующим количественные подходы, основанные на данных, обычно не хватает теоретической основы⁸⁵.

Проведенный анализ Повестки дня на период до 2030 года и Глобальных целей в области устойчивого развития, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточном внимании глобальных институтов мирового сообщества к духовно-ценностным аспектам устойчивого развития человечества.

В июне 2022 года, под девизом «Стокгольм+50: здоровая планета для всеобщего процветания – наша ответственность, наша возможность», прошла Международная встреча Генеральной Ассамблеи ООН «Стокгольм+50». Целью встречи была возможность услышать голоса молодежи и познакомиться с новыми перспективами и альтернативными парадигмами. Под влиянием молодежного сообщества были прияты три инициативы: а) Центр экологических решений, основанных на данных (поддержка потенциала развивающихся стран в действиях по преодолению тройного планетарного кризиса); б) План действий CODES по созданию устойчивой

---

⁸³ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (принята Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 13.10.2021).

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Swain R.B. A Critical Analysis of the Sustainable Development Goals // Handbook of Sustainability Science and Research. Ed. Walter Leal Filho. – Springer; 1st ed. – 2018. – P. 341–357.

планеты в эпоху цифровых технологий; в) Пакт «Зеленые рабочие места для молодежи»: содействие развитию молодых навыков и талантов для создания «зеленых» рабочих мест⁸⁶.

На этой встрече, было отмечено, что, к сожалению, спустя более 50 лет после встречи в Стокгольме в 1972 году, мир столкнулся с тройным планетарным кризисом: изменение климата, загрязнение и отходы и утрата природы и биоразнообразия. Принята «Программа действий, обновления и доверия»⁸⁷. Повестка дня фокусируется также на восстановлении отношений с природой путем интеграции этических ценностей, и это потребует принятия фундаментальных изменений в отношениях, привычках и поведении.

В.В. Мантатов и Л.В. Мантатова подчеркивают необходимость обновления существующей концепции устойчивого развития, ориентированной на продолжение техноэкономического роста с экологическими ограничениями. «Такая интерпретация сегодня не отвечает требованиям времени. Возникла необходимость обновления концепции устойчивого развития, которая могла бы дать ответ не только на экологический, но также на антропологический и технологический вызовы современности. Надо искать новые концепты. Нужно на новом философском основании построить новую теорию устойчивого развития с новыми цивилизационными устремлениями. Но такое основание надо еще найти, в том числе в философском наследии не западных цивилизаций»⁸⁸.

Устойчивое развитие становится ключевым направлением в глобальной политике, растет число государств, принимающих концепцию устойчивого развития, обеспечивая переход к более справедливым и экологически

---

⁸⁶ Stockholm+50: a healthy planet for the prosperity of all – our responsibility, our opportunity [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.stockholm50.global/> (дата обращения: 04.12.2023).

⁸⁷ Stockholm+50 Recommendations and Actions for Renewal and Trust [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.stockholm50.global/resources/stockholm50-recommendations-and-actions-renewal-and-trust> (дата обращения: 04.12.2023)

⁸⁸ Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Новый взгляд на устойчивое развитие: антропокосмизм, натургуманизм и экокоммунизм (по материалам XXIV Всемирного философского конгресса) // Ноосферные исследования. – 2020. – № 1. – С. 61

безопасным моделям роста. Активным участником дискурса об устойчивом развитии на международном уровне является Япония.

В Японии устойчивое развитие (持続可能な開発, [дзидзоку кано на кайхацу], дословно «развитие, которое возможно поддерживать») представлено, как концепция, которая рассматривает охрану окружающей среды и экономическое развитие как взаимодополняющие процессы, подчёркивая важность умеренного развития, учитывающего сохранение окружающей среды⁸⁹.

Начиная с Конференции ООН по окружающей среде и развитию (1972 г.), страна Восходящего солнца играет ключевую роль в формировании консенсуса между государствами по различным вопросам концепции устойчивого развития. В Японии регулярно проводятся Международные конференции, посвященные изучению различных аспектов устойчивого развития, примером может служить ежегодная Азиатская конференция по окружающей среде и устойчивому развитию, проводимая с 2016 года, которая является площадкой для представления новых прикладных и фундаментальных исследований в области окружающей среды и устойчивого развития.

В 1993 году Совет министров по глобальной охране окружающей среды Японии принял Национальный план действий по Повестке дня на XXI век. С этого времени начинается разработка концепции устойчивого развития страны. В начале 1994 года Национальный план был представлен в ООН⁹⁰.

Одна из основных целей Национального плана – прилагать усилия для построения общества, которое позволит обеспечить устойчивое развитие с уменьшенной нагрузкой на глобальную окружающую среду, и повышать осведомленность общественности о необходимости изменения образа жизни

---

⁸⁹ Ministry of Foreign Affairs of Japan [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/kankyo/wssd/wssd.html> (дата обращения: 13.10.2024).

⁹⁰ National Action Plan for Agenda 21 Japan (1994) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/en/earth/iec/agenda/index.html> (дата обращения: 13.10.2024).

на более экологичный. Согласно этому документу, Япония намерена реструктурировать свою собственную социально-экономическую систему в такую, которая позволит обеспечить устойчивое развитие с уменьшенной нагрузкой на окружающую среду, чтобы будущие поколения унаследовали благоприятные глобальные экологические условия. В то же время Япония полна решимости воспользоваться своими собственными возможностями, чтобы внести позитивный вклад в дальнейшее сохранение глобальной окружающей среды посредством международного сотрудничества, таким образом, который будет соизмерим с положением, которое Япония занимает в международном сообществе.

Структурно документ повторяет всемирную Повестку дня на XXI век (1992) и состоит из четырех основных разделов:

1. Социальные и экономические аспекты – темы международного сотрудничества для ускорения устойчивого развития в развивающихся странах, борьбы с бедностью, изменения моделей потребления, демографической динамики и устойчивости, защиты и укрепления здоровья, продвижения устойчивого развития человеческих поселений, а также интеграции вопросов окружающей среды и развития в процесс принятия решений (Раздел 1, гл. 2-8).

2. Сохранение и управление природными ресурсами в контексте устойчивого развития – вопросы защиты атмосферы, рационального использования земель, борьбы с вырубкой лесов, управления хрупкими экосистемами (включая борьбу с опустыниванием, засухой и развитие горных регионов), продвижения устойчивого сельского хозяйства, сохранения биологического разнообразия, экологически безопасного управления биотехнологиями, защиты океанов и пресноводных ресурсов, а также безопасного управления токсичными, опасными, твердыми и радиоактивными отходами (Раздел 2, гл. 9-22).

3. Усиление роли основных групп в достижении устойчивого развития – глобальные действия для обеспечения устойчивого и

справедливого развития женщин, участие детей и молодежи в устойчивом развитии, признание и усиление роли коренных народов и их сообществ, укрепление роли неправительственных организаций как партнеров в устойчивом развитии, инициативы местных властей в поддержке Повестки дня на XXI век, усиление роли работников и их профсоюзов, укрепление роли бизнеса и промышленности, вовлечение научного и технологического сообществ, а также усиление роли фермеров (Раздел 3, гл. 23-32).

4. Средства реализации устойчивого развития – финансовые ресурсы и механизмы, передача экологически безопасных технологий; сотрудничество и наращивание потенциала в области науки для устойчивого развития; продвижение образования; повышение экологической осведомленности населения; механизмы и международное сотрудничество для увеличения потенциала в развивающихся странах; международные институциональные договоренности, международные правовые инструменты и механизмы, а также информация для принятия решений (Раздел 4, гл. 33-40)⁹¹.

В августе 2002 года Япония представила «Инициативу Коидзуми» (Конкретные действия правительства Японии по устойчивому развитию – Стремление к глобальному обмену) (小泉構想（「持続可能な開発」のための日本政府の具体的行動—地球規模の共有（Global Sharing）を目指して—）， подтверждая свою приверженность концепции устойчивого развития. Инициатива включает в себя основные идеи и конкретные действия для достижения устойчивого развития на глобальном уровне. Центральное место занимает идея необходимости совмещения экономического развития с охраной окружающей среды, где все страны должны делиться своими знаниями, стратегиями и опытом для достижения устойчивого развития. Основной идеей является «глобальное совместное использование ресурсов», что подразумевает равноправное партнерство между странами. В рамках Инициативы Япония предложила программу «Десятилетие образования для

---

⁹¹ National Action Plan for Agenda 21 Japan (1994) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/en/earth/iec/agenda/index.html> (дата обращения: 13.10.2024).

устойчивого развития» (2005-2014 гг.)⁹² и продолжает активно способствовать продвижению концепции образования для устойчивого развития на международной арене.

Национальный план действий по Повестке дня на XXI век определил основную политику Японии по продвижению конкретных инициатив в области устойчивого развития и послужил основой для формирования последующих социально-экономических, экологических и других стратегий развития Японии. Данный документ для Японии стал важным шагом в сохранении окружающей среды и реализации стратегии устойчивого развития. Стратегия устойчивого развития Японии, как практическая реализация концепции устойчивого развития, содержит не только общемировые требования, но также имеет национальные особенности, которые будут раскрыты в следующем параграфе нашего исследования.

Таким образом, рассмотрев процесс формирования концепции устойчивого развития, мы видим, как небольшие экологические проблемы переросли в проблемы глобального масштаба, затрагивающие права будущих поколений на здоровую окружающую среду. Менялись задачи устойчивого развития, расширяясь как в пространственном, так и во временном измерениях, менялся акцент с технико-экономического и социально-политического направлений на необходимость смены ценностных ориентиров современной техногенной цивилизации. Действительно, формирование моделей устойчивого развития продвинулось на макроуровне, но практическое воплощение устойчивого развития имеет тенденцию разделяться на отдельные аспекты. На наш взгляд, причина заключается в том, что государства, реализующие концепцию устойчивого развития ориентированы на общемировые требования, при этом не всегда учитывают национальные и культурные особенности своей страны.

---

⁹² Коидзуми Ко:со: "Дзидзоку кано: на кайхацу" но тамэ но Нихон сэйфу но гутайтэки ко:до: - Тюкё: кибо но кё:ю: (Global Sharing) о мэзаситэ. [Конкретные действия правительства Японии для "устойчивого развития" – стремление к глобальному обмену] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/kankyo/wssd/koizumi.html> (дата обращения: 13.10.2024).

Следует отметить, что в каждом из рассмотренных документов подчеркивается важность многообразия культур и цивилизаций. Культурные особенности, исторические аспекты и уникальные ресурсы каждого местного сообщества играют важную роль в реализации устойчивого развития, подчеркивая взаимосвязь и взаимозависимость локальной и глобальной устойчивости. Устойчивое развитие – это динамичный, культурно чувствительный и технологически инновационный процесс, направленный на обеспечение гармоничного взаимодействия экологических, экономических и социальных факторов. Устойчивое развитие требует системного подхода и гибкости в адаптации к изменениям, с целью сохранения и улучшения жизни на планете в долгосрочной перспективе. На наш взгляд, связующим элементом, ценностной основой устойчивого развития мира является экологическая этика, присущая каждой культуре в отдельности, основанная на уникальных традициях и национальных особенностях.

Мы считаем, одним из примеров такой адаптации концепции устойчивого развития к национальной специфике является стратегия устойчивого развития Японии. Японская модель устойчивого развития представляет собой уникальный баланс между уважением к природе, высокими стандартами технологического развития и социальными инновациями. Её ключевые направления включают комплексные программы экологического управления, технологические решения для минимизации негативного воздействия на природу, а также институциональные механизмы, обеспечивающие долгосрочную устойчивость. Детальный анализ стратегии устойчивого развития Японии позволит не только раскрыть её особенности, но и понять, каким образом национальные традиции и современные вызовы могут формировать уникальные пути к глобальной устойчивости.

1.2. Стратегия устойчивого развития Японии: особенности и ключевые направления

Японская культура пронизана глубоким эстетическим пониманием природы; традиционные системы ценностей уделяют большое внимание заботе об окружающей среде, японское общество, в силу географических условий Японии, более чувствительно и приспособлено к природе, чем западные общества. С другой стороны, Япония имеет долгую историю эффективного использования окружающей природной среды для удовлетворения человеческих потребностей и развития промышленности.

С момента принудительного открытия Японии в 1853 году, переход Японии от аграрного общества к одной из ведущих промышленных стран мира произошел всего за 50 лет.⁹³ Важным аспектом этой эпохи является появление термина сидзэн (природа), который мы более подробно рассмотрим в параграфе 2.1. В отличие от более ранних терминов, сидзэн предполагал разделение природы и культуры на две отдельные сферы. Общее отношение к открытию Японии можно обозначить несколькими идеями. Первая – «просвещение и цивилизация» (文明開化, [бунмэй кайка]), фраза эпохи Мэйдзи, относящаяся к усвоению евро-американского мышления, технологий и культуры, подразумевающая экономическое, промышленное и военное развитие в соответствии с западной моделью⁹⁴. Другая идея была выражена ученым и политиком Сакума Сёдзан (1811-1864), «Восточная мораль, западная технология» (東洋の道徳 西洋の藝術, [тоё но до:току сэйё но гэйдзюцу]) и географом Сига Сигетака (1863-1927) «Поддержание культурной идентичности Японии» (国粹主義, [кокусуй сюги])⁹⁵. Сторонники этой идеи выступали против интеллектуальной «вестернизации» Японии, утверждая,

⁹³ Saaler S. Die Bedeutung der Epochenumarke 1868 in der Japanischen Geschichte: Restauration, Revolution, Reform. – Saeculum, 2005. – Vol. 56. – P. 74.

⁹⁴ Totman C.D. Japan: An Environmental History. (Environmental History and Global Change Series 6). – Japan: An Environmental History.; London: I.B. Tauris., 2016 – P. 151

⁹⁵ Thomas J. A. Reconfiguring Modernity: Concepts of Nature in Japanese Political Ideology. – Twentieth Century Japan, 2002. – Vol. 12. – P. 57.

что, принимая западные знания и технологии, следует сохранить японские философские традиции. Третий критиковали «вестернизацию», отвергали индустриализацию, включая ее социально-экологические последствия и призывали к возвращению к традиционным ценностям и философиям⁹⁶. Известный фольклорист Янагита Кунио (1875-1962), например, утверждал, что вырубка лесов, перемещение деревень и другие насильственные изменения ландшафта лишат японский народ его общинной идентичности и религиозной основы: «наше поклонение богам берет начало не в каком-то священном теле или святилищах, а в самой земле и лесе, густо растущем на ней»⁹⁷. Предполагалось, что «японский национальный характер был сформирован климатом, ландшафтом и географией Японии, а физическая среда должна рассматриваться не только как экономический, но и как культурный ресурс, требующий сохранения»⁹⁸.

Тем не менее, эстетическое и культурное восприятие природы не равнозначно ее экологическому пониманию, несмотря на то, что мнение относительно красоты японского ландшафта было широко распространено, некоторые считали, что богатства природы ждут своего использования⁹⁹, другие утверждали, что из-за нехватки природных ресурсов в Японии для удовлетворения национальных потребностей необходимы не только интенсивная добыча ресурсов, но и географическая экспансия¹⁰⁰.

В экологическом контексте развитие современной Японии можно разграничить на следующие периоды:

- промышленное развитие после Второй мировой войны;
- городское развитие в 1970 – 1980-е годы;

---

⁹⁶ Brecher W.P. An Investigation of Japan's Relationship to Nature and Environment. – Lewiston: Edwin Mellen Press, 2000. – P. 5.

⁹⁷ Marcon F. The Knowledge of Nature and the Nature of Knowledge in Early Modern Japan. Paperback ed. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. – P. 299.

⁹⁸ Gavin M. Nihon fukeiron (Japanese Landscape): Nationalistic or Imperialistic? – Japan Forum, 2000. –12: 219-31.

⁹⁹ Marcon F. The Knowledge of Nature and the Nature of Knowledge in Early Modern Japan. Paperback ed. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. – P. 289.

¹⁰⁰ Befu H. Hegemony of Homogeneity: An Anthropological Analysis of Nihonjinron. – Melbourne: Trans Pacific Press, 2001. – (Japanese Society Series; 5).

- переориентация на устойчивое развитие с конца 1980-х годов.
- глобальное устойчивое развитие с 2000-х годов.

С середины 1960-х годов росло общественное недовольство по поводу увеличения уровня промышленного загрязнения и издержек быстрого послевоенного экономического развития Японии (социальных, экологических, медицинских и культурных). Выросло количество общественных демонстраций в пользу ужесточения экологического регулирования, разжигаемых активными местными экологическими группами и вдохновленными экологическими движениями за рубежом. В ответ на это в 1970 году были приняты 14 законов, которые представляли собой самый строгий режим борьбы с загрязнением природы. Новые законы возложили на виновников загрязнения финансовую ответственность перед своими жертвами в соответствии с гражданским законодательством, предусмотрели посредничество в разрешении споров; были внесены поправки в существующие законы. С 1970 по 1975 год расходы центрального правительства на экологические проблемы почти удвоились в реальном выражении, расходы местных органов власти увеличились в 3 раза, а инвестиции бизнеса в меры по борьбе с загрязнением выросли до 40 % в год. Эти усилия привели к улучшению качества воздуха и воды, и Япония получила международное признание за свой успех в предотвращении экологической катастрофы.

Отношение Японии к экологической устойчивости изменилось с конца 1980-х годов как на государственном, так и на корпоративном уровне. Осознавая зависимость от ископаемого топлива и природных ресурсов, Япония приступила к созданию нового глобального имиджа, инвестируя в разработки экологичных технологий, снижая потребление углерода, увеличивая свою роль в решении глобальных экологических проблем.

В Белой книге экологической политики Японии 1988 года подчеркивалось, что Япония обладает экономическим могуществом и уверена, что может внести свой вклад в сохранение окружающей среды, используя свои

технологические знания и прошлый внутренний опыт борьбы с экологическими проблемами.

Четыре фактора оказали влияние на формирование новой экологической политики:

1. Агентство по охране окружающей среды укрепило свою позицию в области охраны окружающей среды. Принятые законы в области экологического регулирования способствовали разрешению большей части экологических проблем.

2. В 1993 году был принят Основной закон об окружающей среде. Стимулом для принятия закона послужила необходимость пересмотра старого «Основного закона о контроле за загрязнением окружающей среды 1967 года» в свете глобального экологического сознания. «Устойчивое развитие» стало ключевой фразой для Основного закона об окружающей среде.

3. Был принят Закон об оценке воздействия на окружающую среду (1997),¹⁰¹ который определяет процесс, оценку проектов, обязанности различных уровней власти и бизнеса.

4. Было создано Министерство окружающей среды (2000), проводившее политику «мягкой силы». Была предложена программа «Инициатива 3R» (3R イニシアティブ), направленная на построение экологического общества с помощью 3R: Reduce (сокращение количества отходов); Re-use (повторное использование); Recycling (переработка)¹⁰².

В 2007 году правительство Японии объявило о формировании «ведущей экологической нации», ключевым инструментом которой выступала «мудрость сосуществования с природной средой». Японцы традиционно питали чувство уважения к природе и жили в гармонии с природой, обладая традиционной мудростью не только в использовании природы, но и в ее сохранении и поддержании. Традиционная мудрость, согласно которой люди

---

¹⁰¹ Environmental Impact Assessment Act (Act No. 81 of 1997) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3375/en> (дата обращения: 13.06.2021).

¹⁰² 3R initiative [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/recycle/3r/initiative/index.html> (дата обращения: 13.06.2021).

проявляют смиренное отношение к природе и совместно работают над сохранением окружающей среды и управлением ею, представляет собой подход, который имеет большое значение в стремлении к устойчивому развитию общества. В японской стратегии устойчивого развития отмечается: «Используя сильные стороны в экологических и энергетических технологиях, а также применяя в современное время традиционную мудрость жизни в гармонии с природой, мы должны стремиться создать ведущую экологическую нацию»¹⁰³ ¹⁰⁴.

Реализация идеи экологической нации строится на трех принципах: создание «прекрасной нации», в которой традиционная мудрость сосуществования с природой применяется к современному обществу; охрана окружающей среды и экономическое развитие, возрождение местных сообществ; совместное развитие со странами Азии и со всем миром.

Стратегия устойчивого развития Японии включает в себя комплекс мер и инициатив, направленных на поддержание баланса между экономическим ростом, социальным благополучием и охраной окружающей среды. Стратегия базируется на международных обязательствах и внутренних программах, адаптированных к национальным особенностям.

В 2015 году на Саммите ООН по устойчивому развитию принятые 17 Целей в области устойчивого развития. Япония, для реализации этих Целей начинает работу над развитием внутренней инфраструктуры. В 2016 году были созданы два подразделения: «Штаб по продвижению ЦУР» во главе с премьер-министром и «Круглый стол по продвижению ЦУР», в который входят широкий круг заинтересованных сторон, включая правительство, частный сектор, НПО/НКО, экспертов, международные организации. Работа в области реализации устойчивого развития, в том числе стратегические планы

---

¹⁰³ Becoming a Leading Environmental Nation in the 21st Century: Japan's Strategy for a Sustainable Society [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/press/files/en/164.pdf> (дата обращения: 13.06.2021).

¹⁰⁴ Насибулина А.С. Особенности экологической этики Японии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 80

и отчеты, представлены на Японской платформе действий по достижению ЦУР (JAPAN SDGs Action Platform)¹⁰⁵.

Среднесрочная и долгосрочная национальная стратегия реализации Повестки дня на период до 2030 года и достижения целей устойчивого развития в Японии представлены в Руководящих принципах реализации ЦУР. Документ был принят в 2016 году и пересматривался в 2019 и 2023 годах.

В своей стратегии устойчивого развития Япония выделяет 8 приоритетных областей: реализация гендерного равенства и общества, в котором каждый человек может играть активную роль; достижение хорошего здоровья и долголетия; «создание растущих рынков, возрождение сельских территорий и продвижение научных технологий и инноваций; устойчивое землепользование, развитие качественной инфраструктуры; энергоэффективность и возобновляемые источники энергии, снижение риска стихийных бедствий, противодействие изменению климата, общество здорового материального цикла; сохранение биоразнообразия, лесов, океанов и другой окружающей среды; Построение мирного, безопасного и надежного общества; Укрепление средств и рамок реализации ЦУР»¹⁰⁶.

Основные задачи:

1. Создание устойчивых экономических и социальных систем: включение целей ЦУР в национальные политики и стратегии; продвижение «Новой формы капитализма» для устойчивого роста; поощрение достойного труда, государственно-частных партнерств и поддержки компаний, решаящих социальные проблемы; укрепление регионального развития через такие инициативы, как «Города будущего» и система комплексного ухода на основе сообщества.

---

¹⁰⁵ JAPAN SDGs Action Platform [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/index.html> (дата обращения: 01.08.2024)

¹⁰⁶ Дзидзоку кано: на хатсудзо: мокухё: (SDGs) дзисси сисин [Руководящие принципы реализации целей устойчивого развития (ЦУР, SDGs)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/kaitei_2023_jp.pdf (дата обращения: 30.11.2023)

2. Реализация инклюзивного общества, в котором «никто не останется позади»: усиление мер по защите детей, публичного образования, женщин и борьбы с одиночеством и изоляцией; реализация Национального плана действий по правам человека в бизнесе; поощрение участия молодежи в построении устойчивых систем.

3. Активизация усилий по решению основных глобальных проблем: борьба с изменением климата, потерей биоразнообразия и загрязнением через создание системы, ориентированной на нулевые выбросы и переработку; лидерство в декарбонизации, особенно в Азии, и поддержка развивающихся стран через Зеленый климатический фонд; усиление продовольственной и энергетической безопасности; обмен опытом в области снижения рисков бедствий; реализация глобальной рамочной программы по биоразнообразию для остановки потери биоразнообразия; расширение зеленого финансирования и продвижение переходного финансирования; улучшение глобального здравоохранения через «Глобальную стратегию здравоохранения» и привлечение частных ресурсов.

4. Сотрудничество и взаимодействие с международным сообществом: продвижение устойчивости и сотрудничества на основе солидарности; лидерство в формировании международных правил, стандартов и управления; увеличение присутствия в международных организациях и числа японских сотрудников в них; расширение официальной помощи развитию; продвижение качественного роста через зеленую и цифровую трансформации; обеспечение качественного образования; фокус на уязвимых странах и сообществах, сокращение бедности и гуманитарную помощь.

5. Поддержание мира и содействие устойчивому развитию на комплексной основе: использование подхода HRP Nexus (связь гуманитарной деятельности, развития и мира); поддержка «человеческой безопасности» через защиту, расширение прав и возможностей и солидарность; вклад в мир

и процветание международного сообщества, обеспечение соблюдения гуманитарных принципов во время кризисов¹⁰⁷.

Также в стратегии определены заинтересованные стороны (в частности, молодежь, образовательные институты, научно-исследовательское сообщество, локальные правительства) и их роль в реализации ЦУР.

Устойчивое развитие в Японии интегрировано в ряд документов, которые в совокупности формируют общую стратегию устойчивого развития страны. В таблице 1 приведены основные стратегические документы в области устойчивого развития, на которые мы опирались в ходе исследования.

Таблица 1

№	Название документа	№, Год	Примечания
1.	Основной закон об охране окружающей среды 環境基本法 ¹⁰⁸	Закон № 91, 1993	Основной закон, указывающий основные направления экологической политики Японии. В результате «Основной закон о борьбе с загрязнением» (1960) был отменен, а в «Закон об охране окружающей среды» (1972) были внесены поправки.
2.	Закон об оценке воздействия на окружающую среду 環境影響評価法 ¹⁰⁹	Закон № 81, 1997	Институционализирована экологическая оценка крупномасштабных проектов развития.
3.	Закон о содействии мерам по противодействию глобальному потеплению 地球温暖化対策の推進に関する法律 ¹¹⁰	Закон № 117, 1998	Пересмотрен в 2021 году. Устанавливает цель сокращения выбросов парниковых газов практически до нуля к 2050 году и предусматривает реализацию декарбонизированного общества к 2050 году в качестве основной философии.
4.	Основной закон о создании общества по переработке отходов 循環型社会形成推進基本法 ¹¹¹	Закон № 110, 2000	Реализация концепции общества с устойчивым материальным циклом (на принципе 3R)
5.	Закон о рациональном использовании энергии (エネルギーの使用の合理化及び非化石エ	Закон № 49 1975	Закон пересмотрен после принятия Киотского протокола (1997). В 2023 г. название изменено на «Закон о

¹⁰⁷ Дзидзоку кано: на хатсудзо: мокухё: (SDGs) дзисси сисин [Руководящие принципы реализации целей устойчивого развития (ЦУР, SDGs)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/kaitei_2023_jp.pdf (дата обращения: 30.11.2023)

¹⁰⁸ Хэйсэй гонун хөгжлийн тайлан: [Основной экологический закон, Закон № 91 от пятого года эпохи Хэйсэй] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=405AC0000000091> (дата обращения: 30.11.2023).

¹⁰⁹ Канкё: э:кё: хё:ка хо: [Закон об оценке воздействия на окружающую среду] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=409AC0000000081> (дата обращения: 01.06.2024).

¹¹⁰ Тикю: онданձэй: тайсану но сю:син ни канзуру хо: [Закон о мерах по предотвращению глобального потепления] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=410AC0000000117> (дата обращения: 01.06.2024).

¹¹¹ Дзюнкангата сякай кэйсэй сю:син кихонхо: [Основной закон о содействии формированию общества с замкнутым циклом] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=412AC0000000110> (дата обращения: 01.12.2024).

	エネルギーへの転換等に関する法律 2023) ¹¹²		рациональном использовании энергии и переходе на неископаемую энергию»
6.	Закон об охране и управлении дикой природой 鳥獣の保護及び管理並びに狩猟の適正化に関する法律 ¹¹³	Закон № 88, 2002	В частности, в закон направлен на развитие местных сообществ посредством обеспечения биоразнообразия, сохранения среды обитания и развития сельского, лесного и рыбного хозяйства .
7.	Закон о содействии восстановлению природы 自然再生推進法 ¹¹⁴	Закон № 148, 2002	Направлен на «сохранение здоровой и богатой природы для будущих поколений, а также на создание общества, которое существует с природой, обеспечивая биологическое разнообразие, а также способствуя сохранению глобальной окружающей среды».
8.	Основной закон о биоразнообразии 生物多様性基本法 ¹¹⁵	Закон № 58 2008	Устанавливает основные принципы сохранения и устойчивого использования биоразнообразия и определяет обязанности национального правительства, местных органов власти, бизнеса, граждан и частных организаций
9.	Основной экологический план Японии 日本国の環境基本計画 ¹¹⁶	1994 2000 2006 2012 2018	Представляет собой схему комплексных, долгосрочных мер по охране окружающей среды всего правительства и продвигает меры, связанные с охраной окружающей среды в комплексный и плановый характер.
10.	Закон о поощрении мотивации охраны окружающей среды и развитии экологического образования 環境の保全のための意欲の増進及び環境教育の推進に関する法律 ¹¹⁷	Закон № 130, 2003	Устанавливает базовую политику для повышения мотивации к сохранению окружающей среды и содействия экологическому образованию, способствуя тем самым обеспечению здоровой жизни людей настоящего и будущего.
11.	Справочные материалы для преподавания экологического образования 環境教育指導資料〔幼稚園・小学校編〕 ¹¹⁸	2014	Редакция 2014 года опирается на основные принципы Десятилетия образования в интересах устойчивого развития ООН

¹¹² Энеруги: но сиё: но го:ри:ка кю: хикассэй энеруги: э но тэнкан то ни кансуру хо: [Закон о рациональном использовании энергии и переходе на нефосильные источники энергии] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=354AC0000000049> (дата обращения: 01.12.2024).

¹¹³ Тё:дзю: но хого ёби канри нараби ни сюрю: но тэкисайка ни кансуру хо: [Закон о защите и управлении дикими животными, а также об оптимизации охоты] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=414AC0000000088> (дата обращения: 01.12.2024).

¹¹⁴ Сидзэн сайсэй сю:син хо: [Закон о содействии восстановлению природы] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=414AC1000000148> (дата обращения: 01.12.2024).

¹¹⁵ Сэйбуцу таё:сэй кихонхо: [Основной закон о биологическом разнообразии] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=420AC1000000058> (дата обращения: 01.12.2024).

¹¹⁶ Нихонкоку но канкё: кихонкэйкаку [Основной экологический план Японии] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.env.go.jp/policy/kihon_keikaku/plan/plan_5.html (дата обращения: 04.06.2024).

¹¹⁷ Канкё: но ходзэн но тамэ но ийоку но дзо:син ёби канкё: кё:ику но сю:син ни кансуру хо: [Закон о повышении сознательности в целях охраны окружающей среды и продвижении экологического образования] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/housei/15620030725130.htm (дата обращения: 01.06.2024).

¹¹⁸ Канкё: кё:ику сидо: сирё: [Руководство по экологическому образованию (для детских садов и начальных школ)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nier.go.jp/kaihatsu/pdf/kankyo_k_n_e.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

12.	Руководство по продвижению образования в интересах устойчивого развития (ОУР) 持続可能な開発のための教育 (ESD) 推進の手引 ¹¹⁹	2016 2018 2021	Документ направлен на то, чтобы сделать образование мощным инструментом для устойчивого развития, способствуя формированию у учащихся компетенций, необходимых для решения современных глобальных вызовов. Включает рекомендации по интеграции ОУР в учебные программы и сотрудничеству с внешними организациями.
13.	Стратегия национальной безопасности 国 家 安 全 保 障 戰 略 ¹²⁰	2020	В стратегии отмечается, что изменение климата является проблемой безопасности, затрагивающей само существование человечества. Япония намерена способствовать достижению ЦУР через предотвращение и решение сложных взаимосвязанных рисков на основе концепции человеческой безопасности.
14.	Руководящие принципы реализации ЦУР 持続可能な開発目標 (SDGs) 実施指針 ¹²¹	2016 2019 2023	Среднесрочная и долгосрочная национальная стратегия реализации Повестки дня на период до 2030 года и достижения ЦУР в Японии и на международном уровне к 2030 году.
15.	Базовый план науки, технологий и инноваций 科学技術・イノベーション基本計画 ¹²²	2021	Основная цель 6-го Базового плана заключается в том, чтобы включить в объект продвижения науки и технологий «гуманитарные и социальные науки» и позиционировать «создание инноваций» как один из ключевых элементов. Реализовать концепцию Общества 5.0. с добавлением японских уникальных ценностей. Особое внимание уделяется таким ценностям «мягкой силы», как существование с обществом и природой и др.
16.	План действий по достижению ЦУР S D G s アクションプラン ¹²³	2023	Обновляемый план, конкретизирующий меры и действия для достижения ЦУР в Японии
17.	Добровольный национальный обзор реализации Повестки дня на период до 2030 года アジェンダの履行に関する自発的国家レビュー ¹²⁴	2021	Подробный отчет о реализации ЦУР в Японии на 2021 год

¹¹⁹ Дзидзоку кано: на хатсудзо: но тамэ но кё:ику (ESD) сю:син но тэбики [Руководство по содействию образованию для устойчивого развития (ESD)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mext.go.jp/content/20210528-mxt_koktou01-100014715_1.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

¹²⁰ Кокка анзэн хосё: сэнряку [Национальная стратегия безопасности] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cas.go.jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).

¹²¹ Дзидзоку кано: на хатсудзо: мокухё: (SDGs) дзисси сисин [Руководящие принципы реализации целей устойчивого развития (ЦУР, SDGs)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/kaitei_2023_jp.pdf (дата обращения: 30.11.2023).

¹²² Кагаку гидзюцу ино:бэ:сён кихонкэйкаку [Наука, технологии и инновации. Базовый план Правительства Японии] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).

¹²³ SDGs акутён пуран 2023 [План действий по достижению ЦУР 2023] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/SDGs_Action_Plan_2023.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

¹²⁴ Дзисю:коку риппо: 2021 [Добровольный национальный обзор 2021 по реализации Повестки до 2030 года] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/vnr/> (дата обращения: 13.06.2024).

18.	Стратегия зеленого роста для достижения углеродной нейтральности к 2050 году 2050 年カーボンニュートラルに伴う. グリーン成長戦略 ¹²⁵	2020	Определяет ключевые направления устойчивого развития, включая развитие возобновляемой энергетики, водородной экономики, электромобилей и энергоэффективных технологий
-----	--	------	---

На основании проведенного анализа законодательных и стратегических инициатив Японии мы можем выделить следующее:

1. Представленные законодательные инициативы охватывают широкий спектр аспектов экологических вопросов и устойчивого развития, это включает как базовые, так и специализированные законы.

2. Законы и стратегии отражают эволюцию подхода Японии к охране окружающей среды. Например, Основной закон об охране окружающей среды (1993) пришел на смену менее интегрированным инициативам, что указывает на необходимость системного подхода к экологическим вопросам. Кроме того, недавние изменения в законах демонстрируют адаптацию к новым вызовам.

3. Законы обеспечивают формализацию процессов принятия решений и оценки воздействия крупных проектов на природу, что подчеркивает важность институциональных рамок для реализации экологической политики.

4. Образование рассматривается как ключевой элемент в продвижении устойчивого развития.

5. Определен стратегический подход к достижению целей устойчивого развития.

6. Подчеркнута взаимосвязь экологии и безопасности – изменение климата является угрозой для безопасности человечества. Это свидетельствует о комплексном подходе, где экологические проблемы рассматриваются в контексте безопасности и устойчивости общества.

Япония сыграла ведущую роль в разработке Повестки дня на период до 2030 года. В 2015 году, перед принятием Повестки дня на период до 2030 года,

---

¹²⁵ 2050-Нен кабоннюторару ни томонау гурин сейко сенряку [Стратегия зеленого роста для достижения углеродной нейтральности к 2050 году] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.meti.go.jp/policy/energy_environment/global_warming/ggs/pdf/green_honbun.pdf (дата обращения: 13.06.2024).

правительство Японии учредило Хартию сотрудничества в целях развития¹²⁶, в которой определяются философия и принципы сотрудничества в целях устойчивого развития¹²⁷. Также была разработана концепция «Стать лидером в будущем, в котором экономические, социальные и экологические улучшения достигаются комплексным, устойчивым образом, не оставляя никого позади». Для достижения вышеупомянутого видения Япония определила 8 приоритетных областей, в которых указано, на каких сферах среди целей и задач ЦУР Японии следует сосредоточиться в свете национального контекста¹²⁸.

Современная экологическая политика Японии ориентирована на три перехода: переход к декарбонизированному обществу, переход к экономике замкнутого цикла и переход к децентрализованному обществу. Эти переходы требуют радикальной социально-экономической перестройки для создания сообществ, основанных на идеях экономики замкнутого цикла и экологической экономики, и поощрения людей к изменению своего индивидуального образа жизни¹²⁹.

В пятом базовом плане по охране окружающей среды от 2018 года была предложена концепция циркулирующей и экологической экономики (Circulating and Ecological Economy). Циркулирующая и экологическая экономика представляет собой многоуровневую концепцию, направляющую действия для достижения устойчивого будущего. Существуют три фундаментальных принципа формирования циркулирующей и экологической экономики, основанные на идее взаимосвязи экологических, социальных и экономических проблем:

---

¹²⁶ Government of Japan, Cabinet Decision on the Development Cooperation Charter, February 10, 2015, Government of Japan [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000067701.pdf> (дата обращения: 13.06.2021).

¹²⁷ Насибулина А.С., Мантатова Л.В. Эколо-этические основы национальной стратегии устойчивого развития: опыт Японии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 39-44.

¹²⁸ MFA, Japan: The SDGs Implementation Guiding Principles (2017) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/000252819.pdf> (дата обращения: 04.06.2021).

¹²⁹ Annual report on the Environment in Japan 2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.env.go.jp/en/wpaper/2021/pdf/2021_all.pdf (дата обращения: 04.06.2021).

- принцип циркуляции энергии и движение к низкоуглеродному обществу (декарбонизации); этот принцип способствует формированию устойчивого общества за счет регионального и децентрализованного производства энергии на основе возобновляемых источников энергии;
- принцип циркуляции и вторичного использования материалов, что сведет к минимуму использование сырья и отходов за счет создания цикла повторного использования;
- принцип общества, живущего в гармонии с природой, в частности эффективное сельско-городское взаимодействие¹³⁰.

Региональная система циркулирующей и экологической экономики становится инструментом для создания, децентрализованного и самоустойчивого общества в соответствии с местными потребностями, находя синергетические отношения между соседними регионами и сообществами для достижения устойчивого использования ресурсов с учетом уникальных характеристик каждого региона.

По итогам отчета об устойчивом развитии за 2020 год, который содержит всесторонний анализ текущего состояния каждого индекса в отношении достижения ЦУР, прошедшей деятельности, прогнозов на 2030 год и перспектив ЦУР в современных условиях, Япония занимает 17-е место среди 166 стран. Япония получила высокий рейтинг по ЦУР 4 (Качественное образование), ЦУР 9 (Промышленные инновации и инфраструктура) и ЦУР 16 (Мир, справедливость и сильные институты). По показателям ЦУР 5 (Гендерное равенство), ЦУР 13 (Борьба с изменением климата), ЦУР 14 (Сохранение морских экосистем), ЦУР 15 (Сохранение экосистем суши), ЦУР

---

¹³⁰ Takeuchi K., Fujino J., Ortiz-moya F., Mitra B.K., Watabe A., Takeda T., Jin Zh., Nugroho S.B., Koike H., Kataoka Y. Circulating and Ecological Economy – Regional and Local CES: An IGES Proposal. Institute for Global Environmental Strategies (IGES) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iges.or.jp/en/publication_documents/pub/discussionpaper/en/6744/Circulating+and+Ecological+Economy+-+Regional+and+Local+CES%2C+An+IGES+Proposal.pdf (дата обращения: 13.06.2021).

17 (Партнерство в интересах устойчивого развития) Япония имеет низкий рейтинг¹³¹.

Японский подход к вопросам окружающей среды включает в себя не только внутреннюю экологическую политику, но и международные экологические инициативы, цель которых – утверждение имиджа страны на международной арене в качестве «зеленой сверхдержавы»¹³². «Именно Япония, взявшись за решение таких проблем мирового масштаба, как глобальное потепление, проблема распространения ядерного оружия, проблемы бедности, в первую очередь применительно к странам Африки, должна стать «мостом» между странами Востока и Запада, между развитыми и развивающимися странами. Активное исполнение этой роли должно стать первым шагом к тому, чтобы все граждане Японии имели надежду на будущее и гордились своей страной, а также к тому, чтобы Япония стала пользоваться доверием международного сообщества в качестве «моста» между странами мира»¹³³.

В проблемах, с которыми сталкивается современная Япония значительную роль сыграл капитализм. При капиталистическом подходе к развитию, где приоритетом часто являются краткосрочные выгоды над долгосрочной устойчивостью, усугубляются в том числе и экологические проблемы. Капитализм, будучи движущей силой экономического роста, одновременно спровоцировал множество сложных и взаимосвязанных проблем, требующих комплексного решения: «За это время [1980-2000 гг.] возникло бесчисленное количество препятствий, таких как расширение экономического неравенства, ухудшение изменения климата, увеличение

---

¹³¹ Sustainable Development Report 2021 The Decade of Action for the Sustainable Development Goals Includes the SDG Index and Dashboards [Электронный ресурс]. – URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/2021-sustainable-development-report.pdf> (дата обращения: 29.02.2021).

¹³² Данилова В.И. История становления концепции экологической безопасности Японии // Вестник МГИМО-университета. – 2015. – № 3(42). – С. 51–59.

¹³³ Посвященный внешней политике Японии отрывок программной речи премьер-министра Японии Ю. Хатояма, произнесенной на 173-м заседании парламента Японии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/POLICIES/PERFORMANCE/PRIMEMINISTER/20091026_1.html (дата обращения: 18.02.2021).

риска для экономической безопасности из-за чрезмерной зависимости от зарубежных стран, рост городских проблем из-за концентрации населения и провалов рынка»¹³⁴.

По мнению японских исследователей, капиталистическая система Японии отличается от западной. Сравнивая капитализм Японии и Запада, мы можем сделать вывод, что западный капитализм основывается на «индивидуализме, ориентированном на права», тогда как японский капитализм базируется на «коллективизме, ориентированном на гармонию», или «和の集団主義» [ва но сюдан сюги]¹³⁵.

По инициативе премьер-министра Японии Фумио Кисиды в 2022 году был принят «Великий проект и план действий для новой формы капитализма», направленный на увеличение инвестиций в людей, стартапы, зеленые и цифровые преобразования, науку, технологии и инновации для содействия экономическому росту и решения социальных проблем. «Новый капитализм» стремится вытеснить давнюю неолиберальную политику, которая доминировала в Японии с 1980-х годов, включая недавний переход страны к «акционерному капитализму». Вместо этого администрация Кисиды проводит более инклюзивный «капитализм заинтересованных сторон» и стремится стимулировать «добродетельный цикл роста и распределения»¹³⁶. Документ признает «провалы рынка» и стремится «защитить общечеловеческие ценности» (глава 1, пункт 2). Подчеркивается нецелесообразность фокуса на краткосрочном увеличении корпоративных прибылей. Компании должны выполнять свои социальные и экологические обязательства (человеческий капитал и права человека, изменение климата, разнообразие и т. д.) для

---

¹³⁴ Атарашии сихон сюги но грандо-дизайн ойоби дзикко: кейкаку 2023 кайтэй-бан. [Гранд-дизайн и план реализации новой модели капитализма, редакция 2023 года] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2023.pdf (дата обращения: 13.06.2024).

¹³⁵ Hayashi T. "Nihongata shihonshugi" no mamoru biki chōsho wa: Kokusai-ka no chōgū no naka de kangaeru [Сильные стороны «японского капитализма», которые следует сохранить в условиях глобализации] // Jōsai Daigaku Joshi Tanki Daigakubu Kiyb, 9 (1), 1-16, 1992-01

¹³⁶ In Japan, an Uphill Climb for PM Kishida's 'New Capitalism'. [Электронный ресурс]. – URL: <https://thediplomat.com/2023/05/in-japan-an-uphill-climb-for-pm-kishidas-new-capitalism/> (дата обращения: 13.06.2024).

поддержания устойчивости бизнеса, перейдя от точки зрения, которая фокусируется на краткосрочной прибыльности отдельных компаний, к той, которая подчеркивает социальную ценность и принимает во внимание социальные и экологические последствия в дополнение к финансовому риску (глава 6)¹³⁷.

Несмотря на амбициозные цели, администрация Кисиды сталкивается со скептицизмом относительно реалистичности этих реформ, учитывая укоренившиеся интересы и консервативный характер японского корпоративного сектора. Глобальная экономическая неопределенность и внутренняя политическая динамика добавляют сложности в эффективную реализацию этих политик.

В силу ограниченности ресурсов для создания сильного общества и сохранения международной конкурентоспособности Японии необходимо занимать лидирующие позиции в области науки и технологий. Национальная стратегия, ориентированная на науку и технологии и представленная в качестве «одной из платформ для поддержания роста», предлагает две стратегии научно-технологического развития страны, опирающиеся на сильные стороны Японии: стратегию превращения в экологическую и энергетическую силу посредством «зеленых» инноваций и стратегию здоровья посредством «жизненных» инноваций¹³⁸.

Научно-технологическое развитие гармонично встроено в систему социально-экономического развития Японии и согласовано с ЦУР. Объединив Цели устойчивого развития с уникальными ценностями доверия и совместного использования, которые подчеркивает Япония, формулируется идея Общества 5.0 (Society 5.0) как видения будущего Японии.

---

¹³⁷ Атарашии сихон сюги но грандо-дизайн ойоби дзикко: кейкаку 2023 кантэй-бан. [Гранд-дизайн и план реализации новой модели капитализма, редакция 2023 года] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2023.pdf (дата обращения: 13.06.2024).

¹³⁸ Син сэйко сэнряку (кихон хосин) [Новая Стратегия роста (основные принципы)] (2009) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2009/1230sinseichousenryaku.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

Общество нового типа ориентировано на человека, уравновешивает экономический прогресс с решением социальных и экологических проблем с помощью системы, которая в высокой степени интегрирует киберпространство и физическое пространство. Общество 5.0 основано на связи ценностей «мягкой силы», такие как сообщество, ориентированное на экологичный образ жизни, гармоничные отношения общества и природы, чувство гражданства, основанное на доверии, общее убеждение «блага для всех», с высоконадежными научными исследованиями и технологическими возможностями, а также с наличием качественных социальных данных¹³⁹. Кроме того, предлагая эту концепцию, Япония стремится укрепить сотрудничество со странами, регионами и международными организациями, которые могут разделять это чувство ценности, и стать краеугольным камнем доверия в международном сообществе.

Общество 5.0 представляет собой поворотный этап в развитии человечества, отмеченный плавной интеграцией передовых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и Интернет вещей (IoT). Эти технологии, включая использование блокчейна, значительно усиливают влияние отдельных лиц и организаций, что требует наличия прочной этической основы для их применения.¹⁴⁰

Этика в Обществе 5.0 играет решающую роль, обеспечивая справедливое распределение выгод от современных технологий, тем самым предотвращая маргинализацию определенных групп и избегая социальных волнений и неравенства. Этические аспекты создают среду, в которой доверие и авторитет имеют первостепенное значение, укрепляя сотрудничество и взаимодействие между людьми и организациями.

---

¹³⁹ Кагаку гиджицу инобэсён кихон кэикаку [Наука, технологии и инновации. Базовый план Правительства Японии] (2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

¹⁴⁰ Khullar, V., Sharma, V., Angurala, M., Chhabra, N. (Eds.). Artificial Intelligence and Society 5.0: Issues, Opportunities, and Challenges (1st ed.). Chapman and Hall/CRC. – Chapman & Hall. CRC Press is an imprint of Taylor & Francis Group, LLC. – 2024 – 294 p.

Ключевым аспектом этики в Обществе 5.0 является акцент на устойчивом развитии и экологической ответственности. Поскольку речь идет о внедрении сложных технологий, их влияние на окружающую среду и будущие поколения невозможно переоценить. Этическое поведение поддерживает стремление к устойчивому развитию и способствует развитию экологически сознательного общества, гарантируя, что технологический прогресс не будет происходить в ущерб экологическому здоровью.

Интеграция технологий в Общество 5.0 поднимает серьезные этические проблемы, требующие срочного внимания. Конфиденциальность данных является критической проблемой, поскольку обширный сбор и анализ персональных данных создает серьезный риск неправомерного использования как корпорациями, так и правительствами, что требует строгих правил конфиденциальности. Кроме того, автоматизация и искусственный интеллект рисуют вытеснить работников, потенциально усугубляя экономическое неравенство, что подчеркивает необходимость действий правительства по защите прав занятости и пересмотре систем образования и обучения для плавного перехода к новым технологическим контекстам. Растущее влияние цифровых платформ на психическое здоровье, связанное с усилением тревоги, депрессии и одиночества, требует более строгого регулирования этих платформ и поощряет разработку технологий, направленных на улучшение психического благополучия.

Для решения этих проблем необходимы совместные усилия с участием правительств, лидеров отрасли, научных кругов и гражданского общества. Внедрение всеобъемлющих этических рамок и норм поможет более справедливо распределять преимущества технологий и минимизировать потенциальные риски. Кроме того, решающими шагами являются активное вовлечение граждан в процесс разработки политики и информирование их о рисках и преимуществах, связанных с технологическими достижениями.

По мнению японских исследователей, занимающихся проблемами развития, необходим комплексный подход с участием многих

заинтересованных сторон, чтобы максимизировать выгоды и минимизировать риски, связанные с технологиями Общества 5.0. Отдавая приоритет этике в принятии решений и поведении, Общество 5.0 может обеспечить справедливое и устойчивое будущее для всех.

В 2020 году впервые за 25 лет был пересмотрен Основной закон о науке и технологиях. Главным изменением было включение гуманитарных и социальных наук как одного из столпов построения Общества 5.0. Синтез гуманитарных, социальных и естественных наук имеет истинную общественную ценность. Содействие социальным изменениям посредством создания инноваций и конвергенции знаний является ключевым аспектом в построении Общества 5.0.

Важную роль в достижении ЦУР играет деятельность по обоснованному определению будущих намерений: наблюдение и моделирование. Японская система интеграции и анализа данных (DIAS) как национальная инфраструктура предоставляет ценную информацию, помогающую решать широкий спектр проблем, не только связанных с изменением климата и предотвращением стихийных бедствий, но и с водоснабжением, производством продуктов питания, защитой биоразнообразия, здравоохранением и медициной и многим другим¹⁴¹. На науку о данных как на междисциплинарную научную технологию для реализации ЦУР возлагаются большие надежды. Совершенствование технологий для использования данных и развитие человеческих ресурсов являются насущными задачами.

Устойчивое инновационное развитие Японии предполагает также культурный аспект, в частности активное участие в общецивилизационном процессе, содействие распространению культуры за пределы национальных границ, поддержку национальной культуры и традиции, благожелательное отношение к другим религиям и культурам¹⁴².

---

¹⁴¹ Накамура М. Нихон-бан SDGs’э но кагакугиджуцу сэнряку [Научно-техническая стратегия для целей устойчивого развития Японии] // Гайко. – 2019. – Vol. 55. – С. 42–47.

¹⁴² Денисов Ю.Д. Японский путь научно-технического развития // Ежегодник Япония. – 2017. – С. 117–132.

Образование является важным инструментом в достижении устойчивого развития. Просвещение в области сохранения окружающей среды позволяет каждому человеку приобрести знания, навыки, взгляды и ценности, необходимые для формирования устойчивого будущего. ЮНЕСКО подчеркивает, что системы культурных ценностей имеют основополагающее значение для учебных программ образования в интересах устойчивого развития, поскольку «язык, история и мировоззрения, связанные с культурой, имеют большое влияние на восприятие и решение вопросов устойчивого развития»¹⁴³.

Современная школьная система Японии была создана в 1872 году, в соответствии с ней все знания и навыки, необходимые представителям современной промышленной нации, должны приобретаться в рамках школьного образования в соответствии с философией «полного образования»¹⁴⁴. Дальнейшая индустриализация и усложнение общества требовали более высокого уровня знаний. Цель воспитания эволюционировала от обучения простым различиям между правильным и неправильным до образования как средства достижения экономического роста.

В основе образовательной программы Японии особое внимание уделялось идеям политики промышленного развития и модернизации, проводимой с эпохи Мэйдзи. В основе этой учебной программы лежала ориентация на быстрый экономический рост и национальное стремление к становлению Японии как одной из самых развитых индустриальных стран. Ранние образовательные концепции ассоциировались с идеей «культурности» (кёё), или «развития рациональности, интеллекта и любви к истине и красоте, приобретаемых посредством образования»¹⁴⁵.

---

¹⁴³ Education for sustainable development lens: a policy and practice review tool [Электронный ресурс]. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000190898> (дата обращения: 12.09.2021).

¹⁴⁴ Tamotsu T. Japan: Conversion of the Philosophy and Aim of Basic Education // Education Policy Reform Trends in G20 Members. – 2013. – P. 245–265.

¹⁴⁵ Kobayashi V. Changing conceptions of humanity and education // International handbook of education and development: Preparing schools, students and nations for the twenty-first century. – Oxford: Elsevier Science Ltd. – 1997. – P. 665–674.

Высокий экономический рост был достигнут за счет большого ущерба окружающей среде и здоровью населения. Инициатива защиты людей от разного рода загрязнений исходила от учителей, проживавших в районах, больше всего пострадавших от последствий экономического развития. Учителя подвергали критике содержание учебников, ориентированных на высокий рост ВНП, и обращали внимание детей на реальное состояние окружающей среды. В районах с высоким уровнем загрязнения стали проводиться мероприятия, на которых обсуждались причины загрязнения с точки зрения социальных и естественных наук и концепция прав человека на благоприятную окружающую среду. Обсуждение способствовало формированию экологического мировоззрения и осознанию того, что гуманистические традиции ни в коем случае не должны уступать место деятельности частного предпринимательства, направленной на получение прибыли.

Таким образом, экологическое образование в Японии формировалось исходя из опыта людей, пострадавших от загрязнения окружающей среды. На основе эмпирического опыта были сформулированы следующие цели и принципы экологического образования:

- понимание реальной опасности разрушения окружающей среды и осознание важности стабильного механизма взаимодействия природы и общества;
- понимание ценности жизни, здоровья и целей человеческой жизни, которые включают уважение к окружающей природной среде. В контексте данной цели важно осознание того, что промышленное развитие никогда не должно противоречить принципу уважения и любви к человеку;
- понимание последствий экологических проблем в современном обществе и взаимосвязь между экологическими проблемами и модернизацией Японии; признание и отстаивание права людей на благоприятную

окружающую среду¹⁴⁶.

После Второй мировой войны в начальных и средних школах страны существовал обычай проводить образовательные мероприятия, поддерживая тесные отношения с местными сообществами. Образовательная политика поддерживала идею школ, использующих образовательный потенциал местных сообществ, включающих в себя проживающих в нем жителей и лежащие в его основе ресурсы (природу, промышленность и культуру)¹⁴⁷. Данный подход позволил выстроить эффективную систему отношений с окружающей средой, основанную на местных культурных традициях.

В 1983 году Япония перешла на концепцию «обучения на протяжении всей жизни»¹⁴⁸. Цель школьного образования сместилась в сторону формирования «способности к самообразованию», поддерживающей обучение на протяжении всей жизни, что созвучно с определением образования в интересах устойчивого развития.

В 1990-е годы стала формироваться нормативная база экологического образования. В 1991 году Министерством образования и Национальным институтом исследований политики в области образования было принято «Руководство для учителя по экологическому образованию». В первом издании документа экологическое образование определялось как «образование, направленное на решение глобальных экологических проблем». Во 2-м и 3-м изданиях, в соответствии с повесткой ООН «Десятилетие образования в интересах устойчивого развития», оно было определено как экологическое образование для устойчивого общества с целью достижения сбалансированного развития окружающей среды, экономики, общества и культуры¹⁴⁹.

---

¹⁴⁶ Fujioka S. Environmental Education in Japan. Hitotsubashi Journal of Social Studies. – 1981. – Vol. 13, No. 1 (13). – P. 9–16.

¹⁴⁷ Toshiya K. Environmental Education in Formal Education in Japan // Japanese Journal of Environmental Education. – 2017. – No. 26 (4). – P. 21–26.

¹⁴⁸ Tamotsu T. Japan: Conversion of the Philosophy and Aim of Basic Education // Education Policy Reform Trends in G20 Members. – 2013. – P. 245–265.

¹⁴⁹ Канкёинку сидо сирё (Согакко хэн) [Справочные материалы для преподавания экологического образования (издание для начальной школы)] Центр учебных программ, Национальный институт исследований политики в области образования. – Токио: Toyokan Shuppansya Publishing Co. Ltd., 2007. – С. 3–

Последнее издание «Руководства для учителя» имеет следующие особенности:

1. Переопределение экологического образования. Основываясь на идеи «нового экологического образования, включающего перспективы ОУР», новое издание направлено на объединение школьного и социального образования для поддержания обучения на протяжении всей жизни. Экологическое образование трансформировалось из образования, направленного на решение экологических проблем, на образование, направленное на построение нового общества¹⁵⁰.

2. Наличие четкой политики, определяющей дошкольный период как основу экологического образования. Целью этой политики является укрепление связи между дошкольными учреждениями и младшими классами начальных школ в целях содействия экологическому образованию, тщательно разработанному в соответствии с этапами развития детей. Растет интерес к экологическому просвещению среди лиц, занимающихся дошкольным образованием, и содержание 3-го издания поддерживает эту тенденцию.

3. Уточнение компетенций, которые должны быть приобретены посредством экологического образования, и необходимых компетенций, которые должны быть включены в учебный план. К этим компетенциям относятся «способность чувствовать окружающую среду», «способность решать экологические проблемы», «способность обрабатывать данные», «способность использовать информацию», «способность критически мыслить», «умение договариваться», «способ справедливого распределения» и «способ участия в защите и сохранении окружающей среды»¹⁵¹.

В документах Министерства образования Японии закреплены

7; Канкёйку сидо сирё (Ёчиэн/Согакко хэн) [Справочные материалы для преподавания экологического образования (издание для детского сада/начальной школы)] Центр учебных программ, Национальный институт исследований политики в области образования. – Токио: Toyokan Shuppansya Publishing Co. Ltd., 2014. – С. 3–5.

¹⁵⁰ Там же. – С. 5.

¹⁵¹ Канкёйку сидо сирё (Ёчиэн/Согакко хэн) [Справочные материалы для преподавания экологического образования (издание для детского сада/начальной школы)] Центр учебных программ, Национальный институт исследований политики в области образования. – Токио: Toyokan Shuppansya Publishing Co. Ltd., 2014. – С. 34.

следующие императивы¹⁵²:

1. Для построения устойчивого общества важна идея экологической справедливости, которая в контексте охраны окружающей среды рассматривается как синоним устойчивого развития.

2. Для понимания проблем окружающей среды важно учитывать идеи конечности земли и биоразнообразия.

3. Концепция «гармонии с природой» подчеркивается во всех трех изданиях как основа экологического образования. Экологическая этика понимается как «уважение к собственной и чужой жизни».

Вся учебная программа построена с учетом экологического аспекта. Экологический подход заложен в каждом учебном предмете; например, учебники по естественным наукам и обществознанию включают понятия экосистемы, энергии и потребительского поведения; учебники по японскому языку и нравственному воспитанию включают литературные произведения по охране окружающей среды, способствующие воспитанию экологического сознания учащихся.

Правительство Японии совместно с неправительственными организациями подготовило и инициировало предложение о проведении Десятилетия образования в интересах устойчивого развития Организации Объединенных Наций (ДОУР), которое было представлено на встрече на высшем уровне в Йоханнесбурге в 2002 году¹⁵³.

Японский национальный план реализации ДОУР (или Национальный план действий), разработанный в 2006 году, служит политической основой в области ОУР. План включает три основные области для раннего этапа ДОУР: повышение осведомленности/обмен информацией; практика на уровне

---

¹⁵² Ямамото Ё. Канкё кёики сидо сирё согакко-хэн ни ми рарэру канкё сисо но хэнсан [Изменения в экологическом мышлении, наблюдаемые в «Справочных материалах для преподавания экологического образования (для начальной школы)】 // [Отчет исследовательской группы Японского общества научного образования]. – 2016. – Vol. 30. – P. 69–74.

¹⁵³ Nomura K., Abe O. The education for sustainable development movement in Japan: a political perspective // Environmental Education Research. – 2009. – Vol.15, No. 4. – P. 483–496.

сообщества; высшее образование¹⁵⁴. Усилия на уровне сообществ связаны с ролью местных органов власти в решении экологических проблемам с конца 1950-х годов и признанием на политическом уровне того, что эти подходы способствуют междисциплинарным и многосторонним инициативам¹⁵⁵.

Японский подход к образованию в интересах устойчивого развития концентрируется на ценности комплексного обучения и междисциплинарного развития, развивая темы «сотрудничества», «местных сообществ» и «активного обучения». Эти темы широко распространены в японской культуре и естественным образом согласуются с упором на справедливые социальные отношения (関係, [канкей]) и целостную взаимосвязь (繋がり, [цунагари]). Эти идеи глобальной устойчивости гармонично сочетаются с целями устойчивого развития. Цунагари, или взаимосвязанность, представляет собой процесс «позитивных отношений и опыта с другими»¹⁵⁶. Это холистическая теория, фундаментальная для традиционных японских представлений о культуре, обществе и образовании¹⁵⁷, которая включает: представления о себе; взаимодействие с окружающей средой; ожидания, которые люди придают будущим событиям¹⁵⁸. Важным аспектом концепции экологического образования Японии является эстетическое отношение к окружающей среде, сформированное под воздействием философско-религиозных учений и самобытной культуры. Нравственно-эстетическое воспитание на протяжении всей жизни позволяет строить гармоничные отношения с природой.

---

¹⁵⁴ Межведомственное совещание по Декаде ООН по образованию в интересах устойчивого развития. Вагаку ни Окэрү «Кокурэн» Джидзокуканоуна Каихацу но Тамэню Кёику но Джю-нэн Джисси Кэикаку (2006) [Национальный план реализации ДОУР в нашей стране] [Электронный ресурс]. – URL: www.env.go.jp/policy/edu/desd/esd_keikaku.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁵⁵ Министерство окружающей среды [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/policy/edu/esd/outline/index.html> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁵⁶ Karcher M., Holcomb M. Zambrona E. Measuring adolescent connectedness // Handbook of school counseling. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006. – P. 649–669.

¹⁵⁷ National Institute for Educational Policy Research (NIER). Gakkou ni okeru Jizokukanouna Hatten no tameno Kyōiku (ESD) ni kansuru Kenkyū (Saishu Houkokusho) (Research on Education for Sustainable Development (ESD) in the Schools (Final Report)). – Tokyo: NIER. 2012.

¹⁵⁸ Hage G. Against paranoid nationalism: Searching for hope in a shrinking society. – Annandale, NSW: Pluto Press., 2003. – 174 p.

Следовательно, экологическая этика, учитывая культурные особенности и местную специфику развития, формирует ценностный компонент образования. На наш взгляд, система образования, построенная на ценностях и принципах экологической этики, позволяет приобрести знания и навыки, сформировать ценности и взгляды, способствующие принятию обоснованных решений и ответственных действий для обеспечения гармоничных отношений с окружающей природной средой, экономической жизнеспособности и построения справедливого общества.

Проведенный нами анализ стратегии устойчивого развития демонстрирует, что Япония активно развивает свою экологическую и устойчивую политику, внедряя инновационные законодательные инициативы и стратегии, которые учитывают современные вызовы. Устойчивое развитие рассматривается как многогранный процесс, требующий интеграции различных аспектов, включая образование, институциональные механизмы и международное сотрудничество. Эти инициативы не только помогают справиться с текущими экологическими проблемами, но и закладывают основу для устойчивого будущего, что важно, как для Японии, так и для мирового сообщества в целом.

В институциональном аспекте стратегии устойчивого развития Японии посредством системного подхода к взаимодействию человека и природы, основанному на уважении к экосистемам и их сохранении для будущих поколений, мы можем видеть отражение принципов экологической этики. Это проявляется в законодательных актах и институциональных механизмах, направленных на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, охрану биоразнообразия, рациональное использование ресурсов, а также в поддержке образовательных программ, формирующих экологическое сознание общества.

Важно отметить, что такие механизмы не существуют в вакууме, их основой выступает специфическая система ценностей и этических принципов, глубоко укоренённых в японской культуре и мировоззрении. Формирование

устойчивых моделей развития невозможно без осознания этических норм, регулирующих взаимодействие человека с окружающей средой. В этом контексте экологическая этика становится не просто вспомогательным элементом государственной политики, а фундаментальной теоретической и методологической основой устойчивого развития.

Именно экологическая этика определяет принципы природопользования, отношение к ресурсам, уровень социальной ответственности и подход к разработке инновационных технологий, направленных на снижение антропогенного воздействия. Исследование её роли в стратегии устойчивого развития позволит глубже понять, как ценностные установки общества влияют на формирование государственной политики и институциональные механизмы регулирования природопользования.

1.3. Экологическая этика как теоретическая и методологическая основа устойчивого развития

Авторы книги «Пределы роста» Д. Медоуз, Дж. Рандерс и др. указывали, что любая преднамеренная попытка достичь устойчивого состояния мира должна в конечном счете основываться на фундаментальном изменении ценностей и целей на индивидуальном, национальном и мировом уровнях¹⁵⁹. Изменение ценностных установок в отношении окружающей среды в западной культуре стимулировало развитие новой философской дисциплины – экоэтики.

Экологическая этика как холистическая концепция отношения человека и окружающей среды делает акцент на целостности и устойчивости всей системы. Экологический холизм – это «мировоззрение, утверждающее, что, зная все сообщество жизни, мы обнаруживаем функции целого, повышающие

---

¹⁵⁹ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. III. The Limits to Growth. A report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. – New York: Universe Books, 1972. – P.195

устойчивость»¹⁶⁰. Эколог Ван Стинберген подчеркивает влияние холистической парадигмы на социальные науки¹⁶¹.

Экологическая этика в западной культуре представляет собой направление философских исследований, изучающих моральное отношение людей к окружающей среде, а также ее ценность и моральный статус с целью формирования нормативно-ценостной системы представлений об окружающей среде и правилах взаимодействия с ней.

Центральное место в экологической этике занимает мысль о том, что окружающая среда (и ее части) имеют внутреннюю ценность¹⁶². Внутренняя ценность может быть правильно понята как противоположность инструментальной ценности. Природная среда обладает широким спектром инструментальных ценностей (в виде природных ресурсов). В прошлом веке никто не мог предположить, что редкоземельные металлы будут использоваться в производстве сложных вычислительных технологий. Инструментальные ценности основаны на конкретных установках людей и могут меняться в зависимости от изменения взглядов субъекта.

Внутреннюю ценность природных объектов, как правило, противопоставляют внешней ценности, где внешняя ценность – это ценность, которую нечто имеет в силу своего отношения к другой ценной вещи¹⁶³. Сказать, что окружающая среда имеет внутреннюю ценность, – значит, сказать, что она имеет ценность сама по себе.

Х. Ролстон рассматривает внутреннюю ценность как метафизический статус свойств, благодаря которым что-либо имеет свою ценность¹⁶⁴.

Термин «внутренняя ценность» в западной экоэтике используется для обозначения наличия морального статуса или моральной значимости. Наличие

---

¹⁶⁰ Partridge E. Nature as a Moral Resource // Environmental Ethics. – 1984. – Vol. 6 (2). – P. 101–130.

¹⁶¹ Van Steenbergen B. Potential Influence of the Holistic Paradigm on the Social Sciences // Futures. – 1990. – Vol. 22 (10). – P. 1071–1083.

¹⁶² Minteer B. Refounding environmental ethics: Pragmatism, principle, and practice. – Temple University Press, 2011. – P. 58–70.

¹⁶³ Norton B.G. Why Preserve Natural Variety? – Princeton: Princeton University Press, 1988. – P. 21.

¹⁶⁴ Rolston H. III. Environmental Ethics. Duties to and Values in the Natural World. – Philadelphia: Temple University Press, 1988. – P. 114–117.

морального статуса природного объекта означает, что объект следует принимать во внимание непосредственно при принятии решений. По мнению философа М. Уоррена, в большинстве случаев то, что имеет моральный статус, понимается как имеющее собственные интересы или благо; при этом наличие морального статуса не означает наличия моральных прав¹⁶⁵. Обладание правами обычно толкуется гораздо более узко, чем моральный статус, и применяется только к людям и, возможно, к некоторым высшим животным¹⁶⁶.

В рамках экологической этики имеется два направления в определении морального статуса: во-первых, определение внутренней ценности и морального статуса с точки зрения концепций антропоцентризма и нон-антропоцентризма, во-вторых, определение морального статуса с точки зрения индивидуалистических или холистических этических концепций.

Л. Уайт в труде «Исторические корни нашего экологического кризиса» утверждал, что в западной культуре преобладает представление о том, что люди отделены от природы и имеют право использовать ее для достижения своих целей¹⁶⁷. Данная модель отношений между человеком и природой, по мнению ученого, уходит корнями в западную иудео-христианскую традицию. Основные направления иудео-христианского мышления поощряли чрезмерную эксплуатацию природы, поддерживая превосходство человека над всеми другими формами жизни на Земле. Л. Уайт писал: «Экологическая обстановка будет ухудшаться до тех пор, пока мы не отвернем христианскую аксиому о том, что у природы нет причин для существования, кроме как служить человеку»¹⁶⁸. Согласно Л. Уайту, антропоцентризм является фактором, способствующим возникновению и усугублению экологического кризиса, а конечные причины экологических проблем – не только материальные (экономические, технологические), но и духовные.

---

¹⁶⁵ Warren M.A. Moral Status: Obligations to Persons and Other Living Things. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 3.

¹⁶⁶ Goodpaster K.E. On Being Morally Considerable // The Journal of Philosophy. 1978. – Vol. 75. – P. 308–325.

¹⁶⁷ White L. Historical Roots of Our Ecologic Crisis? // Science. – 1967. – Vol. 155, No. 3767. – P. 1203–1207.

¹⁶⁸ Ibid. P. 1205.

С антропоцентрической точки зрения люди имеют моральный долг только по отношению друг к другу; любой долг по отношению к другим видам или существам на самом деле является лишь косвенным долгом по отношению к другим людям. Следовательно, в отношениях между человеком и природой отсутствует этическое измерение бытия.

Сегодня принципы антропоцентрической этики в западной философии защищают представители экологического прагматизма. Сторонники экологического прагматизма проявляют практическую приверженность достижению результатов, которые эффективно решают экологические проблемы, используя любые концептуальные ресурсы, необходимые для этого. В рамках экологического прагматизма можно апеллировать к правам или неотъемлемым ценностям природы только как к способам представления человеческих ценностей в рамках совещательных и дискурсивных процессов¹⁶⁹.

На наш взгляд, несмотря на то, что антропоцентризм критикуем как один из факторов, усугубляющих экологический кризис, сама по себе антропоцентристическая перспектива не является однозначно негативной. Человечество неизбежно остается в центре процесса принятия решений, связанных с природой, поскольку именно люди несут ответственность за состояние окружающей среды и определяют пути ее сохранения. В этом смысле антропоцентризм может быть не только источником проблем, но и основой для их решения. Экологическая политика может строиться не на отказе от антропоцентризма как такового, а на его переосмыслении в духе устойчивого развития, где сохранение природы рассматривается не как внешняя обязанность, а как неотъемлемая часть стратегий благополучия самого человечества. В конечном счете, независимо от этической позиции, именно людям предстоит искать и внедрять решения, способствующие гармонизации отношений между обществом и природой.

---

¹⁶⁹ Minteer B. Refounding Environmental Ethics: Pragmatism, Principle, and Practice. – Temple University Press, 2011. – 199 p.

Концепции нон-антропоцентризма значительно расширяют предмет моральной ответственности человека и морального статуса животных.

Один из ключевых подходов нон-антропоцентризма фокусируется на моральном статусе и этичном обращении с животными. Теория прав животных расширяет объект моральной ответственности и долга. Моральный статус всех животных определяется на основе эмпирического благополучия животных, в частности способности животных чувствовать боль. Сторонники этой теории утверждают, что удовольствие и боль, которые испытывают животные, имеют моральное значение; чувствительность является необходимым и достаточным условием для того, чтобы существо получало моральное внимание¹⁷⁰. Этот подход одновременно придавал высокое моральное значение разумным животным и подкреплял заявление П. Сингера о том, что сосредоточение морального значения на принадлежности к виду, а не на обладании разумом, является «видовизмом» (speciesism)¹⁷¹.

С точки зрения теории прав животных, единственный правильный способ обращаться с животными – это относиться к ним не как к средству, а как к самоцели (по причине наличия у них прав). Животные имеют права и одинаковое моральное значение, основанные либо на их интересах, либо на том, что они являются «переживающими субъектами жизни»¹⁷².

Одна из ранних форм этического биоцентризма, основанная на идее благоговения перед жизнью, была предложена А. Швейцером. В центре философской концепции «благоговения перед жизнью» – жизнь; этика Швейцера – этика ненасилия относительно любой жизни. «Наш мир – это ужасная драма самоотчуждения воли к жизни. Одно существование пробивает себе дорогу за счет другого; одно разрушает другое, я ничего не могу сделать,

---

¹⁷⁰ Singer P. Animal Liberation. – New York: Ecco Press, 2001. – P. 3-12.

¹⁷¹ Ibid. P. 7.

¹⁷² Regan T. The Case for Animal Rights. – Berkeley: University of California Press, 1983. – P. 243.

как держаться за тот факт, что воля к жизни проявляется во мне как воля к жизни, желающая прийти в гармонию с другой волей к жизни»¹⁷³.

А. Швейцер утверждает, что все живые существа обладают внутренней ценностью, которая вызывает благоговение. Поэтому у нас есть долг по отношению ко всем формам жизни «... этическим императивом для нас являются уважение и помочь всем формам жизни»¹⁷⁴.

Биоцентрические подходы объединены акцентом на этической важности отдельных живых существ, но расходятся во мнениях относительно того, что характеризует живое существо и почему эти характеристики могут считаться морально значимыми; являются ли одни живые существа более нравственно значимыми, чем другие; и является ли ценность жизни лишь одной из широкого множественного набора ценностей, передающих моральную значимость, или единственной такой ценностью?

К. Гудпастер в статье «О моральной значимости» утверждает, что единственный правдоподобный критерий того, что имеет моральное значение, – это быть живым¹⁷⁵. Моральная значимость не может быть ограничена разумной жизнью, потому что деревья и другая неразумная жизнь также имеют потребности и интересы в том, чтобы оставаться в живых.

П. Тейлор утверждает, что все организмы являютсяteleologическими центрами жизни, преследующими свое собственное благо по-своему¹⁷⁶. Однаковая врожденная ценность всех живых существ гарантирует им равный моральный статус.

Эгалитарная биоцентрическая этика Тейлора объединяет элементы классической этики добродетели с этикой благоговения перед жизнью А. Швейцера, идеей К. Гудпастера о моральной значимости жизни и эгалитаризмом П. Сингера. Тейлор утверждает, что тот, кто примет высшую

---

¹⁷³ Schweitzer A. The philosophy of civilization. Pt. 1. The decay and the restoration of civilization; Pt. 2. Civilization and ethics. – Buffalo, New York: Prometheus Books, 1987. – P. 312.

¹⁷⁴ Schweitzer A. Civilization and Ethics. The Philosophy of Civilization. Part II. – London: A.&C. Black, LTD, 1923.

¹⁷⁵ Goodpaster K.E. On Being Morally Considerable // The Journal of Philosophy. 1978. – Vol. 75. – P. 308–325.

¹⁷⁶ Taylor P. W. Respect for Nature: A Theory of Environmental Ethics. – Princeton: Princeton University Press, 2011.

моральную позицию уважения к природе, станет экологически добродетельным человеком¹⁷⁷. Он отождествляет экологически этическое поведение с поведением, мотивированным уважением к природе. Такое экологически добродетельное поведение направлено на содействие процветанию всех живых организмов¹⁷⁸. Он настаивает на том, что, «как только мы поймем биоцентризм и сформируем наше мировоззрение в соответствии с ним, мы сразу поймем, как и почему человек должен занять такое отношение как единственно подходящее отношение к природе»¹⁷⁹.

Биоцентрическое мировоззрение, то есть научно обоснованный взгляд на место человечества в естественном порядке, утверждает, что человечество, возникшее в результате случайных генетических процессов и естественного отбора, является неотъемлемой частью биотического сообщества Земли, равной другим видам. Это сообщество представляет собой сложную сеть взаимозависимых организмов, где выживание каждого зависит от взаимодействия с остальными, а каждый организм обладает внутренней ценностью как «телеологический центр жизни», стремящийся к собственному благу. При этом люди не обладают превосходством над другими живыми существами, а их имманентная ценность не выше ценности любого другого организма в этой единой экосистеме¹⁸⁰.

Не все биоцентристы согласны с эгалитаризмом Тейлора¹⁸¹. Они согласны с тем, что все живые организмы заслуживают морального внимания, но отрицают, что моральное внимание влечет за собой равное моральное значение. Тейлор признает, что биоцентрическое мировоззрение «не поддается полному анализу в виде эмпирически подтверждаемых

---

¹⁷⁷ Taylor P. W. Respect for Nature: A Theory of Environmental Ethics. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – P. 80.

¹⁷⁸ Ibid. – P. 81.

¹⁷⁹ Ibid. – P. 90.

¹⁸⁰ Ibid. – P. 99–100.

¹⁸¹ Goodpaster K.E. On Being Morally Considerable // The Journal of Philosophy. – 1978. – Vol. 75. – P. 308–325.

утверждений» и поэтому лучше всего рассматривать его как «философское мировоззрение»¹⁸².

Р. Эттфилд утверждает, что способность организма проявлять свои основные способности придает ему внутреннюю ценность, и мы должны относиться к нему с моральной точки зрения. Позиция Эттфилда состоит в том, что «организм, способный процветать и развиваться, заинтересован в этом и что мы обязаны максимизировать полезность любого организма, независимо от его вида»¹⁸³.

В работах О. Леопольда берет свое начало экоцентризм. Отправной точкой экоценризма является не индивидуум, а сообщество, в котором нечеловеческие субъекты имеют моральное значение, поскольку являются частью Земли.

О. Леопольд рассматривал отношения между людьми и окружающей средой не только как экономические, но и как моральные; он считал, что здоровье системы в целом важнее, чем здоровье ее отдельных частей. Леопольд резюмирует Этику Земли в максиме: «Вещь является правильной, когда она стремится сохранить целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. Это неправильно, когда оно стремится к чему-то другому»¹⁸⁴. Целостность и стабильность – это свойства, которыми обладают не отдельные члены сообщества, а сообщество в целом. Леопольд расширяет нравственную сферу за пределы человеческого сообщества, включая биотическое сообщество: «Этика Земли просто расширяет границы сообщества, включая почвы, воды, растения и животных, или все вместе – землю»¹⁸⁵.

Согласно концепции Леопольда, люди должны стать из экологических завоевателей экологическими гражданами, а изменениям в экологической политике страны должны предшествовать аналогичные философские

---

¹⁸² Taylor P.W. The Ethics of Respect for Nature // Environmental Ethics. – 1981. – № 3. – Р. 205.

¹⁸³ Attfield R. The Ethics of Environmental Concern. – Oxford: Basil Blackwell, 1983. – 220 р.

¹⁸⁴ Leopold A. A Sand County Almanac and Sketches Here and There. – New York: Oxford University Press, 1968.-226 р.

¹⁸⁵ Ibid. – Р. 204.

изменения в мировоззрении населения этой страны. Этика Земли требует «внутреннего изменения нашего интеллектуального акцента, лояльности, привязанностей и убеждений»¹⁸⁶. Леопольд считал, что Земля представляет собой структурированный экологический механизм, изобилующий энергетическими цепями, способный быть здоровым или нездоровым и уязвимый для внезапных антропогенных нарушений. Чисто экономические, инструментальные подходы к землепользованию, по его мнению, являются этически неприемлемыми и неустойчивыми.

Концептуальная основа Этики Земли включает в себя следующие положения:

1. Мораль (или этика) определяет действия людей как части сообщества. Люди являются простыми членами и гражданами биотического сообщества. По мнению Леопольда, вопросы об этике, то есть о том, как себя вести, возникают только в контексте сообщества.

С точки зрения экологии этика есть ограничение свободы действий в борьбе за существование. Этика, с философской точки зрения, есть дифференциация социального поведения от антиобщественного. Все это берет свое начало в стремлении взаимозависимых индивидуумов или групп к развитию способов сотрудничества. Вся этика, развитая до сих пор, основывается на предпосылке: индивидуум является членом сообщества взаимозависимых частей, его инстинкты побуждают его бороться за свое место в этом сообществе, но его этика также побуждает его к сотрудничеству¹⁸⁷.

2. Биотическое сообщество может и должно рассматриваться как моральное (или этическое) сообщество, следовательно, мы должны вести себя как хорошие члены биотического сообщества. По мнению О. Леопольда, это «эволюционная возможность и экологическая необходимость»¹⁸⁸. Расширение

---

¹⁸⁶ Leopold A. A Sand County Almanac and Sketches Here and There. – New York: Oxford University Press, 1968. – P. 210.

¹⁸⁷ Ibid. P. 202–204.

¹⁸⁸ Ibid. P. 203.

этического сообщества может и должно распространяться на окружающую среду. Ключ к экологической этике заключается в том, чтобы принять надлежащую экологически обоснованную точку зрения, пересмотреть то, как мы понимаем наше отношение к Земле, и тем самым развить экологическое сознание¹⁸⁹.

3. Быть хорошим членом сообщества означает не нарушать, не унижать и не разрушать его, следовательно, мы должны действовать таким образом, чтобы сохранить целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. Не быть разрушительными означает не подрывать нормальное функционирование экосистем, например, воздерживаться от участия в деятельности, снижающей их сопротивляемость и устойчивость к стрессовым факторам.

В ходе разработки экоцентрической этики было предложено множество объяснений методов оценки целостности и морального статуса экологических сообществ и экосистем.

По мнению Б. Калликотта, Этика Земли придает первостепенное значение «экологическим целым» – видам, биотическим сообществам и экосистемам. Он полагает, что следует пожертвовать индивидуальными интересами и жизнями, если они противоречат целостному благу системы¹⁹⁰. Та форма холизма, которую Калликотт защищает, подвергалась критике за подчинение благополучия отдельных существ благу более широкого сообщества.

Ответом на критику стала теория многоуровневого коммунитаризма, в соответствии с которой индивидуум является одновременно членом многих сообществ, в том числе от различных экосистем до глобального биотического сообщества¹⁹¹. Принадлежность к каждому сообществу порождает

---

¹⁸⁹ Leopold A. A Sand County Almanac and Sketches Here and There. – New York: Oxford University Press, 1968. – P. 207–210.

¹⁹⁰ Callicott J.B. Beyond the Land Ethic: More Essays in Environmental Philosophy. – Albany: State University of New York Press, 1999. – 437 p.

¹⁹¹ Lo Y.S. The Land Ethic and Callicott's Ethical System (1980–2001): An Overview and Critique // Inquiry. – 2001. – No. 44. – P. 331–358.

определенный набор обязанностей по защите интересов этого сообщества и его членов. Ценность, по Калликоту, антропогенна, но не антропоцентрична; люди эволюционно наделены склонностью ценить сообщество, к которому они принадлежат, как только они признают свою принадлежность. Этика Земли, утверждал Калликотт, представляет собой своего рода коммунитаризм, подчеркивающий этические связи между земельным сообществом и его членами¹⁹².

Х. Ролстон исследует внутреннюю и объективную ценность природы; он утверждает, что не только разумные существа, но и биологические системы имеют внутреннюю ценность.

Теория ценности природы Х. Ролстона выводит наши обязанности перед природой из «ценности в природе». Согласно этой теории, природа является своего рода субъектом, обладающимteleologией, творчеством, интеллектом и способностью оценивать¹⁹³. Ценность есть неотъемлемое свойство эволюционной природы. Инструментальная ценность, внутренняя ценность и системная ценность существуют объективно в природе. Этическая концепция Х. Ролстона расширяет представление о ценностях природы, выделяя «жизнеобеспечивающую, экономическую, рекреационную, научную, эстетическую ценность, ценность генетического разнообразия, культурно-символическую ценность, ценность единства и разнообразия, ценность стабильности и спонтанности, диалектическую, жизненную и религиозную ценность»¹⁹⁴.

В контексте формирования ценностных оснований экологической этики философия «глубинной экологии» А. Несса занимает значительное место. Она ставит сложные вопросы, касающиеся господствующих идеологий,ластных отношений и социальных, политических и экономических институтов.

---

¹⁹² Lo Y.S. The Land Ethic and Callicott's Ethical System (1980–2001): An Overview and Critique // Inquiry. – 2001. – No. 44. – P. 331–358.

¹⁹³ Rolston H. III. Environmental Ethics. Duties to and Values in the Natural World. – Philadelphia: Temple University Press, 1988. – P. 3–26.

¹⁹⁴ Ibid. P. 3–26.

Борьбу с загрязнением окружающей среды и истощением ресурсов А. Несс определял как «движение поверхностной экологии», главной целью которого является здоровье и благосостояние людей в развитых странах. Движение за глубинную экологию, напротив, поддерживает биосферный эгалитаризм, то есть точку зрения, согласно которой все живые существа имеют ценность сами по себе, независимо от их полезности для других. Глубинная экология выделяет системные и структурные аспекты экологических проблем.

Концепция «глубинной экологии» уникальна своим центральным моральным императивом, согласно которому растения и животные обладают «всеобщим правом на развитие», «правом на жизнь»¹⁹⁵. Принцип эгалитаризма подчеркивает, что все организмы и сущности в экосфере как части взаимосвязанного целого равны по внутренней ценности. И все вещи в экосфере имеют равное право жить и достигать своих индивидуальных форм раскрытия и самореализации.

Глубинная экология стала «платформой», которая выступает в качестве ценностных оснований экологической этики. «Платформа» была задумана как установление баланса между основополагающими нравственными ориентациями (христианскими, буддийскими, даосскими и т.д.) и практическими принципами действий в конкретных ситуациях¹⁹⁶. В частности, были отмечены чрезмерное вмешательство человека в нечеловеческий мир и быстрое ухудшение ситуации. Следовательно, необходимо внести изменения в политику основных экономических, технологических и идеологических структур. Необходимо также изменение системы оценивания качества жизни.

В рамках глубинной экологии система ценностей поддерживается правильным пониманием отношений между человеком и природой. Идея

---

¹⁹⁵ Naess A. Ecology, Community, and Lifestyle: Outline of Ecosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 65.

¹⁹⁶ Devall B., Sessions G. Deep Ecology. Living as If Nature Mattered. – Salt Lake City, UT: G.M. Smith, 1985. – 266 p.

состоит в том, что, как только люди достигнут более высокого уровня осознания, они примут основные ценностные обязательства. Экологи Деволл и Сеснз пишут: «Основы глубинной экологии – это базовые интуитивные представления и переживания нас самих и природы, которые составляют экологическое сознание, из которого естественным образом вытекают определенные взгляды на государственную политику»¹⁹⁷.

Другой ключевой чертой глубинной экологии является отказ от атомистического индивидуализма. Идея о том, что человек является индивидуумом, обладающим отдельной сущностью, утверждает Несс, радикально отделяет человеческое «я» от остального мира. Такое разделение не только ведет к эгоизму по отношению к другим людям, но и порождает эгоизм человека по отношению к природе. Для морально зрелого человека подлинное «я» не изолировано, а находится в единстве с природой и охватывает все наши отношения – социальные и экологические. Именно эта метафизическая идентификация – видение себя в другом – делает возможными сострадание и сопереживание. Более глубокое метафизическое понимание себя имеет решающее значение для этико-экологического сознания¹⁹⁸.

Основоположники глубинной экологии отмечают, что метафизический холизм и расширенное экологическое представление о себе распространены в других традициях, таких как, например, буддизм, индуизм, в мировоззрении коренных народов¹⁹⁹.

Глубинная экология, как и Этика Земли, обосновывает целостный подход в рамках системы «человек – окружающая среда», при этом глубинная экология отличается от Этики Земли иной формой ценностного обоснования. Обоснование в Этике Земли носит научный характер, тогда как обоснование глубинной экологии зиждется на метафизике.

---

¹⁹⁷ Devall B., Sessions G. Deep Ecology. Living as If Nature Mattered. – Salt Lake City, UT: G.M. Smith, 1985. – P. 65.

¹⁹⁸ Naess A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of Ecosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 223 p.

¹⁹⁹ Devall B., Sessions G. Deep Ecology. Living as If Nature Mattered. – Salt Lake City, UT: G.M. Smith, 1985. – P. 66–67.

Несмотря на то, что глубинная экология внесла важный вклад в обсуждение метафизических аспектов экологической этики, в ней также присутствуют некоторые методологические, этические и культурные противоречия.

Поскольку глубинная экология отвергает различие между объективностью и субъективностью, трудно определить, какие действия являются более разумными или правильными. Это создает проблему в определении рационального курса действия. Также мы можем проследить конфликт между теорией и практикой. Глубинная экология, стремясь к радикальному равенству между всеми формами жизни, на практике может ставить интересы человеческой жизни на низший уровень. Эти антигуманистические тенденции являются внутренним противоречием, так как теоретически глубинная экология отрицает любую форму иерархии. Некоторые ученые критикуют глубинную экологию как культурно предвзятую идеологию, присущую западному миру и империализму. Принципы глубинной экологии могут нанести ущерб аграрным обществам в странах с переходной экономикой²⁰⁰.

В итоге, критика глубинной экологии подчеркивает необходимость более комплексного подхода к экологии, который учитывает как метафизические, так и практические аспекты, а также разнообразие культурных и социальных контекстов.

Важную роль в формировании экологической этики играют теории ноосферы и техногайянизма, предлагая комплексный взгляд на взаимодействие человека и природы.

Техногайянизм базируется на гипотезе Геи британского эколога Дж. Лавлока²⁰¹. «Суть теории Геи – в том, что с самого своего возникновения жизнь работала над изменением окружающей среды... – писал Лавлок. – Мы

---

²⁰⁰ Byrne P.H. Toward Environmental Wholeness. Method in Environmental Ethics and Science. – Published by State University of New York Press, Albany. – 2024. - 343 p.

²⁰¹ Lovelock J. The Revenge of Gaia. – London: Penguin Books Ltd, 2007. – 240 p.

обязаны обеспечить непрерывную эволюцию всей жизни на Земле, чтобы можно было противостоять неуклонно нарастающим опасностям, которые неминуемо угрожают нам и Гее, великой системе, включающей в себя всю жизнь и всю материальность нашей планеты»²⁰².

Отмечая современные угрозы, Лавлок выделяет глобальное потепление²⁰³. Мы полагаем, что автор теории Геи абсолютно прав. Человечество может исчезнуть в любой момент под воздействием факторов, находящихся за пределами человеческого контроля. Чтобы спастись, человечество должно научиться мыслить, научиться понимать как Вселенную, так и Гею. У человека (человечества) еще есть время – время, которое он должен потратить на создание планетарной этики.

Создание и утверждение планетарной этики в отношении между людьми, народами и странами – необходимое (хотя недостаточное) условие поддержания Геи, спасения мира.

Теорию Геи поддержал Б. Латур: «Гея – это не просто еще одна концепция. Дело не только в физике и энергетике. Это жизнь»²⁰⁴. В исследовании техносоциоприродных процессов возможно применение некоторых положений акторно-сетевой теории Б. Латура, в частности проверки «делегирования агентности», т. е. механизма уравнивания технологических объектов в способностях действовать по сравнению с человеческими агентами. Усваивая делегированную компетенцию, «нечеловеки» избавляют людей от необходимости физического присутствия. Эта агломерация, где отношения между людьми укреплены, ускорены, модифицированы техникой, и есть для Латура общества, или сети акторов. «Если вычесть технологии, – пишет он, – общество обрушится»²⁰⁵.

---

²⁰² Лавлок Дж. Новацен: грядущая эпоха сверхразума. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – С. 26, 44–45.

²⁰³ Там же. С. 73–74.

²⁰⁴ Latour B. This is a global catastrophe that has come from within. 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/06/bruno-latour-coronavirus-gaia-hypothesis-climate-crisis> (дата обращения: 30.12.2021).

²⁰⁵ Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 199.

Делегирование компетенций оказывается не односторонним: люди и «человеки» вступают в реципрокные отношения – и это необходимо для безопасного сосуществования людей и объектов.

Современные технологии позволяют изменять не только окружающую среду, но и саму человеческую природу. В результате применения биомедицинских технологий происходит все более фундаментальное изменение человека. Российский философ И.Т. Фролов доказывал, что необходимо установить допустимые пределы воздействия на индивидуальные качества человека (в том числе манипулирование генетическим материалом), поскольку «потенциальные возможности изменения человеческой индивидуальности с помощью генетических методов, пересадки или регенерации органов, нейрохирургии или нейрофармакологии ставят перед наукой и обществом в острой форме вопрос о гарантиях сохранности будущих поколений»²⁰⁶.

Проблема развития технологий, способных изменить природу человека, находится в центре внимания концепции глобальной биоэтики В.Р. Поттера. Им была предложена концепция биоэтики как комплексной науки о выживании человечества, которая должна стать «мостом в будущее», объединив научное знание и общечеловеческие ценности, гуманитарные и естественнонаучные области исследований²⁰⁷. Биоэтика должна пересекать границы между дисциплинами, в поиске идей «поддающихся объективной проверке с точки зрения будущего выживания человека и улучшения качества жизни будущих поколений»²⁰⁸. Учитывая важность экологической перспективы биоэтики и основываясь на работах О. Леопольда, В.Р. Поттер развил свою концепцию биоэтики до идеи глобальной биоэтики, главная цель которой – «приемлемое выживание (acceptable survival), включающее в себя

---

²⁰⁶ Фролов И.Т. Человек и его будущее (научный, социальный и гуманистический аспекты) // Человек и его будущее: новые технологии и возможности человека / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролов; предисл. Г.Л. Белкиной, С.Н. Корсакова. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 22.

²⁰⁷ Potter V.R. Bioethics, the science of survival // Perspectives in Biology and Medicine. – 1970. – No. 14. – P. 127.

²⁰⁸ Ibid. P. 132.

биологическое выживание, социальную стабильность, устойчивое общество (sustainable society) и здоровую экосистему (healthy ecosystem)»²⁰⁹. Глобальная биоэтика строится на синтезе медицинской этики и экологической этики, антропоцентристского и экоцентристского подходов.

Ноосфера в определении В.И. Вернадского представляет собой «биосферу Земли, измененную научной мыслью и организованным трудом и преобразованную для удовлетворения всех потребностей численно растущего человечества»²¹⁰. Разум и наука являются определяющими эволюционными факторами в формировании ноосферы. Опираясь на учение В.И. Вернадского и Н.Н. Моисеева о ноосфере, В.В. Мантатов развивает парадигму ноокосмоцентризма²¹¹, которая базируется на признании человека как части вселенского целого, на понимании космической силы и космической миссии человека. Переход к ноосфере обусловлен превращением человека в «крупнейшую геологическую силу, мощь его связана с его разумом и направленным этим разумом его трудом»²¹². Человечество должно признать ответственность не только за свое будущее, но и за мировой эволюционный процесс, за будущее биосферы.

«Необходимо осознать принадлежность не только к семье, стране, науке, – писал Н.Н. Моисеев, – но и ко всему планетарному сообществу, почувствовать себя его членом и свою ответственность за его судьбу. Человек должен по-иному научиться относиться к Природе, отказаться от опасной иллюзии главенства над ней и должен научиться жить, следя законам Природы; по существу, ощущение принадлежности к этим двум общностям – человека к планетарному сообществу и человека к биосфере – и есть основа нравственного императива»²¹³. Воздействие общества на природу должно

---

²⁰⁹ Potter V.R. Global bioethics – Building on the Leopold legacy. East Lansing. – Michigan: Michigan State University Press, 1988.

²¹⁰ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 498.

²¹¹ Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Стратегия социоприродного взаимодействия: учение о ноосфере и экологическая этика // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: кол. монография / отв. ред. И.К. Лисеев. – М.; СПб: Нестор-История, 2018. – С. 268.

²¹² Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 508.

²¹³ Моисеев Н.Н. Современный рационализм. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. – С. 310.

контролироваться нравственным разумом (экологической этикой), которому предстоит решать сложные задачи коэволюции природы и общества²¹⁴. Стихийный процесс взаимодействия общества и природы должен быть заменен «направляемым развитием»²¹⁵.

В рамках стратегии ноосферного развития, «для продолжения своей истории человеку, – писал Н.Н. Моисеев, – необходимо научиться согласовывать не только локальную, но и собственную глобальную деятельность с потребностями природы в установлении жестких рамок собственного развития, своей деятельности, их согласования с развитием глобальной биосфера; эти требования столь суровы, что их правомерно назвать экологическим императивом»²¹⁶.

Экологическая этика, базирующаяся на концепции ноосферы как коэволюции человека и природы, способна формировать стратегические смыслы единения человечества, свободные от религиозных и идеологических ограничений²¹⁷.

На наш взгляд, обе теории – теории биосферы и ноосферы Вернадского и теория Геи Лавлока – представляют собой значимые подходы к пониманию Земли как живой системы. Общей для теории Вернадского и Лавлока является идея о том, что жизнь должна пониматься в термодинамических терминах, где живые организмы поддерживают свою упорядоченность и функционирование через постоянное потребление и преобразование энергии, что позволяет им оставаться в состоянии, далеком от термодинамического равновесия.

Различия мы можем наблюдать в объектах изучения: Вернадский фокусировался на биогеохимических процессах, в то время как Лавлок акцентировал внимание на кибернетических и экологических аспектах; и

---

²¹⁴ Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Стратегия социоприродного взаимодействия: учение о ноосфере и экологическая этика // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: кол. монография / отв. ред. И.К. Лисеев. – М.; СПб: Нестор-История, 2018. – С. 271.

²¹⁵ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 324–329.

²¹⁶ Моисеев Н.Н. Современный рационализм. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. – С. 306.

²¹⁷ Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Стратегия социоприродного взаимодействия: учение о ноосфере и экологическая этика // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: кол. монография / отв. ред. И.К. Лисеев. – М.; СПб: Нестор-История, 2018. – С. 275.

эволюционных перспективах – ноосфера описывает эволюцию человеческого интеллекта как часть эволюции планеты, тогда как Гея фокусируется на биологической адаптации и саморегуляции биосферы. Эти подходы, на наш взгляд, дополняют друг друга, подчеркивая различные аспекты взаимодействия живых организмов с их окружающей средой.

В конце XX века экологическая этика Запада сосредоточилась на критике монокультурализма и анализе мультикультурных аспектов охраны окружающей среды²¹⁸ ²¹⁹.

Растущее осознание несправедливого распределения ресурсов, вызванного глобализацией, и проблемы коренных народов способствовали возникновению новых эколого-этических теорий. Американские философы Р. Ботцлер и С. Армстронг выступили за то, чтобы экологическая этика имела мультикультурный аспект: как западные, так и незападные страны должны совместно решать экологические проблемы и создать глобальную экологическую этику²²⁰.

Австралийский экофилософ В. Пламвуд считает культуру австралийских аборигенов образцом биорегионализма, где люди обладали чувством личной близости к земле²²¹. Б. Калликот говорит о «мощном прорыве новых метафизических и моральных парадигм, посредством которых будут установлены гармоничные и благотворные отношения между человеком и природой; восточная традиция способна внести важный вклад в реализацию этого прорыва»²²².

Сегодня западные философы пытаются подойти к развитию экологической этики в глобальной мультикультурной перспективе, в рамках

---

²¹⁸ Gunn A. Can environmental ethics save the world? // Ethics and Environmental Policy: Theory Meets Practice. – Athens: University of Georgia Press. – 1994. – P. 196.

²¹⁹ Routley R., Routley V. Against the inevitability of human chauvinism // Environmental ethics. – New York: Oxford University Press. –1995. – P. 104.

²²⁰ Botzler R., Armstrong S. Environmental ethics, divergence and convergence, 2nd edition. – Boston: McGraw-Hill, 1998. – P. 3.

²²¹ Callicott J.B. Earth's Insights, A Survey of Ecological Ethics from The Mediterranean Basin to The Australian Outback. – Berkeley: University of California Press, 1994. – P. 184.

²²² Callicott J.B. Conceptual Resources for Environmental Ethics in Asian Tradition of Thought: A propaedeutic // Philosophy East and West. – 1987. – Vol. 37. No. 2. – P. 130.

которой исследуются различные этнокультурные традиции. Мы считаем, что ценностные системы традиционных культур существенно обогащают концептуальную основу экологической этики.

Б. Калликот в конце XX века поставил под сомнение возможность решить экологические вопросы с точки зрения западной культуры; он отметил, что экологическая этика не может развиваться без должного учета богатых интеллектуальных традиций незападных культур²²³.

И.К. Лисеев говорит о необходимости формирования общих экологических императивов взаимодействия общества и природы для стран Большого Евразийского партнерства: «Наряду с геополитическими и геоэкологическими параметрами коалиционного взаимодействия, ценностными и смысловыми ориентирами партнерства и другими социополитическими аспектами, – пишет И.К. Лисеев, – должны присутствовать и объединяющие все эти страны общие нормы их социоприродного взаимодействия»²²⁴.

По мнению российских ученых, традиционные культуры незападных народов предписывают берегать и поддерживать целостность ландшафта, в котором обосновалась данная община, а не только отдельные его элементы, представляющие хозяйственную ценность²²⁵. Экологические традиции как совокупность знаний, умений и навыков, накопленная местным населением в процессе исторического взаимодействия с окружающей природной средой, являются фундаментом этики местности. Этика местности, исходя из «чувства собственного географического места»²²⁶, обеспечивает возможность

---

²²³ Callicott J.B. Earth's Insights, A Survey of Ecological Ethics from The Mediterranean Basin to The Australian Outback. – Berkeley: University of California Press, 1994. – P. 184.

²²⁴ Лисеев И.К. Ориентация на экологические императивы для стран Евразии как путь к природно-, техно-, социорегуляции общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: Изд-во Ин-та научной информации по общественным наукам РАН, 2022. – С. 210.

²²⁵ Блохин Л.Ф. Традиционные экосоциальные системы как основа устойчивого развития в тропиках (пример Западной Африки) // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Биосфера, ноосфера и экология. Ежегодник ИНИОН РАН. – М., 1999. – С. 53.

²²⁶ Norton B., Hannon B. Environmental Values: A Place – Based Theory // Environmental Ethics. – 1997. – Vol. 19. – P. 230.

построения экоэффективной модели взаимоотношений с окружающей природной средой.

Согласно буддийской традиции, человек и мир являются единым целым; главной целью является согласование человеческих целей с гармонией универсума; действия, необходимые для сохранения природы, должны быть согласованы с философскими представлениями о красоте, устойчивости и целостности мира²²⁷. О.В. Доржигушаева выделяет следующие философские принципы буддийской экоэтики: видение мира в динамике; внутреннюю взаимосвязь всех явлений и событий; ненасильственное мышление; движение разума к универсальному сознанию, постулирующему единство микро- и макрокосмоса²²⁸.

Следует отметить вклад кафедры ЮНЕСКО по экологической этике при Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления в развитии теории и практики экоэтики и устойчивого развития. Это единственная кафедра экологической этики в России. Исследования междисциплинарных проблем глобального и регионального устойчивого развития с учетом императивов экологической этики позволили:

- обосновать и развить экологическую этику как междисциплинарную науку о коэволюции человека и природы и как Стратегию Жизни;
- раскрыть потенциал экологической этики как ценностной основы устойчивого развития Байкальского региона;
- обосновать переход к ценностно-нормативной системе управления устойчивым развитием, основанной на принципах экологической этики.
- определить философские перспективы стратегии устойчивого развития Байкальского региона в контексте теории ноосферно-экологической цивилизации.

---

²²⁷ Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. Экологическая этика: буддизм и современность: монография. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1997. – 160 с.

²²⁸ Dorzhigushaeva O. V., Kiplyuks A. V. Environmental Ethics of Buddhism // International Journal of Environmental Science and Development. – 2020. – Vol. 11, No. 3. – P. 154–158.

- разработать методологию регулирования устойчивого развития региональной экономической системы с экологической регламентацией;
- разработать концепцию этико-экологического воспитания с учетом этнокультурных традиций и экологических особенностей Республики Бурятия.

Мы видим, концепции экологической этики предлагают различные подходы к пониманию и решению экологических проблем. Несмотря на различия в акцентах и философских основах, они объединены общей целью – признанием внутренней ценности природы и необходимости этичного поведения по отношению к ней. Каждая из концепций расширяет понятие морального объекта за пределы человеческого вида, включая другие формы жизни и элементы экосистем. Все концепции призывают к переоценке традиционных человеческих ценностей и практик, предлагая пути к более устойчивому и уважительному взаимодействию с окружающей средой. В итоге, они служат ориентирами для формирования более ответственного и гармоничного отношения к природе, способного обеспечить долгосрочное благополучие как человека, так и всех остальных обитателей Земли.

Исследуя различные этико-экологические теории и философские направления, возникает вопрос: какая из этих теорий этически и философски наиболее обоснована или истинна, какой из них следует руководствоваться при принятии решений? Экологическая этика полна противоречий и характеризуется конфликтующими дилеммами, что ставит под вопрос возможность существования объективной истины в экоэтике.

Тем не менее представители разных направлений экологической этики пришли к консенсусу в том, что потребительское мировоззрение должно быть отвергнуто. Недопустимо, чтобы потребительский спрос определял экологическую политику и ценность окружающей среды. Оценка природного мира как ресурса, которым можно удовлетворять краткосрочные потребности привела к экологическому кризису. Разные экоэтические концепции предлагают разные объяснения того, почему потребительский подход к

окружающей среде неверен, но все они согласны с тем, что ценности техно-экономической парадигмы требуют пересмотра.

В.В. Мантатов определяет экологическую этику как «возможно, единственный философский проект, который дает шанс человечеству сохранить себя в биосфере и во Вселенной. В этом расколотом мире нет другой парадигмальной платформы, на основе которой люди мира могли бы противодействовать обеспечению безопасности “нашего общего будущего”»²²⁹.

Выдающийся отечественный философ В.С. Стёpin говорил о необходимости формирования новых ценностей грядущей цивилизации. По его мнению, необходим синтез двух противоположных систем ценностей техногенной (западной) культуры и восточной (традиционистской) культуры. «Это будет не западная и не восточная система ценностей, – писал он, – а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание»²³⁰.

Современные глобальные вызовы, связанные с экологическими кризисами, истощением природных ресурсов и изменением климата, требуют пересмотра традиционных подходов к развитию общества. Концепция устойчивого развития предполагает гармонизацию экономического роста, социальных интересов и экологической безопасности. Однако успешная реализация данной стратегии невозможна без четкой философской и этической базы. В этом контексте экологическая этика выступает не просто как часть общей этики, но как ее фундаментальный методологический компонент, определяющий ценностные ориентиры и направления устойчивого развития.

---

²²⁹ Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Стратегия Человечества: ноосфера, информационная цивилизация и устойчивое развитие: монография. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2016. – 152 с.

²³⁰ Стёpin В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 17–22.

На наш взгляд, экологическая этика является не только моральной, но и стратегической необходимостью для выживания человечества в условиях глобальных экологических вызовов. Экологическая этика, основанная на интеграции различных философских и культурных традиций, выступает теоретической и методологической основой устойчивого развития, позволяя человечеству взаимодействовать с природой на принципах коэволюции, взаимоуважения и ответственности за будущие поколения и экосистемы планеты.

В этом отношении культурно-цивилизационный интерес представляет стратегия устойчивого развития Японии как страны высоких технологий и традиционной культуры. Япония, с её уникальным сочетанием природных, философских и социальных факторов, является, на наш взгляд, примером того, как экологическая этика может быть интегрирована в систему устойчивого развития. Анализ этой стратегии позволит проследить, как экологическая этика проявляется в практике устойчивого развития, и подтвердить ее значимость как методологической основы гармоничного существования общества и природы.

Вывод по главе 1. Концепция устойчивого развития как стратегия выживания всего человечества задала единый вектор направления движения государствам мира. Единые Цели устойчивого развития (ЦУР) были formalизованы на саммите Рио+20 в 2012 году и дополнительно одобрены Парижским соглашением 2015 года. В основе ЦУР лежит целостная структура, состоящая из трех сложных, нелинейных, взаимодействующих систем устойчивого развития: окружающая среда, глобальная экономика и социальные системы. ЦУР предлагают всеобъемлющую, этически обоснованную дорожную карту для устойчивого развития, требующую скоординированных усилий на глобальном, национальном и местном уровнях. Однако, анализ документов и исследований, связанных с устойчивым развитием, в частности, доклады Римскому клубу, официальные документы

ООН, показывают различия в западном, российском и японском подходе. Западный подход ориентирован на решение социальных и экологических проблем технико-экономическим методом. Российский подход, вдохновленный идеями ноосферы, подразумевает, что устойчивое развитие можно достичь через развитие человеческого разума и сотрудничество в управлении ресурсами планеты. Идеи ноосферы обосновывают идеи гармоничного сосуществования природы и человечества через разумное использование знаний и технологий. Российский подход в некотором смысле созвучен японскому. Японские философские традиции подчеркивают важность баланса и взаимодополнения, что может быть полезно для создания интегративных моделей устойчивого развития. Опыт Японии демонстрирует, как синтез глобальных целей с национальными традициями и технологическими инновациями формирует уникальную экосистему устойчивости – стратегию устойчивого развития Японии.

Стратегия устойчивого развития Японии базируется на динамично развивающейся законодательной системе, интегрирующей экологические, социальные и экономические аспекты. Эволюция от локальных законов (например, Основной закон о борьбе с загрязнением) к комплексным стратегиям (Стратегия зеленого роста, Общество 5.0) демонстрирует переход от ситуативного устранения последствий к упреждающему стратегическому планированию.

Несмотря на стремление к устойчивому развитию, в Японии существует много внутренних противоречий, в частности, противоречия между зарождающимся инклюзивным капитализмом и корпоративным сектором. Инклюзивный капитализм делает фокус на зеленой экономике, цифровой трансформации, на справедливом распределении благ, что будет способствовать уменьшению социального неравенства и решению экологических проблем. Японский корпоративный сектор, с его строгой иерархией и консерватизмом, по-прежнему нацелен на максимизацию прибыли любой ценой. Таким образом, несмотря на амбициозность реформ,

их успешность будет зависеть от способности правительства преодолеть сопротивление со стороны устоявшихся структур и заинтересованных групп, а также от устойчивости японской экономики в условиях глобальных вызовов.

Для успешной реализации стратегии устойчивого развития также требуется устойчивое международное сотрудничество, свободное от двойных стандартов. Ярким примером является случай сброса сточных вод с АЭС «Фукусима-1» в океан, где, несмотря на заверения МАГАТЭ, международное сообщество разделилось в оценках рисков, что подрывает доверие к принятым экологическим решениям. Таким образом, необходимо научиться преодолевать политические разногласия и экономические интересы разных стран в общих интересах на международном уровне.

Японская модель, в отличие от западных аналогов, изначально интегрирует экологическую ответственность в социальные практики и институциональные механизмы, что позволяет ей не только соответствовать международным стандартам, но и предлагать оригинальные решения для глобальных вызовов, такие как концепция Общество 5.0. Это особенно важно для понимания того, как культурная идентичность становится драйвером устойчивого развития, а не его препятствием.

Проведенный анализ устойчивого развития общества, в частности, опыта Японии, актуализирует вопрос: на каком теоретическом фундаменте может быть выстроена целостная стратегия, способная преодолеть разрыв между универсальными стандартами и локальными ценностями? Ответ на него лежит в плоскости экологической этики – междисциплинарной области, которая не только обосновывает нравственные императивы взаимодействия человека с природой, но и формирует методологическую основу для синтеза глобальных задач с уникальными культурными практиками.

Экологическая этика утверждается в качестве теоретической основы устойчивого развития благодаря своей способности формировать концептуальные рамки, в которых природа перестаёт рассматриваться исключительно как ресурс, а приобретает статус морального субъекта.

Методологическая роль экологической этики проявляется в её способности интегрировать междисциплинарные подходы. Она предлагает инструменты для: оценки последствий принятия решений через призму долгосрочных экологических и социальных рисков, что противостоит узкоэкономическому подходу технократической парадигмы; формирования критериев устойчивости, таких как сохранение биоразнообразия, сокращение углеродного следа, справедливое распределение ресурсов – эти критерии становятся основой для политик и законодательства.

Экологическая этика – системообразующий элемент устойчивого развития, обеспечивающий его теоретическую глубину (через философское обоснование) и практическую реализуемость (через методологическую конкретизацию). Реализация стратегии устойчивого развития представляется нам как широкий путь с одним направлением, ориентирами которого являются этико-экологические принципы.

Современные исследования в области экологической этики сосредоточены на региональных и мультикультурных аспектах. В этом отношении перспективным и актуальным является исследование экологической этики Японии.

Глава 2. ЭТИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ

2.1. Философские основания экологической этики Японии

Японская концепция отношений с окружающей средой сформировалась на основе религиозно-философской мысли. В Японии существует четыре традиционных набора религиозно-духовных систем: синтоизм, буддизм, конфуцианство и даосизм. Хотя сегодня многие японцы не исповедуют активно какую-либо религию, верования синтоизма и буддизма по-прежнему вплетены в их повседневную жизнь, а конфуцианство и даосизм продолжает формировать этическую систему японского общества²³¹.

Философ Куки Сюдзо, занимавшийся вопросами соотношения природы и свободы, дал фундаментальную характеристику типично японской концепции отношения между свободой и природой. В японском идеале нравственности большое значение имеет «природа» в смысле «естественное, существующее само по себе» (自ずからな自然, [онодзукара на сидзэн]). В западных концептуальных конфигурациях природа часто противопоставляется свободе. Напротив, в японском практическом опыте существует тенденция понимать природу и свободу как слитые воедино и отождествленные. «Свобода не рождается в результате наружного самоутверждения, это то, что естественно возникает само собой, – писал С. Кики. – Когда разум неба и земли естественным образом возникает само собой, как оно есть, это и есть свобода»²³². Согласно традиционной японской мысли, свобода – это не то, что достигается путем отделения человека от природы, а сама по себе является выражением естественности. Это не свобода от природы, а свобода в природе, свобода естественности.

---

²³¹ Насибулина А.С., Мантатова Л.В. Эколо-этические основы национальной стратегии устойчивого развития: опыт Японии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 39-44.

²³² Куки С. Куки Сюдзо дзэншу [Полное собрание сочинений Куки Сюдзо]. – Токио: Иванами, 1980. – Р. 276.

Близость между свободой и природой отражена в самом языке. Слова «природа» и «свобода» включают в себя иероглиф 自 ([дзи] «сам»): 自由 ([дзию] («свобода» или, более буквально, «возникновение-из-себя»), 自然 ([сидзэн] «природа» или «то, что есть само по себе»). «То, что японцы верят, что могут выразить эти, казалось бы, автономные термины с помощью одного иероглифа, – пишут Х. Телленбах и Б. Кимура, – указывает на более глубокое понимание, благодаря которому они постигли природу и свободу, как происходящие из одного и того же»²³³. Исследователи японской экологической философии отмечают, что традиционное японское понимание природной среды, выраженное словом 自然, не делает резкого различия между человеческим миром и нетронутой (свободной от человека) дикой природой. Являясь частью природы, человек естественно свободен.

Природа как упорядоченное целое космоса или как динамический космологический принцип преобразования выражалась такими древнекитайскими терминами, как «Небо» и «Земля» (кит. tiandi; яп. [тэнти] 天地), «Путь» (кит. dao; яп. [до/мити] 道) и «творческое преображение» (кит. zaohua; яп. [дзока] 造化). Природа в японской традиции по своей сути является динамическим и творческим целым. Это не продукт трансцендентного Творца, даже синтоистские боги возникли в результате таинственных, но естественных процессов.

Следует заметить, что японцы не пытались разработать «космологию» в смысле логического описания рационально упорядоченного мира. Японцев интересовала «природа» не как объект теории бытия, а «естественность» как принцип становления и как практический образ жизни. Задача человека состоит не в том, чтобы научиться полностью предсказывать природу и управлять ею извне, постигая ее незыблемые, рациональные законы, а в том, чтобы привести себя в соответствие с изменчивым принципом ее Пути. В

---

²³³ Tellenbach H., Bin K. The Japanese Concept of ‘Nature’ // Nature in Asian Traditions of Thought. – Albany: State University of New York Press, 1989. – P. 154–155.

традиционной японской мысли свобода заключается не в победоносной или трагической борьбе с природой, а в естественности гармоничного участия в природе.

Концепция взаимозависимости и гармонии отношений человека и природы была отражена во взглядах японских ученых. Искусствовед Уэяма Сюмпэй ставит в основу традиционных ценностей японской мысли следующее представление о природе: «В основании японской общественной мысли или, еще шире, японской культуры выявляется тенденция к безыскусственности, тенденция к возврату к природе»²³⁴. Физик Юкава Хидэки утверждает, что своеобразие национальной культуры японцев определяет естественная среда Японии с ее мягким климатом и географической изоляцией от материка. Климатические и географические условия обуславливают отношения японцев к природе: не покорение, как у западных народов, а приспособление к ней, вследствие чего в Японии отсутствует «отчуждение между человеком и природой»²³⁵. Философ Андо Сёэки считал природу «матерью всех вещей», а человеческий организм – микрокосмом бытия, при этом отмечая единство Вселенной и человека, которые «естественно движутся вперед-назад». В учении в тесной связи антропологических и онтологических аспектов во взглядах Андо Сёэки «раскрывается взаимозависимость движения телесной природы и вселенской природы»²³⁶.

Истоки экологической этики в Японии лежат в эмпирическом опыте, освященных веками традициях и философско-религиозных верованиях. Философские традиции синтоизма, японского буддизма, конфуцианства и даосизма выступают в качестве основ экологической этики Японии.

Понимание тесной связи между человеком и природой укоренилось в Японии в синтоизме. Синтоизм – это исконно японский набор убеждений,

---

²³⁴ Философское наследие народов Востока и современность. – М.: Наука, 1983. – С. 185–187.

²³⁵ The Japanese Mind: Essentials of Japanese Philosophy and Culture. Edited by Charles A. Moore. – Honolulu: East-West Center Press, University of Hawaii Press, 1967. – P. 55–56.

²³⁶ Yasunaga T. Ando Shyueki. – Tokyo, 1976. – P. 167–169.

который развился из анимизма и практикуется только в Японии; синтоизм не имеет основателя или священных писаний, он построен на мифах и истории Японии и тесно переплетается с императорской системой.

«Синто» (神道) буквально означает «путь ками». Слово «ками» часто переводят как «бог»; но рассматривая ками как трансцендентного, всемогущего, олицетворенного Бога, как в случае западного теизма, невозможно понять суть японского религиозного опыта. В доисторический период Японии Дзёмон (13000–300 годы до н.э.) концепция ками сформировалась среди коренных народов Японии, уходя корнями в анимизм и аниматизм. Поклонение природным духам было обычным явлением²³⁷, по мере того как иммиграントское население с материковой части Азии постепенно распространялось на север от Кюсю до Хонсю. Уникальным элементом повседневной японской жизни является вера и принятие мириадов ками, которые всегда присутствуют в природе: в горах, море, небе и космологически связанных божественных существах. Эта вера укоренилась в повседневной жизни и в настоящее время является скорее культурным убеждением, чем религиозным; многие современные японцы, называющие себя нерелигиозными, тем не менее верят в ками.

Современный исследователь синтоизма Ямакаге Мотохиса подчеркивает: «Мы являемся частью природы, а не находимся над ней или за ее пределами». Следовательно, люди должны стремиться «жить в природе, а не пытаться доминировать над ней или уничтожать ее». В синтоизме «небо, земля и человечество – разные проявления одной жизненной энергии»²³⁸. Согласно синтоизму, «наша Вселенная (или большой круг Вселенной) представляет собой поток кружящихся духов, исходящих из великого изначального духа (大源靈, [даигэнрэй]). В этом духовном потоке рождаются личности со своей индивидуальностью, как искры энергии, которые также

²³⁷ Минамото Р. Нихон ни окэру ками каннэн но хикаку бункаротеки косатцу [Сравнительное культурное исследование японской концепции ками]. – Токио: Коданся, 1981. – Р. 14.

²³⁸ Yamakage M. The Essence of Shinto: Japan's Spiritual Heart. – New York: Kodansha International, 2006. – Р. 16.

проявляются как вихрь. По своей сокровенной сути люди, животные, растения и вся природная материя являются потомками великого изначального духа ками Вселенной»²³⁹.

Синтоизм как непосредственное переживание своего родства с окружающим миром учит неотъемлемому совершенству природы и, следовательно, человеческой природы. «Основная религиозная идея синтоизма, – писал Motoхиса, – это непрерывный процесс творения»²⁴⁰.

Философ Картер полагает, что, согласно синтоизму, «люди в своей основе хорошие, божественный дух, проявлением которого они являются, наталкивается на препятствия из-за недостатка опыта, и эти препятствия есть «зло»²⁴¹. В синтоистской философии, основанной на вечном возвращении жизненной силы, противоположные силы не исключают друг друга; вместо этого они требуют другого для своего собственного существования, сама эта противоположность является тем самым элементом, который мотивирует динамизм жизненного цикла.

По мнению П. Рикёра, темой, лежащей в основе западной космогонии, была окончательная победа порядка над хаосом. Историческое сознание Запада, постулирующее линейный прогресс в реализации универсального трансцендентного порядка, поддерживает эту концепцию. Японское мифологическое сознание явно противостоит этому прогрессистскому мировоззрению. В японском контексте порядок означает не то, что достигается преодолением хаоса; скорее, это указывает на мгновенный баланс и равновесие, реализованные в динамической циркуляции противоположных сил. В этом циклическом мировоззрении порядок никогда не бывает фиксированным или вечным, но определяется постоянно меняющимся

---

²³⁹ Yamakage M. The Essence of Shinto: Japan's Spiritual Heart. – New York: Kodansha International, 2006 – P. 27.

²⁴⁰ Ibid. – P. 126.

²⁴¹ Mason J.W.T. The Meaning of Shinto: The Primaeva Foundation of Creative Spirit in Modern Japan. – New York: Kennikat Press, 1967. – P. 117.

взаимозависимым целым, вечно повторяющим динамическое повторение жизни, смерти и возрождения²⁴².

Синтоизм является не только и не столько религией: это слияние идей, взглядов и стиля жизни, это образ жизни японского народа. Синто – это «личная вера и общинный образ жизни» – пишет С. Оно²⁴³.

Глубокая экологическая мысль пронизывает японские буддийские традиции кэгон, тэндай, дзэн. Японская буддийская концепция природы представляет собой фундаментальный сдвиг от эгоцентрической к экоцентрической позиции²⁴⁴.

Буддизм проник в Японию в VI веке. Несмотря на изначальную конфронтацию буддизма и синтоизма, отличительная черта японского общества состоит в том, что последователи обеих религий «связали узел совместности и сосуществовали»²⁴⁵, что получило название синтоистский и буддийский синкретизм (神仏習合 [Синбуцу Сю:го:]). Синтоизм способствовал адаптации буддийских идей в японском обществе. Основатель Шингонской школы эзотерического буддизма в Японии Кобо Даishi Кукаи отмечал «внутреннюю ценность и единство всех вещей, участвующих одинаково в динамическом космосе»²⁴⁶. Японский буддизм был выражением космоцентрического взгляда, что глубоко укоренено в обществе²⁴⁷.

Путь Будды не ведет к выходу за пределы природы, а скорее влечет за собой возвращение к естественности; и сами природные явления помогают на этом Пути. Традиционная японская концепция Пути природы влечет за собой недетерминированный, неконтролируемый, неисчислимый избыток

---

²⁴² Ricoeur P. The Symbolism of Evil, translated by Emerson Buchanan. – Boston: Beacon Press, 1967. – 362 p.

²⁴³ Ono S. Shinto, the Kami Way. – Tokyo: The Charles E. Tuttle Co., 1962. – P. 3.

²⁴⁴ Насибулина А. С. Буддизм как философская основа экологической этики Японии // Традиционный буддизм и вызовы современности: Материалы I Международного буддийского форума, Улан-Удэ, 17–19 августа 2023 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2024. – С. 116–120.

²⁴⁵ Иваи Х. Нихон но камигаки то хотоке [Японские Боги и Будда]. – Токио: Сэйсун Суппан-Са, 2002. – P. 31–33.

²⁴⁶ Shaner D.E. The Japanese experience of nature // Nature in Asian Traditions of Thought. – New York: University of New York Press. – 1989. – P. 166.

²⁴⁷ Clammer J. Japan and its Others, Globalization, Difference and the Critique of Modernity. – Melbourne: Trans Pacific Press, 2001. – P. 60.

оригинальности и творчества. Этот естественный Путь является источником свободы нашего подлинного «я». «Мы становимся настоящими личностями, — писал Нисида, — когда осознаем себя “творческими элементами в творческом мире”»²⁴⁸.

Концепция природы как космического поля, в котором жизнь и окружающая ее среда объединены, лежит в основе концепции буддизма тэндай. В дзэн-буддизме такого рода полевая теория природы разрабатывается в терминах аналогичной буддийской доктринальной формулы кэгон, известной как «ридзи-мугэ» («взаимопроникновение части и целого»). Принцип кэгон «ридзи-мугэ» формулирует микрокосмическую/макрокосмическую парадигму реальности, изображающую природу как священную матрицу взаимоотношений. Эта инфраструктура лежит в основе не только традиционных учений дзен-буддизма, но и современной японской философии Нисида и школы Киото²⁴⁹.

Экологическое мировоззрение японского буддизма раскрывается в работах философа Ф. Х. Кука. Экологическую модель взаимозависимости организмов Ф.Х. Кук помещает в более широкий контекст, обсуждая отношения между людьми и природой в «космической экологии» буддизма кэгон²⁵⁰. С этой точки зрения все события возникают благодаря своим функциональным отношениям с другими событиями и с целым, так что каждая вещь взаимосвязана со всем остальным в эстетическом континууме природы. Эта реляционная космология отражена в доктринальных формулах буддизма кэгон, ридзи мугэ («взаимопроникновение части и целого») и дзидзи мугэ («взаимопроникновение части и части»)²⁵¹. Буддизм кэгон утвердил аксиологическую космологию, согласно которой в великой гармонии природы нет ничего, что не имело бы ценности. Эта точка зрения также влечет за собой

²⁴⁸ Нисида К. Нисида Китаро дзенсу [Полное собрание сочинений Нисида Китаро]. – Токио: Иванами, 1987–1989.

²⁴⁹ Odin S. Process Metaphysics and Hua-yen Buddhism. – Albany: SUNY Press, 1982. – 242 p.

²⁵⁰ Cook F.H. The Jewel Net of Indra // Nature in Asian Traditions of Thought. – New York: University of New York Press, 1989. – P. 213.

²⁵¹ Ibid. – P. 214.

мораль безусловного сострадания и любящей доброты ко всем живым существам в природе. Таким образом, буддизм кэгон представляет собой ясную, всеобъемлющую и систематическую «космическую экологию», которая коррелирует с фундаментальными принципами экологической этики, выдвинутыми О. Леопольдом и другими философами-экологами Запада.

О. Леопольд определяет этику с точки зрения своего ключевого понятия «сообщество». Индивид всегда контекстуально находится в социальной среде, или, как выразился Леопольд, в сообществах взаимозависимых частей, которые развиваются «способами сотрудничества», симбиозы (в терминах экологии). В экологическом мировоззрении О. Леопольда Этика Земли неотделима от того, что он называет «эстетикой земли»²⁵². Красота, или эстетическая ценность, присущая природе, обязывает расширить этику, включив в нее симбиотические отношения между людьми и землей, распространить социальное сознание с человеческого сообщества на биотическое сообщество и тем самым установить экологическую гармонию между людьми и их окружающей природной средой. Важность эстетики земли Леопольд объясняет функцией земли приносить «культурный урожай», или «эстетический урожай»²⁵³. Согласно Леопольду, норма поведения в отношении землепользования заключается в том, правильно ли наше поведение как с эстетической, так и с этической точек зрения. Красота земли является одним из основных критериев для определения правильности нашего отношения к ней.

Экологическая этика Японии основывается на аксиологии эстетики сохранения²⁵⁴. Другими словами, отношение к природе основано на эстетическом восприятии красоты и ценности земли. Ю. С. Харгроув придерживался аналогичной линии рассуждений, утверждая, что не только

---

²⁵² Callicott J.B. The Land Aesthetic // Companion to A Sand County Almanac. – Madison: University of Wisconsin Press, 1987. – P. 157–171.

²⁵³ Leopold A. A Sand County Almanac: With Essays on Conservation from Round River. – New York: Ballantine Books, 1966. – P. 19.

²⁵⁴ Philosophical Writings of Peirce: Selected and Edited with an introduction by Justus Buchler. – New York: Dover Publishing, 1955. – P. 62.

Этика Земли, но и историческая основа всех широких западных экологических настроений в конечном счете эстетична²⁵⁵. Данная эстетическая основа Этики Земли является важным аспектом в отношениях человека и природы, разработанных в экологических учениях как Востока, так и Запада.

Первостепенная роль эстетической ценности природы является отличительной чертой традиционной японской буддийской культуры²⁵⁶. В средневековый период искусство и религия были тесно взаимосвязаны, духовные и эстетические ценности практически отождествлялись в том, что называлось «путь искусства». В концепции природы, развивающейся из японского «пути искусства», природная среда рассматривается как нагруженная не только эстетическими, но и религиозными ценностями. В японском буддизме природа понимается не в субстанциалистских терминах как статичное бытие, а через категории процесса как динамическое становление или «непостоянство». Японская ценностная концепция природы как творческого и эстетического процесса представляет собой мировоззрение, основанное на Срединном Пути. Эстетические ценностные категории рассматриваются как аспекты, отражающие эмоциональную и художественную чувствительность к возвышенной красоте природы как континуума организменных отношений и динамических процессов.

Японский философ Д.Т. Судзуки подчеркивает структуру кэгон, лежащую в основе традиционной эстетической концепции природы в японском дзен-буддизме. Судзуки пишет: «Уравновешивание единства и множественности или, лучше сказать, слияние себя с другими в философии кэгон абсолютно необходимо для эстетического понимания Природы»²⁵⁷. Согласно органической парадигме дзен-буддизма и буддизма кэгон, природа должна пониматься как неделимый эстетический континуум, в котором каждое событие возникает благодаря гармоничному слиянию единства и

²⁵⁵ Hargrove E.C. Foundation of Environmental Ethics. – Prentice Hall, 1989. – Р. 77-122.

²⁵⁶ Насибулина А. С. Буддизм как философская основа экологической этики Японии // Традиционный буддизм и вызовы современности: Материалы I Международного буддийского форума, Улан-Удэ, 17–19 августа 2023 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2024. – С. 116-120.

²⁵⁷ Suzuki D.T. Zen and Japanese Culture. – Princeton: Princeton University Press, 1959. – Р. 354.

множественности или субъективности и объективности, таким образом, проявляясь как космическое поле отношений, которое одновременно содержит и пронизывает Вселенную как микрокосма-макрокосма. Поскольку для дзен-буддизма существует взаимное сдерживание или взаимное проникновение субъекта и объекта, говорят, что между людьми и природой существует непрерывность или смешение²⁵⁸. Как указывает Судзуки, понимание того, что люди и природа взаимозависимы, привело к формированию в дзен-буддизме идеалов простоты и сохранения в отношении землепользования, невозможности эксплуатации природы из эгоистичных побуждений.

Экономист Э.Ф. Шумахер объединил экологическую этику О. Леопольда с экологией природы дзен-буддизма, развивая то, что он называет «буддийской экономикой», ориентированной на достижение поставленных целей при минимальном потреблении²⁵⁹. Уважение к природе, сформулированное в рамках концепции дзен-буддизма, согласуется с основной идеей философии окружающей среды О. Леопольда²⁶⁰. Данный подход к природе напрямую связан с эстетическим пониманием природы и обосновывает аксиологические основы экологического мировоззрения японцев.

Философско-эстетическая концепция природы как континуума, наполненного ценностью и красотой, коррелирует с тем, что можно назвать «спасительной функцией» природы в традиционном японском буддизме.

Сотериологическая концепция природы в Японии основывается на буддийской метафизике Пустоты, согласно которой нет ничего более реального, чем взаимозависимости всего в природе. Буддийская метафизика Пустоты приводит к диалектическому смешению трансцендентного и

---

²⁵⁸ Suzuki D.T. Zen and Japanese Culture. – Princeton: Princeton University Press, 1959. – P. 352.

²⁵⁹ Schumacher E.F. Small is Beautiful: Economics as if People Mattered. – New York: Harper & Row, 1973. – P. 53–62.

²⁶⁰ Leopold A. A Sand County Almanac: With Essays on Conservation from Round River. – New York: Ballantine Books, 1966. – P. 19.

имманентного, абсолютного и относительного²⁶¹. Для японского буддизма окончательная реальность находится не в трансцендентном запредельном, как в общепринятой иудео-христианской парадигме, а в «областях взаимосвязей», которые придают каждому событию эстетическую и этическую ценность. Именно в этом философском контексте природа становится «местом спасения» в традиционном японском буддизме²⁶².

Конфуцианство глубоко укоренилось в экоэтике Японии. «Конфуцианская этика может быть описана как форма социальной экологии, – пишет М. Такер, – потому что ключевым компонентом являются отношения в человеческом порядке на фоне естественного порядка. Глубокое чувство взаимосвязи человека друг с другом и с природой занимает центральное место в конфуцианском мышлении. Индивид никогда не рассматривается как изолированная сущность, но всегда как личность по отношению к другому и к космосу»²⁶³.

Один из наиболее известных японских философов Огю Сорай разработал трехуровневую экогуманистическую философию, представляющую разумную социальную этику, основанную на конфуцианской этике²⁶⁴.

Сорай исходил из неоконфуцианской идеи человеческой добродетели – жэнь (яп. *jin*), которая включала в себя:

- уважение к Небесам, которое часто выражается как принесение мира в царство под небесами;
- уважение на социально-этическом уровне;

---

²⁶¹ LaFleur W.R. Saigyo and the Buddhist Value of Nature // Nature in Asian Traditions of Thought. – New York: University of New York Press, 1989. – P. 183–209.

²⁶² Насибулина А.С. Буддизм как философская основа экологической этики Японии // Традиционный буддизм и вызовы современности: Материалы I Международного буддийского форума, Улан-Удэ, 17–19 августа 2023 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2024. – С. 116–120.

²⁶³ Tucker M.E. Ecological Themes in Taoism and Confucianism // Worldviews and Ecology: Religion, Philosophy, and the Environment. – Maryknoll: Orbis Books, 1994. – P. 157.

²⁶⁴ Yamauchi T. Three-Level Eco-Humanism in Japanese Confucianism: Combining Environmental with Humanist Social Ethics // Value and Values: Economics and Justice in an Age of Global Interdependence. – University of Hawaii Press., 2017 – P. 337–350.

- уважение на институциональном и образовательном уровне²⁶⁵.

Эти аспекты можно рассматривать как разные уровни единой конфуцианской этико-религиозной системы²⁶⁶. Интерпретированные таким образом, социальная и экологическая этики могут быть объединены как части органического, интегрированного целого.

Трехуровневая интерпретация этики объясняет причины, по которым в эпоху Эдо была возможность создать мирное общество в гармонии с природой, поскольку их этическая политика основывалась на экологическом мировоззрении²⁶⁷. Мир и стабильность людей не могут быть достигнуты без устойчивой природной среды. Таким образом, экологическое благополучие человека и природы в целом должно преобладать над индивидуальными человеческими интересами или благополучием природной среды в отрыве от человека.

Холистические концепции Японии сформировали ценностные основы отношения к природе, в том числе животному миру. Отношение японцев к животными развивалось главным образом через верования синтоизма (животные как служители и посланники ками) и буддизма (идея реинкарнации)²⁶⁸. Специфика взаимоотношений между человеком и животными – забота, уважение и сострадание. Взаимодействие людей с животными отражено в японском фольклоре: в японских мифах животные часто изображаются благодарными и послушными человеческому состраданию²⁶⁹.

Понятие канкё (環境) появилось в начале XX века как перевод заимствованных слов «окружающая среда» (environment, umgebung и milieu) в

---

²⁶⁵ Yoshikawa K. Ogyu Sorai, ‘Benmei’ // Ogyu Sorai, Nihon Shiso Taikei. – 1973. – Vol. 36. – P. 12.

²⁶⁶ John A., Tucker J.A. Ogyu Sorai’s Philosophical Masterworks, The Bendo and Benmei. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. – P. 139.

²⁶⁷ Yamauchi T. Animal Liberation, Land Ethic, and Deep Ecology / T. Yamauchi // Journal of Kyoto Seika University. – 2002. – No. 29(1). – P.44-60

²⁶⁸ Ono S. Shinto, the Kami Way. – Tokyo: The Charles E. Tuttle Co., Inc., 1962. – P. 33.

²⁶⁹ Knight J. Feeding Mr. Monkey: cross-species food ‘exchange’ in Japanese monkey parks // In Animals in Person. – New York: Berg, 2005. – P. 234.

западных науках²⁷⁰. В современном словаре канкё определяется как «внешний мир», или «внешняя сущность», рассматриваемая с точки зрения ее взаимодействия с людьми или организмами²⁷¹.

Согласно китайской философии Ци, которая распространилась в Японии как философия Ки, Земля образует единое целое как единый живой организм, созданный из смешения и слияния многочисленных потоков жизненной силы, которые вместе создают целостность и непрерывность природы²⁷². Взаимозависимость между сложной структурой земли и ее функционированием как энергетической единицы является одним из ее основных свойств²⁷³. Экологическое мировоззрение О. Леопольда наряду с философией Восточной Азии, основанной на даосизме, конфуцианстве и буддизме, можно рассматривать как теоретическую основу гипотезы Геи, согласно которой природа представляется синергетической экосистемой симбиотических отношений²⁷⁴. На наш взгляд, теорию Геи, способствующую установлению гармонии между человеком и окружающей природной средой можно рассматривать как «восточно-западный» ответ на экологический вызов.

Даосизм в Японии не получил такого же развития, как конфуцианство²⁷⁵. Однако даосское влияние прослеживается не только в символике синтоизма, но и в культуре, искусстве, медицине и оккультизме.

Даосизм в японском языке – 道教 – «Докё». Состоит из двух частей – 道 ([до], путь) и 教 ([кё], доктрина, учение, образование). До – это японский вариант произношения Дао²⁷⁶. В Японии даосизм получил распространение во второй половине IV в. в различных слоях общества. Отличительные

²⁷⁰ Сода О. Нихон ни окэру ёго канкё но доню катэи. [Процесс введения слова «канкё» в Японии] // Waseda Studies in Social Sciences. – 2003. – No. 3. – P. 65–72.

²⁷¹ Kojien, 6th ed. – Tokyo: Iwanami Shoten, 2008.

²⁷² Wei-Ming, Tu. The Continuity of Being: Chinese Visions of Nature / Tu Wei-Ming // Nature in Asian Traditions of Thought. – New York: University of New York Press, 1989. – P. 67 – 79.

²⁷³ Leopold A. A Sand County Almanac: With Essays on Conservation from Round River. – New York: Ballantine Books, 1966. – P. 253–254.

²⁷⁴ Lovelock J.E. Gaia: A New Look at Life on Earth. – New York: Oxford University Press, 1979. – 170 p.

²⁷⁵ Торчинов Е.А. Даосизм: опыт историко-философского описания. – СПб., 1998. – С. 318.

²⁷⁶ Игнатович А.Н. Буддизм и даосизм в Японии (к проблеме отношений и оценок) // Дао и даосизм в Китае. – Москва: Издательство «Наука», 1982. - С. 179 – 206

особенности японского даосизма, в отличие от китайского, заключались в том, что, во-первых, он не был оформлен организационно: не было религиозных центров и духовенства как такового; во-вторых, верхушка японского общества не видела в даосизме идеологическую основу для укрепления политической власти; в-третьих, в Японии между буддизмом, как доминирующей религией в определенный период истории, и даосизмом «сложились односторонние отношения: лишь буддийская церковь уделяла даосизму достаточно пристальное внимание как на уровне теоретическом, так и в сфере практической деятельности»²⁷⁷.

О попытке изучения даосизма в Японии мы знаем из трактата «Три учения указывают и направляют (Санго: сики)», написанным буддийским монахом Кукая в 797 г. Это сочинение написано, как беседа между последователями трех учений: буддизма, даосизма и конфуцианства.

Даосизм предполагает признание единой энергетической субстанции - Ци. Приобщаясь к единому человек должен достигнуть состояния полной отрешенности от своего Я, растворяясь в потоках Дао. Только так можно преобразить свое сознание и обрести единство с Землей. В даосской философии утверждается, что Земля сама по себе совершенна, а человек нет. Преодолевая себя, избегая ловушек богатства, власти и жадности, можно научиться следовать «естественному пути»²⁷⁸.

Мудрость Дао - это правильный выбор естественного Пути, который приведет человека к единству с природой и Космосом²⁷⁹. Японский даосизм, как и китайский утверждает, что главное для бесконечно долгого существования – это принцип недеяния. Человек являясь частью мира не должен нарушать не только природный баланс, но и душевный баланс²⁸⁰.

---

²⁷⁷ Игнатович А.Н. Буддизм и даосизм в Японии (к проблеме отношений и оценок) // Дао и даосизм в Китае. – Москва: Издательство «Наука», 1982. – С. 181.

²⁷⁸ Ку:кай (Ко:бо:-дайси) Три учения указывают и направляют (Санго:сики). – М.: Изд. Савин С.А., 2005. – С. 18.

²⁷⁹ Цит. по: Игнатович А.Н. Буддизм и даосизм в Японии (к проблеме отношений и оценок) // Дао и даосизм в Китае. – Москва: Издательство «Наука», 1982. - С. 184.

²⁸⁰ Ку:кай (Ко:бо:-дайси) Три учения указывают и направляют (Санго:сики). – М.: Изд. Савин С.А., 2005. – С. 18.

Необходимо ощутить в себе всю полноту жизненных сил, постигнуть внутреннюю сущность вещей. Только так приверженец Докё сможет достигнуть личного бессмертия, обретя святость в себе, слившись с природой воедино.

Кёму предлагает конкретный план, следуя которому, человек сможет продлить молодость и долголетие, живя в гармонии с природой. Даосские учителя проповедуют: «Нигде, куда достает рука и куда ступает нога, не убивайте пресмыкающихся и насекомых... Уничтожьте в сердце алчность»²⁸¹. Учение Докё, глубоко экологично, он показывает хрупкую взаимосвязь природы и человека. Главное не нарушать суэтными мыслями и делами, не вмешиваться в естественный ход вещей. Даосизм выступает против преобразования природы, но допускает лишь возможность использования сил природы для улучшения жизни людей.

Японский даосизм формировал у людей чувство ответственности за окружающую среду и учил необходимости изменения самосознания: на совершенной Земле мы рядовые обитатели, наша задача не нарушать природный баланс.

Классическая японская философская традиция была построена на местных культурных ценностях и в значительной степени заимствовала культурные ценности Китая. Для Запада первой точкой соприкосновения с японской философией является киотская школа, основанная Нисида Китаро в начале XX века²⁸². Японский философ Ниси Аманэ впервые использовал термин «тэцугаку» (哲学 – философия). Тэцугаку занимается осмысливанием исследований западной философии. Согласно Ниси, между западными моральными философами и последователями конфуцианства на Востоке существуют глубокие различия, но их ключевые вопросы схожи: оба

---

²⁸¹ Цит. по: Игнатович А.Н. Буддизм и даосизм в Японии (к проблеме отношений и оценок) // Дао и даосизм в Китае. – Москва: Издательство «Наука», 1982. – С. 184

²⁸² Heisig J. Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2001. – P. 3.

направления занимаются поиском разумных правил сообщества²⁸³.

В период Мэйдзи японские философы изучали философские концепции Запада и внедряли их в японскую культуру и общество. Два выдающихся философа, которые внесли значительный вклад в создание японских философских школ, – это Нисида Китаро, буддийский философ и основатель Киотской школы, и Вацудзи Тэцуро, философ-этик.

На философию Нисиды повлияло, в частности, учение дзен-буддизма. Концепция Нисиды склоняется к метафизике (в широком смысле определяемой как фундаментальная природа бытия и окружающего его мира) в ее стремлении установить положение человечества во вселенной. По словам философа Т. Ивасаки, влияние буддизма внедрило в японское мышление метафизическое осознание²⁸⁴.

Исследование европейской философии и культуры позволило Вацудзи увидеть отличительную ценность японского образа жизни. «Вацудзи полностью осознавал, – пишет Р. Беллах, – что ранняя Япония была примитивной, но он полагал, что примитивность Японии была основой ее жизненной силы, ее чувства живой общности и системы императоров, которая обеспечивала легитимацию принятия чужой культуры»²⁸⁵. Вацудзи определил эффективное социальное взаимодействие между японцами как центральное место в японской этике, которую он интерпретирует как саморегулируемое поведение в обществе. Он считал ценность уважения, вежливости и скромности в человеческих отношениях определяющими атрибутами этического поведения японцев. Философские концепции Нисиды и Вацудзи объединили традиционную японскую мысль и культуру с западной философией.

---

²⁸³ Godart G.C. ‘Philosophy’ or ‘Religion’? The Confrontation with Foreign Categories in Late Nineteenth Century Japan // Journal of the History of Ideas. – 2008. – Vol. 69, No. 1. – P. 74.

²⁸⁴ Iwasaki T. Contemporary Japanese Moral Philosophy // Philosophy East and West. – 1956. – Vol. 6, No. 1. – P. 70.

²⁸⁵ Bellah R. Japan’s Cultural Identity: Some Reflections on the Work of Watsuji Tetsuro // Journal of Asian Studies. – 1965. – Vol. 24, No. 4. – P. 578.

Философ-востоковед О. Берк отмечает значение работ Вацудзи для переосмыслиния экологической этики. Он утверждает, что в экологической этике существует два основных подхода и «эти позиции простираются между двумя теоретическими крайностями, одной из которых было бы подчинение человечества биосфере, а другой – подчинение экологических проблем интересам человечества. В целом первый набор взглядов называется холизмом, а второй – антропоцентризмом»²⁸⁶. Экологическая этика до сих пор не смогла соединить эти две теоретические крайности. Тем не менее Берк считает, что идеи Вацудзи могут дать нам альтернативу обоим взглядам. Представления Вацудзи о среде и человеке дают нам способ переосмыслить эту проблему, поскольку нас не принуждают принимать чью-либо сторону. На самом деле Берк диагностирует проблему вынужденного выбора между отделением людей от природы или стиранием любого различия между людьми и природой как возникающую из дуализма. О. Берк поддерживает позицию Вацудзи в отношении природы как внутренней сущности «самости» человека.

Следует отметить, что расширение этики за счет включения в нее отношений человека и природы находится в согласии с традиционной японской концепцией живой природы как единства онодзукары (природы) и мидзукары (я)²⁸⁷.

В процессе исследований природной окружающей среды, Вацудзи опирается на анализ Dasein М. Хайдеггера²⁸⁸. «Я думаю, – пишет Вацудзи, – что значение погоды, климата, почвы и ландшафта в их наиболее фундаментальном состоянии может быть раскрыто с помощью хайдеггеровского аналитического Dasein. Dasein как «бытие-в-мире (In der Welt-Sein)» более фундаментален, чем противопоставление человека и внешнего мира или противопоставление субъекта и объекта»²⁸⁹. Исходя из

²⁸⁶ Verque A. A Basis for Environmental Ethics. – Diogenes, 2005. – P. 148–151.

²⁸⁷ Вацудзи Т. «Фудо» нингенгакутэки косацу но дайикко [Исследование «Климата» как гуманистического проекта] // [Полн. собр. соч. Т. Вацудзи]. – Токио: Иванами Сётэн, 1992. – Р. 380.

²⁸⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект. 2015. – 460 с.

²⁸⁹ Вацудзи Т. «Фудо» нингенгакутэки косацу но дайикко [Исследование «Климата» как гуманистического проекта] // [Полн. собр. соч. Т. Вацудзи]. – Токио: Иванами Сётэн, 1992. – Р. 380.

анализа Dasein, Вацудзи переосмысливает ощущение связи с окружающей средой как основу самопонимания человека.

Человеческое существование отмечено индивидуально-социальной двойственностью²⁹⁰. Вацудзи отмечает, что слово «нингэн» (人間), означающее «человек» на японском языке, первоначально означало «общество» на китайском языке, и что слова «сэкэн» (世間) и «ёноака» (世の中) означают не только «мир», но и «общество» и «общественность». Наше действие и самопонимание определяются в рамках человеческих отношений, и в то же время такое посредничество формируется через наши действия²⁹¹. С этой точки зрения Вацудзи отличает «человеческое существование в «общественном (yononaka)» от хайдеггеровского «бытия-в-мире» [In der-Welt-Sein]», говоря, что отправной точкой для последнего является отношения между вещами и человеком, а не между людьми²⁹².

Философия бытия человека Вацудзи противостоит западным идеям этического индивидуализма и метафизического дуализма. По мнению Вацудзи, «сфера человеческих отношений выше личности»²⁹³. Хадзиме Накамура в «Пути мышления восточных народов» доказывает, что японское мышление издавна отдавало предпочтение социальным отношениям над индивидуальными заботами. Первичное благо – это то, что приносит пользу социальной группе, а группа обычно представляет собой «ограниченную социальную связь»²⁹⁴. В японской этике делается большой упор на важность группы. Важно понимать, что дело не в том, что личность не имеет значения в Японии, а в том, что личность всегда является одновременно и личностью, и

---

²⁹⁰ Вацудзи Т. «Фудо» нингенгакутэки косацу но даникко [Исследование «Климатата» как гуманистического проекта] // [Полн. собр. соч. Т. Вацудзи]. – Токио: Иванами Сотен, 1992. – Р. 47.

²⁹¹ Ibid. P. 25.

²⁹² Ibid. P. 158.

²⁹³ Yuasa Y. The Body: Towards an Eastern Mind-Body Theory. – Albany: State University of New York Press, 1987. – P. 24.

²⁹⁴ Nakamura H. The Idea of a Universal State and Its Philosophical Basis: Prince Shōtoku and His Successors // History of Japanese Thought 592–1868: Japanese Philosophy Before Western Culture Entered Japan. London: Kegan Paul, 2002. – P. 1–38.

членом социальной группы; чтобы быть человеком, требуется как индивидуальность, так и социальная лояльность, и сплоченность.

Человеческое существование простирается от индивидуального тела, которое пребывает в «промежуточном положении» «аидагара» (間柄)²⁹⁵ как в настоящем, а также в поколениях. Промежуточность, которая пронизывает наше бытие-в-мире, охватывает как людей (*ningen*), так и живую природу, а также мир вещей. Хотя в более поздних работах по этике Вацудзи больше сосредотачивается на отношениях между людьми, по-прежнему верно то, что в его этике «индивидуум должен мыслиться, как находящийся в пространственном поле родства или промежуточности не только человеческому обществу, но и окружающему климату живой природы как продолжения воплощенного субъективного пространства, в котором обитает человек»²⁹⁶. «Поскольку мы как человеческие существа не можем избежать жизни в определенной части пространства-времени, пишет Юаса, — мы должны рассматривать этот пространственно-временной контекст как один из существенных определяющих факторов нас самих. Мы должны уловить индивидуальность из совокупности человеческих отношений»²⁹⁷.

Понятие «климат» является одним из наиболее значимых понятий в области экологических исследований, сутью которого является сохранение и устойчивое развитие как природной, так и социальной среды. В восточных традициях понятие «климат» с древнейших времен тесно связано с жизнью и образом жизни людей. Вацудзи Тэцуро дал новое определение понятию «климат» в философских терминах. Он выступает против традиционного взгляда на климат как на просто элемент природной среды, формирующий человеческую жизнь. Вместо этого Вацудзи рассматривал климат как неотъемлемую часть самого человеческого существования, глубоко

---

²⁹⁵ Yuasa Y. The Body: Towards an Eastern Mind-Body Theory. – Albany: State University of New York Press, 1987. – P. 111-123.

²⁹⁶ Odin S. The Japanese Concept of Nature in Relation to the Environmental Ethics and Conservation Aesthetics of Aldo Leopold // Environmental Ethics. – 1991. – No. 13. – P. 351.

²⁹⁷ Yuasa Y. The Body: Towards an Eastern Mind-Body Theory. – Albany: State University of New York Press, 1987. – P. 23.

переплетенную с нашим субъективным опытом. Он считал, что традиционные интерпретации объективизируют как природную среду, так и человеческую жизнь, рассматривая их как отдельные сущности. Напротив, Вацудзи предположил, что понимание климата как выражения человеческого существования позволяет нам видеть в нем отражение нашей субъективной реальности, а не просто внешний фактор. Эта перспектива смещает фокус с объективного анализа взаимодействия человека и окружающей среды к исследованию того, как климат влияет и является частью внутреннего человеческого опыта.

«Климат» (風土, [фудо]) в концепции Вацудзи является общим термином для обозначения погоды, природы горных пород и почв, топографии, ландшафта, иными словами, природа, как среда обитания человека²⁹⁸. Окружающая среда не является чем-то внешним по отношению к человеческому существованию; человек скорее интегрирован в это индивидуальное и социальное существование. В рамках этой структуры человеческого существования реализуются доверие и этическая жизнь.

Этическое для Вацудзи – это совокупность действий в определенном контексте, которые позволяют человеку процветать и позитивно взаимодействовать с контекстом. «Правильно» относиться к тем действиям, характерным для индивидуального контекста, которые способствуют гармоничному взаимодействию между человека и окружающей средой.

Окружающая среда является неотъемлемой частью нашей жизни, понимаемой не только с биологической, но и с этической точки зрения. Это понимание обеспечивает основу для новой антропоцентрической экологической этики, которая рассматривает окружающую среду как часть человеческого существования и интегрирует ее в человеческую этику. Вацудзи выступает против и концепции нон-антропоцентризма, и концепции современного антропоцентризма. Экологическая этика Вацудзи

---

²⁹⁸ Yuasa Y. The Body: Towards an Eastern Mind-Body Theory. – Albany: State University of New York Press, 1987. – P. 7.

предоставляют средства для выражения значения окружающей среды как неотъемлемого элемента человеческого существования с индивидуально-социальной двойственностью.

Философия Вацудзи позволяет рассматривать проблему окружающей среды более всесторонне и полно. Понимание Вацудзи этики как отношений между *ningen* (контекстуализированными человеческими существами) и *fudo* (природной и социальной средой) обеспечивает нормативную основу, которая может способствовать устойчивому развитию мира.

Вацудзи выступает за фундаментальную переоценку философской антропологии, которая лежит в основе западного понимания этики. Человек в конечном счете определяется процессом взаимодействия личности, сообщества и природной среды: благо всех трех сущностей достигается только благодаря их гармоничному сосуществования.

Япония столкнулась с реальностью разрушения и загрязнения природной среды задолго до появления термина «экологическая этика». В частности, в эпоху Мэйдзи, когда политика индустриализации и укрепления национальной мощи, инициированная централизованным государством, лишила людей автономии и резко изменила их отношение к окружающей природе. Кроме того, были реализованы многочисленные проекты, полностью изменившие ландшафт, что постепенно привело к истощению и разрушению природных ресурсов в региональных сообществах. Структура взаимоотношений между центром и регионами, продвигаемая правительством Мэйдзи, оказала значительное влияние не только на политическую и экономическую сферы, но прежде всего на отношения между природой и человеком. Искажения, вызванные процессом модернизации, проявились по всей стране, и первым случаем, который привлек внимание, стал инцидент с загрязнением в медных рудниках Асихо²⁹⁹.

---

²⁹⁹ Насибулина А.С., Мантатова Л.В. Концепция «истинной цивилизации» Сёдзо Танака как основа устойчивого будущего Японии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 21.

Осмысливая последствия модернизации для жизни людей, эколог и политический деятель эпохи Мэйдзи С. Танака озвучил идею «истинной цивилизации» (眞の文明, [син но бунмэй]). «Истинная цивилизация не опустошает горы, не загрязняет реки, не разрушает деревни и не убивает людей»³⁰⁰, – писал С. Танака. Круг проблем, которые должна решить модель «истинной цивилизации», – это загрязнение и разрушение природной среды, проблемы распада сообществ, проблемы дискриминации, экономическое неравенство, несправедливость и т.д.

Важно отметить, что, критикуя бедствия, вызванные современной цивилизацией, Танака не являлся сторонником антисовременных взглядов. Если рассматривать его высказывания, то можно сказать, что «истинная цивилизация» – это общество, которое защищает такую окружающую среду (как природную, так и социальную), в которой люди могут жить достойной жизнью как телом, так и духом. Более того, общество должно быть готово к гибкому использованию технологий и идей, которые способствуют этому принципу, без привязанности к определенным эпохам или регионам³⁰¹.

В контексте «истинной цивилизации» основой человеческой жизни является место, где люди живут каждый день — их родная деревня, их непосредственное жизненное пространство. Иными словами, с точки зрения экологической этики, речь идет о попытке рассмотреть отношения между природой и человеком, а также между людьми с позиций регионального сообщества. Этот взгляд на мир тесно связан с концепцией симбиоза, предложенной современной японской экологической этикой.

Исследование основ экологической этики Японии позволило нам выявить некоторые аспекты, подчёркивающие уникальность и глубину экологической этики Японии, которая формировалась на протяжении веков

---

³⁰⁰ Цит. по: Коматцу Х. Син но бунмэй ва хито о коросадзу: Танака Сёдзо но Котоба ни манабу асита но Нихон [Настоящая цивилизация не убивает людей: Япония завтрашнего дня узнала со слов Сёдзо Танаки]. – Токио, 2011. – 187 р.

³⁰¹ Насибулина А.С., Мантатова Л.В. Концепция «истинной цивилизации» Сёдзо Танака как основа устойчивого будущего Японии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 23

под влиянием различных философских и религиозных традиций:

1. Влияние религиозных систем Японии на формирование экологической этики является значительным и многослойным, поскольку каждая из традиций внесла свой вклад в мировоззрение и отношение к природной среде и осознание необходимости её защиты как священного пространства. Синтоизм акцентирует внимание на сакральности природы и необходимости бережного взаимодействия с ней. Буддизм укрепил понимание того, что каждая человеческая деятельность влияет на природу и будущие поколения, что приводит к ответственному использованию природных ресурсов. Конфуцианская этика, как форма социальной экологии, подчёркивает взаимосвязь человеческих и природных порядков. Экологическая этика интегрирует эти элементы в единое целое, создавая гармоничное взаимодействие между человеком и природой. Учение даосизма о естественном порядке вещей побуждает к жизни в гармонии с природой, минимизируя вмешательство в её естественные процессы.

2. Природа воспринимается через её красоту, что формирует уважительное и бережное отношение к ней. Этот принцип проявляется в аксиологии эстетики сохранения. Японская философия предлагает новый взгляд на взаимоотношения человека и окружающей среды, выходящий за рамки традиционного противопоставления антропоцентризма и холизма. Человек не существует изолированно от природы, но глубоко интегрирован в окружающую среду, которая является не только биологическим, но и этическим контекстом его существования. Концепция «климата» как внутреннего элемента человеческого бытия позволяет переосмыслить экологическую этику, делая её более всеобъемлющей и устойчивой. Идея индивидуально-социальной двойственности человеческого существования становится ключом к пониманию гармоничного сосуществования человека, общества и природы.

Понимание «единства всех вещей» лежит в основе японской философии окружающей среды. Японская философия предлагает холистический и

партиципаторный взгляд на экологическую этику, существенно отличающийся от западного экоцентризма.

Однако, несмотря на глубокие философские корни, традиционные этико-экологические принципы не остаются статичными. В условиях современного общества и технологического развития происходит их адаптация к новым вызовам. Возникают новые концепции, которые синтезируют традиционные представления с современными научными и институциональными подходами. Для полного исследования этико-экологических основ стратегии устойчивого развития Японии необходимо исследовать актуальные концепции, формирующие современные подходы Японии к экологически ориентированному развитию.

2.2. Современные этико-экологические концепции устойчивого развития Японии

Немецкий философ Г. Йонас подчеркивал, что современная научно-техническая цивилизация существенно изменила способ взаимодействия природы с человеком. Действия совершенно нового масштаба больше не могут быть поняты в рамках традиционных этических рамок: проблемы современного общества привносят в этику ранее немыслимое измерение ответственности³⁰². Этот тезис Г. Йонаса созвучен японской экологической этике.

Этика ответственности, основанная на историческом опыте Японии, является ключевым аспектом нормативной этики устойчивого развития. Формирование концепции ответственности в экологической этике Японии включает не только юридическую, но и морально-этическую ответственность. Выходя за институциональные рамки регулирования, ответственность становится ответственностью за произошедшее («ответственность,

---

³⁰² Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., предисл., прим. И. И. Маханькова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

ориентированная на прошлое) и «ответственностью, ориентированной на будущее»³⁰³. Нынешнее поколение несет ответственность за передачу будущим поколениям здоровой окружающей среды, которая не сужает их жизненные возможности, уменьшая с этой целью нагрузку на окружающую среду и осознавая необходимость придерживаться экологически безопасного образа жизни. Концепция ответственности означает переход «от помощи постфактум к упреждающему предотвращению»³⁰⁴, то есть к принципу предосторожности, в терминах концепции устойчивого развития.

Этико-экологический подход играет ключевую роль там, где целью является использование технологических инноваций для обеспечения устойчивости. Следовательно, экологическую этику необходимо рассматривать как одну из основных инноваций в гуманитарных науках, которая может поддерживать диалог современной технологической культуры и традиционной гуманитарной культуры в целях устойчивого развития.

Эмпирический аспект современной японской экологической этики связан с катастрофическим загрязнением окружающей среды Японии после Второй мировой войны. Решительное стремление Японии к промышленному росту с конца 1950-х по 1970-е годы в сочетании с нерегулируемой деятельностью крупных химических фабрик привели к четырем крупным вспышкам загрязнений (公害, [когай]). Болезнь Минамата, неврологическое заболевание, вызванное тяжелым отравлением ртутью, была впервые обнаружена в г. Минамата в 1956 году³⁰⁵. Болезнь была вызвана выбросом метилртути в промышленные сточные воды химического завода, принадлежащего корпорации Chisso, который продолжался с 1932 по 1968 год. Вторая вспышка болезни Минамата произошла в префектуре Ниигата в 1965

---

³⁰³ Маруяма Т. Коги но нанукакан – Минамотобё но тэцугаку ни мукэтэ. [Семь дней лекций – к философии болезни Минамата] // Иванами ойо ринри-гаку коги [Лекции по прикладной этике Иванами]. – Иванами Сётэн, 2004. – Р. 3–70.

³⁰⁴ Маруяма Т. Нинген тюсин то нинген ри тюсин суги то но фумона таирицу [Бесплодный конфликт между антропоцентризмом и нон-антропоцентризмом] // Кан сакай то ринри [Окружающая среда и этика]. – Иванами Сётэн, 2005.

³⁰⁵ Насибулина А.С., Мантатова Л.В. Эколого-этические основы национальной стратегии устойчивого развития: опыт Японии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 39–44.

году³⁰⁶. Первоначальная болезнь Минамата и болезнь Ниигата Минамата считаются двумя из четырех крупных болезней, связанных с загрязнением окружающей среды в Японии.

Случаи заражения послужили катализатором в достижении экологической устойчивости посредством тщательного планирования и решимости местного сообщества. В 1992 году городской совет Минамата принял «Декларацию города, который ценит окружающую среду, здоровье и благосостояние» и Декларацию о «строительстве образцового города для окружающей среды». Эти документы основаны на понимании того, что опыт серьезного промышленного загрязнения Минамата должен служить предупреждением для всего человечества, и на твердой решимости никогда больше не допустить повторения трагедии, подобной болезни Минамата³⁰⁷.

В 2000-е годы врач Мазазуми Харада разработал академический курс Минамата-гаку («Исследование Минамата»), основанный на исследовании болезни Минамата. М. Харада определял «Минамата-гаку» как междисциплинарное исследование, включающее в себя поддержку обездоленных групп, которое делает особый упор на ценность жизни³⁰⁸.

Основные аспекты японской экологической этики, основанной на исследовании Минамата³⁰⁹:

- определение обязанностей, прямой и этической ответственности бизнеса и правительства с целью разрешить последствия экологического ущерба;
- защита всех пострадавших сторон экологических катастроф (окружающая среда и население);
- формирование экоэтики на японских ценностях.

---

³⁰⁶ Harada M. Inochi no tabi – Minamata-gaku he no kiseki [The path of life, traced through Minamata-Studies]. – Tokyo: Tokyo Shimbun Shuppan-kyoku, 2002.

³⁰⁷ Minamata Disease. Its History and Lessons. – Minamata City, 2007. – P. 39.

³⁰⁸ Harada M. Inochi no tabi – Minamata-gaku he no kiseki [The path of life, traced through Minamata-Studies]. – Tokyo: Tokyo Shimbun Shuppan-kyoku, 2002. – P. 16.

³⁰⁹ Ibid. – P. 16.

Болезнь Минамата стала ключевым уроком для японского общества, продемонстрировав прямую взаимосвязь между состоянием окружающей среды и здоровьем человека, а также влияние экологических факторов на социальную и экономическую стабильность. Случай с болезнью вызвал значительные изменения в общественном сознании, законодательстве и промышленной политике Японии.

Японская экологическая этика помогает способствовать переходу к устойчивому развитию путем восстановления гармоничных отношений человека и природы. Эффективному переходу Японии к устойчивому развитию способствовала опора на этно-экологические традиции.

И экологическая этика, и концепция устойчивого развития направлены на то, чтобы гарантировать здоровую окружающую среду для будущих поколений. Для достижения фундаментальных целей экологической этики и устойчивого развития правительство Японии создало благоприятную среду, способствующую продвижению традиционных природоохранных ценностей, позволяющую местному населению принимать непосредственное участие в управлении и защите окружающей среды.

В 2005 году экологическая активистка Вангари Маатай предложила использовать японскую концепцию «моттаинай» в качестве четвертого элемента инициативы 3R – Respect, как ключевого слова для сохранения окружающей среды. Маатай использовала моттаинай, подчеркивая, что растрата ресурсов не только наносит вред окружающей среде, но и подрывает социальное и экономическое благополучие.³¹⁰

Этика моттаинай изначально была основана на скромности и субъективных идеалах, уважающих добродетели бережливости, умеренности и самореализации. Концепция моттаинай передает глубокое чувство сожаления по поводу расточительности или неправильного использования ресурсов, будь то природные ресурсы или продукты, созданные человеком.

---

³¹⁰ Hoy S. ‘Mottainai: Reduce, Reuse, Recycle – and Respect’// Highlighting Japan. – 2018. – 122(12). – P. 28-29.
119

Суть концепции заключена в важности осознания внутренней ценности ресурсов и недопущения их ненужного или небрежного истощения.

Моттаинай глубоко укоренена в японской культуре и отражает глубокую философию устойчивого развития, бережливости и уважения к окружающей среде, побуждая к разумному использованию ресурсов, сокращению количества отходов, переработке и более осознанному подходу к потреблению. Эта концепция тесно связана с экологической этикой, подчеркивая взаимосвязь между действиями человека и их последствием на окружающую среду.³¹¹

Концепция моттаинай имеет практическое применение в различных аспектах повседневной жизни³¹², а также вносит вклад в экологическое образование и повышает уровень осведомленности населения. Интегрируя моттаинай в повседневные действия и процессы принятия решений, формируется более устойчивое и ресурсоэффективное общество, что позволяет людям жить в гармонии с окружающей средой и оказывать положительное влияние на планету.

На наш взгляд, современным философским выражением экологической этики выступает идея кёсэй. Этическая концепция Вацудзи, рассмотренная в параграфе 2.1., позволяет нам применить понятие кёсэй к экологической этике, чтобы создать набор нормативных принципов, которые могут способствовать экологической устойчивости.

Симбиоз (共生, [кёсэй]) – концепция, глубоко укоренившаяся в японской культуре, широко исследуется с 1980-х годов. Кёсэй в широком смысле определяется как «симбиоз», «совместное проживание разных существ» или «совместная жизнь и работа для общего блага»³¹³. Эта идея

---

³¹¹ Sato Y. Mottainai: a Japanese sense of anima mundi //Journal of Analytical Psychology. – 2017, 62, 1. – P. 147-154

³¹² Sirola N., Sutinen U-M, Närvänen E., Mesiranta N., Mattila M. Mottainai! – A Practice Theoretical Analysis of Japanese Consumers' Food Waste Reduction // Sustainability 2019, 11, 6645

³¹³ De Bettignies C.H., Goodpaster K.E., Matsuoka T. The Caux Roundtable Principles for Business: Presentation and Discussion // International Business Ethics: Challenges and Approaches. – Notre Dame: University of Notre Dame Press. – 1999. – P. 133.

отражает философию взаимного уважения и взаимозависимости между сущностями, будь то люди, природа или системы. Концепция кёсэй широко используется в современной Японии, однако её содержание варьируется в зависимости от контекста, и не является однородным. Например, в сфере деловой этики концепция кёсэй используется как одна из доминирующих парадигм развития гармоничных отношений между людьми и корпорациями. В данном контексте концепция была предложена председателем Canon Inc. Каку Рюзабуро, который утверждал, что в бизнесе должна существовать гармония между прибылью и этическими принципами: «Общее благо является необходимым условием для того, чтобы сделать мир лучше, и кёсэй является достаточным условием»³¹⁴. Принципы этой концепции основаны на теории заинтересованных сторон, нормативном подходе к деловой этике, который переосмысливает роли и отношения, определяющие корпоративные обязательства.

В рамках нашего исследования кёсэй понимается не как биологический или экологический термин «симбиоз», а скорее как нормативная концепция, разработанная для определения и поддержки отношений между человеком и природой в условиях разрушения окружающей среды³¹⁵. Это понятие включает в себя социальные и культурные ценностные суждения и отличается от симбиоза в биологическом понимании. Иными словами, кёсэй – это нормативная этика, которая стремится к защите окружающей среды и созданию ценностной системы, разделяемой обществом.

На наш взгляд, кёсэй можно рассматривать как динамические отношения, в которых сосуществуют как гармония, так и конфликт. По словам Кисё Курокавы, японского архитектора, популяризировавшего этот термин, кёсэй подразумевает: сотрудничество в условиях конфликта; взаимное творчество (отношения допускают инновации и творчество, которые были бы

---

³¹⁴ Goodpaster K.E. Bridging East and West in Management Ethics: Kyosei and the Moral Point of View // International Business Ethics: Challenges and Approaches. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1999. – P. 150–151.

³¹⁵ Камэяма С. Канкё: ринри то кё:сэй но сисо: [Экологическая этика и философия симбиоза]. – Токио, 2005. – С. 61-62.

невозможны по отдельности); уважение к индивидуальности; холистическую жизнь³¹⁶.

Практическое преимущество этой концепции состоит в том, что она способствует экологической безопасности. Регулируя человеческую деятельность в соответствии с принципами кёсэй, люди должны свести к минимуму воздействие на окружающую среду и тем самым уменьшить негативные социально-экономические последствия. Следовательно, люди должны принять набор моральных принципов, которые продвигают кёсэй на местном, национальном и международном уровнях.

Экологическая этика Японии, основываясь на плодотворном диалоге культур Востока и Запада, «осветила традиционные мысли японского народа с новой стороны и обогатила его возможности»³¹⁷. Японская концепция симбиоза человека и природы подчеркивает важность «человеческого сотрудничества», основанного на общем мире. Для того чтобы отношения между природой и людьми были устойчивыми, сначала должна быть гарантирована устойчивость отношений между людьми. Разрушение окружающей среды – это не только разрушение природной среды, но и среды социальной. Эти рассуждения об отношениях между человеком и обществом, природой и человеком позиционируются в идее симбиоза.

Идея симбиоза способствует развитию нормативной этики устойчивого развития, которая может стать основой отношений между людьми и окружающей средой в эпоху современного научно-технологического развития.

Идея симбиоза культивирует чувство ответственности за поддержание отношений между природой и человеком, поскольку через окружающую среду и ее ресурсы непосредственно и физически переживается связь с

---

³¹⁶ Сайто М. Дзёдо сюгаку ни окэру «кё:сэй (томуики/кё:сэй)». [Понятие «симбиоза» в буддизме школы Дзёдо]. – 2017. – [Электронный ресурс]. – URL: http://repository.tokaigakuenu.ac.jp/dspace/bitstream/11334/1438/1/tcs_002_06.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

³¹⁷ Коматцу Х. Танака Сёдзо – мириа о цумуругу сисо хито [Танака Содзо – мыслитель, который плетет будущее]. – Иванами Хюндаи Бунко, 2013.

историческими и культурными основами. В этом заключается одно из требований концепции кёсэй³¹⁸. Второе требование – это чувство ответственности субъекта как носителя «целостной связи» с историко-культурным отпечатком прошлого – настоящего – будущего, что способствует устойчивому функционированию общности. Через концепцию кёсэй определяется фундаментальный принцип коэволюции человека и природы.

Экологическая этика Японии развивалась как тип «взаимного альтруизма», который поощрял отношения с ненулевой суммой между человеком и природой. Кёсэй – ключевая философская парадигма ненулевой суммы. Осознание себя взаимозависимыми с другими людьми и с окружающей средой в целом обусловливают стремление японцев к развитию творческих путей, которые способствуют устойчивому развитию общества. Если применить концепцию кёсэй ко всем человеческим усилиям, это может иметь огромные последствия для того, как мы взаимодействуем с окружающей средой. Используя кёсэй в качестве руководящего принципа для всей экополитики, можно создавать законы, которые позволяют жить устойчиво.

Этико-экологическая стратегия устойчивого развития Японии опирается на идею симбиоза. Люди могут процветать только в том случае, если они заботятся о благе всей системы жизнеобеспечения. Кёсэй в качестве ориентира в реализации концепции устойчивого развития позволяет продвигать человеческие цели, уважая целостность, стабильность и красоту биотического сообщества.

В контексте реализации этико-экологической стратегии устойчивого развития мы рассматриваем симбиоз в двух аспектах: симбиоз людей друг с другом и симбиоз людей с окружающей средой. С этой точки зрения симбиоз близок к понятию совместного существования. Для устойчивого существования важно обеспечить не только устойчивые отношения между

---

³¹⁸ Масуда К. Ринри-гацу ни океру кёсэй гайнэн то «дзизоку канона сэкинин» [Исследование концепции симбиоза и «устойчивой ответственности» в экологической этике]. – 2015. – № 47. – С. 15–28.

природой и людьми, но и между самими людьми. Разрушение окружающей среды тесно связано с социальными условиями жизни людей. Поэтому необходимо установить нормы, регулирующие эти отношения, что подчеркивает важность социальной и экологической ответственности. Таким образом, в рамках устойчивого развития мы определяем симбиоз как динамическое совместное существование в экологическом и социальном измерениях, при котором взаимодействие между людьми и окружающей средой, а также между самими людьми, происходит с учётом временных и пространственных факторов.

В Белой книге по окружающей среде 2013 представлена дорожная карта по созданию общества, сосуществующего с природой (раздел 4). Согласно документу, Япония рассматривает «создание действительно процветающего общества, основанного на механизмах природы» как философию создания общества в гармонии с природой, поддерживаемого биоразнообразием. Важно воспринимать природу как актив, который будет передан следующему поколению, точно осознавать ее ценность, учитывать устойчивую экономику, которая не наносит ущерба природе, и выбирать виды деятельности, соответствующие законам природы, основанные на симбиозе и циркуляции³¹⁹.

Также идея симбиоза отражена в Пятом экологическом базовом плане, одобренном Кабинетом министров в апреле 2018 года, в виде идеи «региональной циклической и симбиотической сферы», концепция интегрирована в государственную политику и реализуется в ряде проектов. Один из них – город Удзи, в котором был запущен проект по созданию симбиотической общины. В марте 2004 года был сформулирован первый этап регионального плана благосостояния города Удзи, философия которого заключается в «стремлении создать общество, основанное на симбиозе, в

---

³¹⁹ Канкё: хакусё, Дзюнкангата сякай хакусё, Сэйбуцу таёсэй хакусё [Белая книга об окружающей среде. Белая книга о циклической (замкнутой) экономике. Белая книга о биологическом разнообразии]. Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/policy/hakusyo/h25/index.html> (дата обращения: 01.12.2024).

котором каждый может уважать друг друга, поддерживать друг друга и жить спокойно»³²⁰.

Проект строится на трех основных принципах:

1. Уважение прав человека. «Мы будем уважать основные права человека и создадим мирное сообщество, в котором каждый сможет жить нормальной жизнью»³²¹.

2. Сотрудничество – укрепление местной солидарности через взаимное сотрудничество, взаимодействие и активное участие жителей.

3. Развитие культуры благосостояния – стремление содействовать региональному благосостоянию, которое является уникальным для местной ситуации и использует преимущества богатой природной среды, местной истории и климата.

Идея симбиоза не только подчеркивает важность поддержания баланса между человеком и природой, но и предлагает этический каркас, в котором это взаимодействие рассматривается как основополагающее для выживания и процветания обеих сторон. Эта философская концепция позволяет переосмыслить традиционные подходы к экополитике, предлагая стратегию, которая фокусируется на коэволюции и взаимном развитии. В этом контексте, внедрение концепции кёсэй в политические и законодательные процессы способствует созданию условий для устойчивого развития, при котором экономические и экологические интересы не противопоставляются, а дополняют друг друга.

Для стратегии устойчивого развития большой интерес представляет японское видение глобальной биоэтики. Японские философы считают, что «биоэтика должна быть переформатирована в глобальную биоэтику,

---

³²⁰ Удзи сити «Чай Удзи и город из сказки о Гэндзи» - официальный сайт города Удзи [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.city.uji.kyoto.jp/soshiki/70/56427.html> (дата обращения: 04.06.2024).

³²¹ Тамже.

сочетающую в себе биоэтику, основанную на гуманизме, и экологическую этику, основанную на холистическом образе мышления»³²².

Глобальная биоэтика представляется как новый путь гармонизации различий и конфликтов между культурными и социальными общностями на Земле, возникающими из многообразия современных культурных и социальных инноваций. Глобальная биоэтика должна предоставить новую социальную технологию³²³.

Современное технологическое развитие предоставляет возможность контроля над будущим человечества. Сакамото Хякудай говорит о необходимости нового гуманизма как новой методологии, основывающейся на «азиатском этосе и мудрости». Она характеризуется высокой оценкой социальной упорядоченности; реалистичной интерпретацией этики и справедливости, фундаментальным натурализмом, отсутствием стремления к состоянию «неизменности» или «вечности»³²⁴.

В интерпретации философа Д. Икеда новый гуманизм представляет собой «значительный остаток мудрости, который при правильных обстоятельствах может быть передан будущим поколениям, расширяя горизонты сознания, устанавливая связи между различными культурами и поощряя свежие идеи и новые открытия по всему миру»³²⁵. Новый гуманизм как целостный подход к человеческому прогрессу закладывает основу для технологических инноваций, творчества и создания знаний, способных решать глобальные проблемы. Необходимо, по мнению Сакамото, изменение менталитета людей с целью преодоления неустойчивых подходов к проблеме потребления. Новый гуманизм, основанный на этико-экологических

---

³²² Sakamoto H. Chapitre 1. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology – Journal International de Bioéthique, 2005. – Vol. 16, № 1. – P. 15-27.

³²³ Sakamoto H. A New Possibility of Global Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology // Cross-Cultural Perspectives on the (Im)Possibility of Global Bioethics. Philosophy and Medicine/ Springer Science+Business Media Dordrecht. – 2002. – Vol. 71. – P. 359–367.

³²⁴ Sakamoto H. Towards A New 'Global Bioethics' // Bioethics. – 1999. – Vol.13, No. 3–4. – P. 191–197.

³²⁵ Ikeda D. A New Humanism: The University Addresses of Daisaku Ikeda. – Publisher: New York: I.B. Tauris, 2010. – P. 308.

ценностях, формирует новые образы мышления и действия, стремясь к построению общества, способного адаптироваться к изменениям и вызовам.

Новый гуманизм постулирует, что реформа индивидуального человеческого сознания и изменение образа жизни необходимы для решения глобальных экологических проблем. Экологические проблемы не могут быть по-настоящему решены за счет достижений науки и техники, принятия законов и создания институтов. Чтобы решить экологические проблемы, необходимо преодолеть эгоцентричное и потребительское отношение к природе, изменить свое сознание и изменить свой образ жизни. Неверно рассматривать природу и окружающую среду только как объекты покорения либо как средства или инструменты для получения различных благ. Необходимо действовать с большим уважением к природе. По мнению современных японских философов, поступая таким образом, люди смогут обрести чувство удовлетворения на более глубоком уровне жизни.

Модернизация образа жизни, развитие инфраструктуры, рыночное распределение товаров способствовали снижению чувствительности современного поколения японцев к окружающей природной среде. Между тем этико-экологический подход к жизни гармонично встроен в традиционную культуру Японии, где природа почитается как источник жизни. Но, если люди теряют связь с землей в повседневном опыте, экоэтика может остаться абстрактной идеей. Помимо формирования экологического мировоззрения на глобальном уровне необходимы выявление особенностей локального окружения и рассмотрение взаимосвязи местного населения с окружающей средой.

В Японии существуют различные подходы для развития чувствительности к местной окружающей среде. Один из них – это обнаружение и понимание уникальных региональных особенностей, присущих японским пейзажам и ландшафтам. Японский философ Тосио Кувако, предлагая этот метод, основывается на трех основных измерениях, характеризующих «месторазвитие»: пространство (географические и

климатические особенности), время (исторические события) и ценности (интересы местных жителей)³²⁶. Эти три измерения не следует воспринимать отдельно. Географические особенности определяют климат каждого региона и существенно влияют на местный образ жизни, формирование сообществ и промышленность. Таким образом, пространство регулирует то, что в нем происходит. В рамках времени исследуются не только культурная, но и естественная история и события. Стихийные бедствия в прошлом, например, влияли на стратегии безопасности и выживания. Развитие жилых районов и сельскохозяйственных угодий также связано с историей наводнений, которые происходили в прошлом.

В основе философии Кувако лежит глубокая критика практики пренебрежения традиционными знаниями о землеустройстве, накопленными за долгую историю Японии. На стиль освоения земель значительное влияниеказал промышленный подход, который преследует эффективность труда и затрат путем продвижения механизации и стандартизации производственных процессов. Стандартизация промышленности игнорировала уникальность каждого места и привела к монотонным ландшафтам. Тщательное наблюдение за экологией и историей каждого участка невозможно при таком промышленном подходе.

С целью изменить современную структуру гражданского строительства и общественного развития Т. Кувако ввел термин «пространственное резюме» (空間の履歴, [куукан но рирэки]). Он настаивает на важности тщательного изучения региональных и климатических особенностей путем раскрытия переданных знаний³²⁷. Данный метод способствует участию людей из разных социальных слоев и поколений. Такого рода процесс участия стал использоваться теперь из-за возрастающей необходимости общественного - участия в развитии сообщества и инфраструктуры. В некоторых случаях

---

³²⁶ Кувако Т. Хохо тоситэ но кукан-гаку [Пространственная наука как метод] // Нихон Бунка но Кукан-гаку. – Токио: Тосиндо, 2008. – С. 13.

³²⁷ Кувако Т. Хохо тоситэ но кукан-гаку [Пространственная наука как метод] // Нихон Бунка но Кукан-гаку. – Токио: Тосиндо, 2008. – С. 16.

развития общин местные традиции и знания снова обретают свое практическое значение, что способствует восстановлению связи человека с окружающей средой и позволяет эффективно внедрять принципы экологической этики на региональном и индивидуальном уровнях. Сегодня в Японии на национальном и местных уровнях активно применяется практический этико-экологический подход. В частности, Т. Кувако занимается проектами по возрождению и восстановлению природы, реконструкции речных пространств, планированию защиты лесов.

Научное описание природы не обязательно приводит к пониманию ее богатства и сохранению ее эстетической ценности. Наблюдая текущую деградацию окружающей среды, японцы пришли к осознанию ограниченности технологического понимания природы, например, в строительной отрасли Японии стали применять традиционное эстетическое восприятие природы при проектировании инфраструктуры. Инженер М. Сэки, подчеркивая ценность японской эстетики, попытался изменить ортодоксальные подходы к развитию современной наземной инфраструктуры. По его мнению, глубина эстетики природы не может быть измерена только числовыми выражениями. Он считает, что инженеры должны расширить свою эстетическую чувствительность, чтобы целостно взглянуть на мир природы с точки зрения качества³²⁸. Необходимо внимательно наблюдать за естественными очертаниями и особенностями каждого региона и обдумывать наиболее подходящий способ изменения формы земли. Философия М. Сэки была использована в руководящих принципах речного строительства правительства Японии.

Философский подход и нравственно-эстетические установки обрели новую актуальность в современной Японии.

По мнению Вацудзи, человеческие чувства и эмоции глубоко переплетены с природными и социальными явлениями. Это можно

---

³²⁸ Сэки М. Даичи но кава: Йомигаэрэ Нихон но Фурусато но Кава [Река Возрожденной Земли, река родного города Японии]. – Токио: Сосиса, 1994.

рассматривать как вескую причину создания эстетических объектов и передачи морального сознания посредством искусства или красоты. «Подобные климатические обременения или навязывания случаются в нашей жизни очень часто — пишет Вацудзи. — Чувство веселья в ясный, погожий день, уныния в день в сезон дождей, бодрости, когда вспыхивает молодая зелень, нежности, когда падает весенний дождь, свежести летним утром, дикости в день дождя, сильный ветер и дождь — мы могли бы перебрать все слова, которые хайку использует для обозначения времени года, и все равно не исчерпать такие климатические нагрузки. Наша жизнь, таким образом, ограничена климатом, обладающим безграничным набором состояний. Так что нам навязано не только прошлое, но и климат»³²⁹.

Другими словами, человеческое осознание окружающей среды — это не просто пассивное осознание, а активное эстетическое участие, которое может привести к моральным прозрениям и художественному выражению. Вацудзи иллюстрирует это через повседневные переживания климата, такие как чувство веселья или уныния, вызванное изменениями погоды, которые он связывает с более широкими японскими эстетическими ценностями.

Данный аспект сочетается с традиционными японскими эстетическими концепциями, например, моно но аварэ (物の哀れ, «печальное очарование вещей»), в которой осознание мимолетности всех вещей усиливает понимание их красоты и вызывает печаль по поводу их кончины, и ваби-саби (侘寂, «скромная простота»), которая находит красоту в несовершенстве, непостоянстве и незавершенности. Переход от эстетической концепции моно но аварэ к ваби-саби в японской эстетике предполагает глубокое понимание буддийской концепции мудзё (無常), означающей «непостоянство». Это понятие отражает глубокое осознание мимолетности всех вещей, подчеркивая состояние безмятежности и более глубокое, меланхолическое принятие этой

---

³²⁹ Watsuji T. A Climate: A Philosophical Study. – Tokyo: Japanese National Commission for UNESCO, 1961. – P. 15.

преходящей природы как неотъемлемой части жизни. Эти концепции подчеркивают глубокую эмоциональную связь с миром природы, признание его преходящей красоты и интеграцию этих чувств в культурную ткань.

Общим знаменателем концепций японской эстетики является глубокое осознание «несовершенной, непостоянной и неполной» природы вещей в мире. Здесь концепция «климата», отстаиваемая Вацудзи, рассматривается как философская основа для реального понимания концептуального смысла эстетики в японской традиции, как философский подход к жизни, признающий непостоянство всех вещей и важность жизни в гармонии с природой.

Здесь примечательна интерпретация Вацудзи понятия «красота», позволяющая понять его ключевое понятие «климат» в новой перспективе. «Красота, таким образом, есть раскрытие разумного внутри чувственного, искусство – чувственное откровение гармоничного мирового союза. Художник видит это мировое соединение не логически, а чувственно, с творческими и жизненными чувствами. Поэтому, когда он выражает увиденное посредством своих собственных свободных творческих сил, поскольку этот мировой союз рационален, порядок является основой, на которой все стоит»³³⁰.

Помимо произведений искусства, существуют социальные или культурные виды деятельности, рожденные из человеческого духа восприятия природы, когда рациональное осознание или чувственное восприятие человека проявляются в его деятельности как индивидуальной, так и коллективной. Иногда красота дикой природы может вызвать у человека эстетический опыт, который связан с понятием «климат» в его значении «существование во времени и пространства». «Наведение некоего искусственного порядка в естественном не может быть достигнуто путем прикрытия естественного искусственным, а только путем следования искусственного за естественным. И благодаря вскармливанию естественного

---

³³⁰ Watsuji T. A Climate: A Philosophical Study. – Tokyo: Japanese National Commission for UNESCO, 1961. – P. 177.

искусственным, естественное тем более вытекает изнутри, например, в случае с травами: если те, которые мешают и те, которые не служат никакой цели, удалены, тогда природа раскрывает ее собственный порядок... Таким образом, японцы обнаружили чисто естественную форму в беспорядке и дикости природы, и именно это воспроизведено в их саду. В этом смысле японский сад действительно представляет собой изысканность и идеализацию природной красоты»³³¹.

Такая философская позиция в отношении «климата» служит основой для понимания того, как японская культура ценит и сохраняет окружающую среду. Это предполагает уникальное сочетание эстетической чувствительности и этической ответственности, где признание природной красоты и культурные традиции, такие как ханами (花見, «наблюдение за цветением сакуры») и момидзигари (紅葉狩, «любование осенними листьями»), рассматриваются как выражение более глубокого, культурно укоренившегося экологического сознания. Таким образом, философия Вацудзи выражает культурную теорию, глубоко укорененную в сосуществовании природы и культуры, которая важна не только в сфере эстетики, но и актуальна для современной экологической этики и усилий по сохранению природы.

Эстетический подход Японии к формированию устойчивого общества созвучен идее построения «прекрасного Китая», определяемой как «сумма красоты окружающей среды: красоты времени, красоты жизни, красоты общества и красоты простых людей»³³². Модернизация экономического, социального и культурного пространства направлена на возвращение природе присущих ей покоя, гармонии и красоты.

Для имплементации экологической этики важно признание отношений между тремя элементами: абстрактной идеей, институциональной системой и

---

³³¹ Watsuji T. A Climate: A Philosophical Study. – Tokyo: Japanese National Commission for UNESCO, 1961. – P. 191.

³³² Marinelli M. How to Build a ‘Beautiful China’ in the Anthropocene? The Political Discourse and the Intellectual Debate on Ecological Civilization // Journal of Chinese Political Science. – 2018. – Vol. 23. – P. 365–386.

принятием решений. На этом признании основана новая модель экологической этики, созданная Т. Кувако, которую он назвал планетарной этикой.

Основными теоретическими принципами этой модели экологической этики являются:

- а) треугольная структура ценности для принятия этических решений;
- б) треугольная структура для понимания природы человека;
- в) треугольная структура для признания ценности пространства для содействия достижению консенсуса;
- г) треугольная структура взаимоотношений между заинтересованными сторонами для достижения общественного консенсуса³³³.

Концепция планетарной этики – это всестороннее понимание как выгод, получаемых от природы, так и угроз, исходящих от нее³³⁴. Ключом к построению планетарной этики является понимание географических и геологических условий Земли, что особенно важно для Японских островов из-за их географических особенностей, обусловленных движением тектонических плит. Эти условия порождают большое разнообразие природных благ и одновременно влекут разрушительные последствия для островов. Необходимо, считает Т. Кувако, выводить экологическую этику из местных ресурсов и применять ее к планетарным, или глобальным, вызовам.

Мы должны сохранять глобальную точку зрения относительно наших действий и выяснить преимущества и угрозы, которые может представлять деятельность человека на локальном уровне, считает Т. Кувако. При этом надо иметь в виду, что масштабы большинства видов человеческой деятельности – даже тех, которые имеют глобальные последствия, – локальны. Мы должны создать методы построения социального консенсуса, предлагает Т. Кувако, способные разрешить споры о локальных и глобальных угрозах и благах³³⁵.

---

³³³ Kuwako T. Project Management of Consensus Building. – Tokyo: Corona, 2017. – P. 10-13.

³³⁴ Ibid.

³³⁵ Ibid.

Японская экологическая этика делает попытки построения соответствующего процесса достижения консенсуса посредством философии устойчивого развития и практического опыта управления проектами, используя треугольную схему этического принятия решений. Этот процесс основан на глубоком уважении к японской традиции, которой придерживаются многие заинтересованные стороны. Так, программа улучшения реки Охаси была разработана с учетом принципов планетарной этики и треугольной структуры ценностей. В декабре 2006 года Комитет по ревитализации городов вдоль реки Охаси принял «Основные Принципы» и «Основную Концепцию Градостроительства». Основная идея заключалась в гармоничном развитии города, людей и воды, учитывая культурные и природные особенности района. Применение треугольной структуры ценностей в управлении окружающей средой в рамках проекта реки Охаси включало интеграцию четырех основных аспектов: защиту от наводнений, поддержание здоровья экосистемы, сохранение красоты ландшафта и оживление городских пространств. Конфликты между этими ценностями решались через обсуждения и открытые встречи с участием широкой общественности, что способствовало поиску компромиссов и созданию новых идей. Такой подход не только укрепил доверие граждан к проекту, но и обеспечил устойчивое и интегрированное развитие в районе реки Охаси, отражая глубокие принципы экоэтики и планетарной этики в современном управлении окружающей средой.

Планетарная этика Кувако подчеркивает важность адаптации человека к стихийным бедствиям и предполагает развитие технологий, управление окружающей средой для смягчения опасных последствий. Мы рассматриваем экоэтику Т. Кувако как стратегию минимизации рисков и предотвращения катастроф, как концептуальную основу стратегии устойчивого развития.

Ландшафт является одновременно пассивным и активным элементом того, как люди взаимодействуют с окружающей средой и формируют ее. В качестве пассивного агента ландшафт служит холстом, на котором постоянно

фиксируется человеческая деятельность, отражая культурную интерпретацию пространства.³³⁶ И наоборот, как активный агент, ландшафт способствует созданию чувства места и идентичности, связывая человеческий опыт с конкретной местной средой, в которой осуществляется деятельность³³⁷. Таким образом, процесс трансформации «из пространства в место» предполагает сложное взаимодействие, при котором пространство используется людьми для социальной деятельности.³³⁸ Следовательно, ландшафт не только влияет на социальное восприятие места, но и существенно влияет на качество жизни человека.

Подход к концепции устойчивого развития через ландшафты может помочь гармонично интегрировать ее в местном экологическом и социокультурном контексте и способствовать эффективной реализации. Устойчивость ландшафта предлагает основанное на пространстве, реляционное мышление в области взаимодействия человека и природы. Различные исследования обосновывают использование ландшафтов в качестве отправной точки для продвижения преобразований, основанных на местных примерах устойчивых отношений между человеком и природой. Например, исследования Ричерса демонстрируют решающую роль отношений человека и природы в развитии и устойчивом управлении ландшафтами; кроме того, возрождение чувства связи с природой может помочь сохранить разнообразие и сложность ландшафтов. Исследование Японского общества содействия науке сосредоточило внимание на японском культурном морском ландшафте Сатоуми (里海). Гу и Субраманиан вводят термин «социально-экологические производственные ландшафты»³³⁹ для культурных ландшафтов, которые извлекают пользу из взаимовыгодных отношений

---

³³⁶ Bulian G. The Multilocality of Satoyama Landscape, Cultural Heritage and Environmental Sustainability in Japan. Ca' Foscari Japanese Studies 14, 4 // Itineraries of an Anthropologist: Studies in Honour of Massimo Raveri. – 2021. – P. 111-134.

³³⁷ Feld S., Basso K.H. Senses of Place. - School of American Research Press, 1996 - 293 p.

³³⁸ Tuan Y.F. Space and Place: The Perspective of Experience. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press., 1977. – 226 p.

³³⁹ Gu H., Subramanian S.M. Drivers of Change in Socio-Ecological Production Landscapes: Implications for Better Management // Ecology and Society. – 2014. – 19(1), 1-13.

между человеком и природой, утверждая, что включение местных сообществ, их традиционных ценностей и традиционных знаний имеет важное значение для устойчивого управления ландшафтами. В основе этого термина лежит идея о том, что социальные и экологические системы взаимосвязаны и фактически неделимы³⁴⁰.

В Японии существует традиционная концепция управления землей – Сатояма (里山 – «горная деревня», [сато] 里 – «деревня», «сельская местность», [яма] 山 – «горы»), которая подразумевает сбалансированное взаимодействие между человеком и природой в приграничных зонах между городскими населенными пунктами и дикой природой. Этот термин обычно относится к традиционному ландшафту, состоящему из чередующихся лесных массивов, рисовых полей, пастбищ, ручьев и прудов. А.И. Банчева дает следующее определение: Сатояма – это традиционный японский сельский ландшафт, включающий в себя мозаику гор и равнин, речных долин, лесных участков и сельскохозяйственных угодий, а также сельских поселений, где осуществляется традиционное природопользование в рамках ведения сельского, лесного и рыбного хозяйств и поддерживается устойчивое сосуществование человека и природы с сохранением японской культуры³⁴¹. Сами японцы понимают сатояму как символ их традиционного образа жизни и духовный символ нации и как места длительного освоения и природопользования.

В контексте глобального экологического кризиса японская культура сатояма стала рассматриваться как ценное руководство, вдохновляющее образ жизни, который будет способствовать восстановлению связи между средами обитания диких животных. В 2007 году Министерство окружающей среды Японии разработало «Стратегию устойчивого развития общества»,

---

³⁴⁰ Takeuch K., Ichikawa K., Elmquist T. Satoyama landscape as social–ecological system: historical changes and future perspective. Current Opinion in Environmental Sustainability, 19, 2016. – Р. 30–39.

³⁴¹ Банчева А.И. Географические особенности культурного ландшафта «сатояма» в Японии // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. – 2022. Т.16, №4. – С.50-55.

основанную на традиционной мудрости сатоямы и практике управления сообществом.

Признавая культурное и экологическое значение сатоямы, была создана Инициатива Сатояма – международный междисциплинарный проекту, целью которого является содействие устойчивому использованию и биоразнообразию сатоямы в Японии. Инициатива Сатояма, возникшая в результате совместного сотрудничества Института перспективных исследований устойчивого развития Университета ООН и Министерства окружающей среды Японии, фокусируется на сохранении биоразнообразия посредством возрождения и устойчивого управления «социально-экологическими производственными ландшафтами и морскими пейзажами», с целью реализовать «общество в гармонии с природой»³⁴². Основная цель этих проектов – сохранение ландшафтов по всему миру, предполагающее ряд мероприятий, включая расширение объема знаний о том, как отношения между человеком и природой должны функционировать в самых разных производственных и морских ландшафтах как с социальной, так и с научной точки зрения.

По мнению Министерства окружающей среды, стратегическое использование этих вторичных ландшафтов будет способствовать «исключительному балансу природы, поддерживая естественное восстановление окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов. Такое использование природных ресурсов и окружающей среды является продуктом традиционной мудрости Азии»³⁴³.

Междисциплинарный подход, принятый в этих программах, представляет собой модель анализа, которая является во многих отношениях инновационной, и которая также начала распространяться на международном

---

³⁴² UNU-IAS, IGES. The Satoyama Initiative Concept. – 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://satoyama-initiative.org/concept> (дата обращения: 01.09.2024).

³⁴³ The Satoyama Initiative Case Studies. – 2009. [Электронный ресурс]. – URL: https://satoyama-initiative.org/case_study/#start (дата обращения: 15.08.2024).

уровне³⁴⁴. Впоследствии в 2010 году было запущено Международное партнерство для инициативы Сатояма с целью продвижения и переоценки традиционных социально-экологических производственных и морских ландшафтов во всем мире (IPSI).³⁴⁵ IPSI побуждает горожан вести устойчивый образ жизни, сохраняя глубокую культурную связь с природой и воспитывая чувство ответственности между поколениями за сохранение этих ландшафтов.

Сатояма играет важную роль в поддержании и расширении биоразнообразия за счёт обеспечения пространства для различных видов флоры и фауны. В контексте современной экологии, сатояма выделяется как пример эффективного симбиоза социально-экономической деятельности человека и сохранения природных ресурсов. При этом такая система управления способствует устойчивому развитию, так как предусматривает использование природных ресурсов на основе принципов регенерации и минимального вмешательства.

Научное значение сатояма заключается в исследовании долгосрочных антропогенных воздействий на природные ландшафты и их адаптивных ответах, что имеет ключевое значение для разработки методов управления биоразнообразием и экосистемными услугами в изменяющемся мире. В этико-философском контексте, сатояма может предложить ценные уроки для глобальной экологической политики и практики, направленные на гармонизацию человеческой деятельности с природными процессами в условиях постоянно растущего антропогенного давления.

Ландшафтно-ориентированный подход показывает, что эффективная реализация стратегии устойчивого развития на локальном или региональном уровнях требует понимания и признания ценности сложных, долгосрочных отношений человека с природой, формировавших местный ландшафт. Глобальная перспектива может упустить из виду тонкие взаимодействия

---

³⁴⁴ Yanagi T. ed. “Satoumi Management Theory: A Clean, Rich, Lively and Sustainable Sea” //Association of Agriculture and Forestry. Statistics. – 2019. – P. 240-254

³⁴⁵ International Partnership for the Satoyama [Электронный ресурс]. – URL: Initiative <https://satoyama-initiative.org/> (дата обращения: 15.08.2024).

повседневной жизни и культурные значения, которые являются неотъемлемыми для конкретной среды. Такой холистический взгляд гарантирует, что усилия по достижению устойчивости будут культурно чувствительны и экологически обоснованы, интегрируя экологические и социальные измерения для создания устойчивого будущего.

Рассмотренные современные этико-экологические концепции Японии, демонстрируют теоретическое развитие стратегии устойчивого развития Японии. Эти концепции, каждая из которых по-своему обогащает понимание и практику устойчивости, создают интегративную и сложную основу для современных подходов к устойчивому развитию.

В контексте этико-экологической стратегии мы можем проследить и выявить глубокую взаимосвязь между этими подходами. Японские мыслители творчески развиваются и дополняют фундаментальные концепции экологической этики для эффективной реализации этико-экологического подхода к устойчивому развитию, предлагая идею симбиоза, планетарную этику, концепцию эстетики природы, глобальную биоэтику, новый гуманизм. Эти теоретические основы способствуют формированию прикладной этики, на базе которой реализуются конкретные проекты по сохранению окружающей среды. Случаи заболеваний, вызванные загрязнением окружающей среды и катастрофами, ставят под угрозу существование самой жизни. Подобные практические аспекты обогащают экологическую этику, формируют принципы устойчивости и служат трагическим напоминанием о последствиях пренебрежения этими принципами. Указанные концепции находят свое отражение в законотворчестве и различных официальных документах, подчеркивая значимость этических и экологических принципов в государственных стратегиях и политике. Важным аспектом этого процесса является приверженность этике ответственности не только перед окружающей средой, но и перед сообществом и будущими поколениями.

Многообразие философских подходов интегрируется в практическую деятельность, обеспечивая гармоничное взаимодействие общества и природы и способствуя долгосрочной устойчивости развития Японии.

Критически оценивая риски техногенной цивилизации, японские философи пытаются возродить концепцию «истинной цивилизации». По справедливому мнению японских философов, «истинная цивилизация» – это среда, в которой люди могут вести правильный образ жизни, позволяющий гибко применять и использовать новые технологии и идеи, способствующие развитию гармоничного и устойчивого общества. На наш взгляд, этико-экологический подход к реализации стратегии устойчивого развития приближает Японию к понятию «истинной» (гуманистической, высокотехнологичной, экологической) цивилизации.

Мы считаем, идея «истинной цивилизации» Танака Сёдзо и концепция устойчивого развитияозвучны, несмотря на то, что они возникли в разных исторических и культурных контекстах. Обе эти идеи настаивают на гармоничном и ответственном взаимодействии между природой, обществом и экономикой, где развитие должно приносить благо как современным, так и будущим поколениям, без нанесения ущерба окружающей среде и социальным основам общества. По нашему мнению, это подчеркивает уникальную связь между традиционными культурами и современными глобальными концепциями, где уроки прошлого помогают формировать более устойчивое будущее и в некоторой степени объясняют успешную реализацию стратегии устойчивого развития в Японии.

2.3. Реализация этико-экологической стратегии: экосистемное управление и технологическое развитие

В параграфе 1.2. мы рассмотрели стратегию устойчивого развития Японии, раскрывая, как государственные, частные и общественные институты взаимодействуют для достижения целей устойчивого развития.

Институциональные механизмы играют ключевую роль в формировании и реализации политики, направленной на соблюдение принципов экологической этики и обеспечение устойчивого развития. Тем не менее, успех этой стратегии невозможен без инновационных подходов в управлении природными ресурсами и технологий, направленных на сохранение экосистем.

В Японии с начала XX века в результате промышленной деятельности произошло несколько крупных инцидентов, о которых мы писали ранее, связанных с загрязнением окружающей среды. Этот опыт способствовал развитию регуляторной науки, которая включает в себя предварительную оценку рисков, управление рисками, информирование о рисках, а также понимание этих рисков населением.

Японское общество живет в условиях катастроф и рисков. Многие катастрофы трудно предугадать или предотвратить. Т. Такахаси говорит о том, что люди должны научиться сосуществовать с бедствиями. Он развивает идею «со-катастрофы», которая побуждает пересмотреть фундаментальную концепцию этики, смысл жизни и смерти, отношения между человеком и природой, нестабильность мира, и отношение науки к обществу и политике. По мнению Т. Такахаси, в Японии деятельность специалистов по экологической этике была сосредоточена на сохранении окружающей среды³⁴⁶. Великое восточно-японское землетрясение (2011) выявило новую повестку дня экологической этики – предотвращение стихийных бедствий и смягчение их последствий.

Т. Такахаси предлагает интересный взгляд на философию сосуществования с катастрофами, которая заставляет переосмыслить взаимоотношения между человеком и природой. Однако, концепция «со-катастрофы» может быть слишком абстрактной для практического применения и требует конкретизации в политике и действиях. Философия

---

³⁴⁶ Такахаси Т. Сидзэн сайгай тоно кёдзон но ронри [Логика сосуществования со стихийными бедствиями]. – Фукуока: Изд-во Университета Кюсю, 2013.

Такахаси дает ценное теоретическое основание, и для успешного внедрения нужны конкретные руководства и примеры практической реализации этой концепции.

Физик Т. Терада отмечает, что по мере развития цивилизации ущерб, причиняемый катастрофами, становится все более значительным, а в XXI веке, когда Япония взаимозависима и взаимосвязана с остальным миром, локальная катастрофа становится глобальной³⁴⁷.

Техногенные аварии и природные катастрофы углубили дискуссию об отношении между человеком и природой, наукой и обществом, городским и сельским населением, а также о глобальном и локальном измерениях последствий катастроф.

Т. Терада справедливо утверждает, что в глобализированном мире локальные катастрофы могут иметь глобальные последствия. Это также вызывает необходимость в более тесном международном сотрудничестве и обмене опытом, но международные усилия могут быть осложнены политическими и экономическими интересами. Например, проблемы трансграничного загрязнения воздуха между Китаем, Кореей и Японией требуют координации на высоком уровне, которая часто затруднена из-за политических разногласий. Сброс сточных вод АЭС «Фукусима-1» в Тихий океан, начавшийся в 2023 году, также не имеет консенсуса мирового сообщества. Несмотря на то, что МАГАТЭ заявило, что в морской воде, прилегающей к Фукусиме-1, не наблюдалось повышения уровня трития с момента начала сбросов, а значения оставались ниже эксплуатационных пределов Японии³⁴⁸, решение сбросить эту воду в океан вызвало

---

³⁴⁷ Тэрода Т. Сизэн сайгай то кокубо: Тэрода Торахико дзуйхицусю [Стихийные бедствия и национальная оборона: сб. очерков Торахико Тэрода]. Т. 5. – Токио: Иванами Бунко, 1948. – С. 58–60.

³⁴⁸ IAEA Conducts Its First Seawater Sampling After Japan's Discharge of ALPS Treated Water, Finds Tritium Level Below Limit [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-conducts-its-first-seawater-sampling-after-japans-discharge-of-alps-treated-water-finds-tritium-level-below-limit>; IAEA sees no rise in tritium level near Fukushima Daiichi <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/IAEA-sees-no-rise-in-tritium-level-near-Fukushima> (дата обращения: 13.06.2024)

обеспокоенность и критику со стороны других стран и международных организаций.

Философ и эколог Акихико Кондо считает, что решение проблемы ядерной катастрофы путем сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами не только должно основываться на научной или экономической рациональности, но и требует формирования консенсуса на основе общего сопереживания региону и представления о том, каким должно быть устойчивое общество³⁴⁹. Отмечается, что достижение консенсуса является сложной задачей, поскольку разнообразие образов мышления и социального происхождения людей затрудняет разрешение конфликтов.

Признание отношений между различными группами заинтересованных сторон необходимо для преодоления последствий катастроф, минимизации рисков и построения устойчивого общества с высоким качеством жизни.

Система управления рисками, в частности, строится на локальном опыте разрешения последствий техногенных катастроф. Так, например, концепция Йоккайти, основанная на исследовании загрязнения воздуха в одноименном городе, была создана с целью «понять прошлое, связанное с загрязнением воздуха, проанализировать настоящее и предложить будущий образ города»³⁵⁰. Кроме того, исследования, подобные Йоккайти, являются эффективными инструментами образования в интересах устойчивого развития, способствующими развитию глобально-местных человеческих ресурсов, которые укоренены в данной местности, а также применимы ко всему миру.

Данные локальные исследования выступают в качестве «устойчивой футурологии»³⁵¹, которая предлагает устойчивую социальную систему,

---

³⁴⁹ Акихико К. Генсирёку саигай ни окэру каикэцу то рёкаи – гисэи но сисутэму кара канкэй-сэи о сончо сурү кёсэй сакай э. [Разрешение и понимание ядерных катастроф – от системы жертвоприношения к симбиотическому обществу взаимного уважения] // Гакуджуцу доко [Академические тенденции]. – 2019. – Т. 24, № 10. – С. 49–52.

³⁵⁰ Пак Х.С. Йоккайти кэнкю: тайки осэн гайдорайн [Исследования Йоккайти: рекомендации по загрязнению воздуха]. – Нагоя: Фубаися, 2005.

³⁵¹ Пак Х.С. Йоккайти когай но како гензай мирай о туу: «Йоккайти-гаку» но чосэн [Спрашивая о прошлом, настоящем и будущем загрязнения Йоккайти: вызов «исследований Йоккайти»]. – Нагоя: Фубаися, 2012.

устанавливающую баланс между окружающей средой и экономикой с целью трансформации «бывшего загрязненного города в будущий экологически чистый город»³⁵².

Еще один важный аспект концепции Йоккаити – это фокусирование на международном сотрудничестве в области окружающей среды. В частности, речь идет об опасности, вызванной трансграничным загрязнением воздуха в Китае, Корее и Японии, как последствии экономического роста. В качестве стратегии международного сотрудничества в области охраны окружающей среды против трансграничного загрязнения воздуха принят следующий план действий:

1. Создание платформы международного экологического сотрудничества и системы межправительственной системы мониторинга.

2. Создание международной сети университетов экологических исследований и научно-исследовательских институтов в качестве эпистемологического сообщества.

3. Создание международной сети экологических НПО для повышения осведомленности общественности о глобальных экологических рисках³⁵³.

Управление экологическими рисками, предотвращение природных и техногенных катастроф, минимизация их последствий, международное сотрудничество в данной сфере дают возможность создавать более устойчивое, безопасное будущее, ориентированное на высокое качество жизни.

Технологическое направление в стратегии устойчивого развития Японии мы связываем, прежде всего, с концепцией технополиса.

В XXI веке города превратились в сложные и динамичные экосистемы, служащие центрами научных, культурных и социальных инноваций. В

---

³⁵² Там же.

³⁵³ Park H.S. «Yokkaichi Studies» Learned from the Yokkaichi Air Pollution for Environmental Policy and International Environmental Cooperation in Asia // Overcoming Environmental Risks to Achieve Sustainable Development Goals Lessons from the Japanese Experience. – Singapore: Springer Nature Singapore Pt. Ltd, 2022. – P. 53

настоящее время во всем мире разработаны и реализуются многочисленные проекты, инициативы и программы устойчивого развития городов. Эти усилия различаются по географическим особенностям, социально-демографическим контекстам и масштабам реализации.

Технополис определяется японскими исследователями как стратегия для достижения двух целей – интенсификации знаний и повышения добавленной стоимости промышленной структуры (творческое национальное строительство на основе высоких технологий) и регионального развития, устремленного в XXI век, – путем внедрения высокотехнологичной промышленности. Концепция технополиса ориентирована на создание устойчивого регионального общества путем осуществления градостроительства, гармонично сочетающегося с «промышленностью» (комплекс высокотехнологичной промышленности), «академическим центром» (научно-исследовательские институты и экспериментальные институты) и «социальными объектами» (благодатная и приятная среда обитания)³⁵⁴. Концепция технополиса стала одним из важных элементов стратегии устойчивого развития регионов Японии³⁵⁵. Концепция технополиса предполагает синтез технологии, науки, промышленности, культуры и традиций регионов Японии.

Идея технополиса в новых условиях научно-технологического прогресса трансформировалась в концепцию умного города. Идея умных городов основана на создании и объединении человеческого и социального капиталов и инфраструктуры информационных и коммуникационных технологий в целях содействия устойчивому развитию общества и повышению качества жизни людей.

В 2010 году в рамках инициативы центрального правительства Японии были сертифицированы четыре проекта умного города, включая проект

---

³⁵⁴ Nihon Ricchi Center Technopolis 90's Project Committee, Report on Basic Research for Construction of Technopolis March, 1982.

³⁵⁵ Shujiro Y. The Technopolis Program in Japan // Hitotsubashi Journal of Social Studies. – 1990. – Vol. 22, No. 1. – P. 7–18.

умного сообщества г. Китакюсю³⁵⁶. Японский Научно-исследовательский парк «Китакюсю» является одним из примеров того, как координация между сообществом, промышленностью и университетами способствует развитию умного города, а также актуализирует понимание роли образовательного учреждения в устойчивом городском развитии и его влияния на развитие экономики, общества и окружающей среды. Высшие учебные заведения, включая университеты, научно-исследовательские институты, являются движущими силами в современном образовании и научных исследованиях Японии. Образовательные учреждения принимают активное участие в развитии общества и экономики, проводя передовые исследования и способствуя развитию человеческих ресурсов. Реальным и прямым продуктом деятельности сферы образования для устойчивого развития является передовая научно-техническая инфраструктура и высокая экологическая культура Японии.

В Японии эволюция городского развития, в частности, охватила три устойчивые тенденции: эко-города, низкоуглеродные города и умные города. Каждая тенденция фокусируется на различных аспектах устойчивости, но в совокупности способствует созданию более устойчивой городской среды.

Развитие эко-городов стало ключевым подходом к достижению устойчивости в городских районах. Концепция эко-городов была первоначально введена ЮНЕСКО в начале 1970-х годов в рамках программы «Человек и биосфера». Программа предлагала междисциплинарную программу исследований и наращивание потенциала, направленную на решение экологических, социальных и экономических аспектов утраты биоразнообразия и его сокращения. С тех пор многочисленные ученые и эксперты из различных областей представили свои собственные определения и интерпретации того, что должны включать в себя эко-города. Эко-города

---

³⁵⁶ Chatfield A.T., Reddick C.G. Smart City Implementation Through Shared Vision of Social Innovation for Environmental Sustainability: A Case Study of Kitakyushu, Japan //Social Science Computer Review. – 2015. – P. 1–17.

призваны уделять приоритетное внимание экологическому балансу и защите окружающей среды. Их цель – минимизировать экологический след, повысить биоразнообразие и повысить благосостояние жителей за счет интеграции зеленых насаждений и ресурсоэффективной инфраструктуры. Низкоуглеродные города сосредоточены на сокращении выбросов углекислого газа, чтобы смягчить последствия изменения климата. Это достигается за счет устойчивого городского планирования, энергоэффективной инфраструктуры и внедрения возобновляемых источников энергии. Главной целью является создание устойчивой городской среды, соответствующей глобальным усилиям по борьбе с изменением климата. Умные города используют передовые технологии, анализ данных и информационные системы для улучшения городских услуг и процессов. Эти города используют процесс принятия решений на основе данных для повышения устойчивой мобильности, управления ресурсами и вовлечения граждан, что приводит к созданию более эффективных и пригодных для жизни городских пространств.

В Японии, эти тенденции приобретают все большее значение как эффективные стратегии решения проблем, связанных с урбанизацией и деградацией окружающей среды. Эти три концепции не рассматриваются как отдельные решения, а взаимосвязаны и дополняют друг друга, внося общий вклад в достижение всеобъемлющей цели устойчивого развития городов³⁵⁷.

Достижение по-настоящему устойчивых городов требует целостного подхода, который объединяет принципы эко-городов, городов с низким уровнем выбросов углерода и умных городов. Этот подход должен быть адаптирован к конкретному контексту и потребностям каждого города. По мере прогресса урбанизации текущие исследования и меры адаптивной политики имеют решающее значение для продвижения устойчивого

---

³⁵⁷ Xiaolong Zou. Urban Sustainable Development in East Asia: Understanding and Evaluating Urban Sustainable Trends in China and Japan. – Springer, 2023 – Xix, 131 p.

городского развития и защиты благополучия как нынешнего, так и будущих поколений.

В современных условиях необходимо исследовать как концепция умного города согласуется с, принятой в Японии стратегией «Общество 5.0». Концепция «умный город» в Японии, рассматриваемая через призму «Общества 5.0», подчеркивает преобразующий сдвиг в направлении создания сверхумного общества путем интеграции кибер- и физического пространств. Эта амбициозная цель направлена на использование потенциала передовых технологий для удовлетворения как очевидных, так и скрытых потребностей городского населения, продвигая подход, более ориентированный на граждан. Японские умные города обычно используют системы общественного управления энергопотреблением (CEMS)³⁵⁸ и другие высокотехнологичные решения, которые, хотя и повышают эффективность, часто делают упор на технологические обновления, а не на целостные потребности жителей. Такое отношение вызывает обеспокоенность по поводу того, адекватно ли нынешняя стратегия уделяет приоритетное внимание разнообразным повседневным потребностям граждан или чрезмерно склоняется к технологическим внедрениям.

В отличие от практики западных стран, где инициативы умного города часто включают более широкую интеграцию технологий и общественной жизни, японские проекты, как правило, начинаются с локализованных пилотных программ, ориентированных на конкретные системы, такие как энергетика. Эти проекты, как правило, сосредоточены на выбранных районах, что ограничивает их потенциальное воздействие. Следовательно, задача состоит в том, чтобы масштабировать эти инициативы, охватить целые города и согласовать их с более широкими целями Общества 5.0, что требует более инклюзивного, комплексного подхода.³⁵⁹

---

³⁵⁸ Khullar V., Sharma V., Angurala M., Chhabra N. (Eds.). Artificial Intelligence and Society 5.0: Issues, Opportunities, and Challenges (1st ed.). Chapman and Hall/CRC. – Chapman & Hall. CRC Press is an imprint of Taylor & Francis Group, LLC. – 2024 – 294 p.

³⁵⁹ Ibid.

Для эффективного перехода к Обществу 5.0 Японии крайне важно расширить масштабы этих пилотных проектов, либерализовать нормативно-правовую базу и оптимизировать процессы испытательного полигона при адекватной поддержке со стороны правительства, бизнес-партнеров и межсекторального сотрудничества. Этот подход облегчит создание архитектуры интеграции информации, которая связывает данные из различных секторов, включая транспорт, энергетику и социальное обеспечение. Такая интеграция необходима для развития отзывчивой, адаптивной городской среды, которая действительно повышает качество жизни всех граждан.

Продвижение концепции «умного города» в Японии требует двусторонней стратегии развития, включающей подходы «сверху-вниз» (под руководством правительства и бизнеса) и «снизу-вверх» (под руководством граждан). Крайне важно поощрять более активное участие граждан и создавать платформы для сотрудничества между государственным, частным и академическим секторами. Эти усилия должны быть направлены на содействие сбору инновационных данных по местным проблемам и развитию инициатив на низовом уровне, тем самым повышая общую эффективность и признание решений «умного города».

Несмотря на то, что японские умные города в настоящее время демонстрируют сильную склонность к технологическим решениям, для успешной эволюции в Общество 5.0 необходим сбалансированный акцент на технологических и социальных разработках. Этот сбалансированный подход не только решит насущные городские проблемы, но и проложит путь к более интегрированному, инклюзивному и целостному городскому будущему, что позволит добиться значительных успехов в реализации видения Общества 5.0.

Итогом развития умных городов являются:

- создание системы сотрудничества между промышленностью, академическим сообществом и правительством, что оказывает положительное влияние на региональную политику продвижения науки и технологий;

- создание устойчивых региональных инновационных систем;
- увеличение численности населения³⁶⁰.

Процессы реализации умного города требуют общего видения социальных инноваций, принадлежащих различным заинтересованным сторонам с конфликтующими ценностями, и адаптивного использования неформальных механизмов социального управления для эффективного развития умного города.

Внедрение интеллектуальных технологий умного города может повысить способность сообществ прогнозировать модели пандемии, способствовать комплексному и своевременному реагированию, минимизировать последствия пандемии, обеспечить непрерывность базовых услуг и предложить решения для оптимизации работы в городе. Вышеназванные результаты демонстрируют важность реализации концепции умного города для повышения устойчивости современного общества. Следует отметить, что реализация потенциала умного города зависит от внимательного отношения к проблемам, связанным с конфиденциальностью и безопасностью, доступом к данным, технологической доступностью, правовыми барьерами, технологической осуществимостью и вовлечением граждан. Дальнейшее развитие умного города может предоставить беспрецедентные возможности для повышения устойчивости к разного рода событиям в будущем. Глобальный кризис усилил аргументы в пользу развития умных городов, подчеркнув их потенциал и предоставив беспрецедентные возможности для внедрения инновационных решений во все сферы жизни. Ожидается, что это внесет вклад в долгосрочную адаптацию сообществ за счет стимулирования трансформационных решений, которые также принесут множество сопутствующих социально-экономических и экологических выгод.

---

³⁶⁰ Khullar V., Sharma V., Angurala M., Chhabra N. (Eds.). Artificial Intelligence and Society 5.0: Issues, Opportunities, and Challenges (1st ed.). Chapman and Hall/CRC. – Chapman & Hall. CRC Press is an imprint of Taylor & Francis Group, LLC. - 2024 – P. 1–17.

Инвестиции в технологии умного города могут повысить способность реагировать и восстанавливаться после неблагоприятных событий, которые требуют своевременных и комплексных действий в различных секторах. Доступность и надлежащее применение таких технологий могут способствовать раннему обнаружению и эффективному отслеживанию различных угроз, и успешному их преодолению. Однако для достижения этой цели необходимо обеспечить равный доступ граждан к услугам умного города. Интеллектуальные технологии умного города предоставляют возможности для разработки таких платформ как интегрированные центры управления и контроля, которые способствуют сотрудничеству, своевременному реагированию и принятию решений.

Технологии умного города являются эффективными инструментами экологического, социального и корпоративного управления (далее – ESG).

Экологическое, социальное и корпоративное управление (Environmental, Social and Governance, ESG) представляет собой набор критериев, используемых для оценки того, как компания ведет свою деятельность в трех ключевых областях: экологическая устойчивость, социальная ответственность и корпоративное управление. Эти три основных фактора используются для измерения устойчивости и этической составляющей компании с целью оценки инвестиционного потенциала, отражая общую ответственность корпорации³⁶¹.

Основными движущими силами ESG являются опасения относительно экологических ситуаций, таких как изменение климата, ядерная энергия и устойчивость в целом. Но также принимаются во внимание социальные проблемы, такие как разнообразие, права человека, защита потребителей или защита животных, проблемы корпоративного управления, связанные со структурой управления, трудовыми отношениями, вопросы ответственных инвестиций.

---

³⁶¹ Kiehne D.O. Environmental, social and corporate governance (ESG) – also an innovation driver? – InTraCoM GmbH, 2019 [Электронный ресурс]. – URL: http://media.intracomgroup.de/InTraCoM_ESGJune2019.pdf (дата обращения: 09.03.2022).

Каждый из трех элементов ESG включает в себя ряд критериев:

1. Экологические критерии включают в себя использование компанией возобновляемых источников энергии, программу управления отходами, способы решения проблемы загрязнения и изменения климата, возникающие в результате человеческой деятельности.

2. Социальные факторы охватывают воздействие фирмы на различные заинтересованные стороны. Риски включают в себя потенциальное нарушение прав других лиц, и любого рода дискриминацию.

3. Критерии управления включают в себя политику, процессы и средства контроля, применяемые фирмой.

ESG (как концепция устойчивого развития бизнеса) представляет ценность для компаний в следующих областях: новые возможности для роста прибыли, снижение операционных расходов, снижение риска государственного вмешательства, повышение удовлетворенности сотрудников, оптимизация активов по мере того, как компании перестраивают свой портфель в сторону долгосрочной устойчивости.

Цели Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития все чаще рассматриваются в Японии как возможность начать новый, усовершенствованный этап позитивных действий посредством ответственного инвестирования. В данном контексте экологическое, социальное и корпоративное управление является важным источником инноваций, направленных на достижение устойчивого развития общества.

За последние годы в Японии активно внедряются принципы ESG в стратегические и операционные решения корпораций. Коммерческая деятельность, в соответствии с этическим кодексом ESG, должна осуществляться не только в интересах бизнеса, но и на благо общества³⁶².

Этот идеал прочно укоренился в корпоративной культуре Японии и опирался на прочную сеть отношений с участием большого количества

---

³⁶² Boardman C.M., Hideaki Kiyoshi Kato. The Confucian roots of business kyosei // Journal of Business Ethics. – 2003. – Vol. 48, No. 4. – P. 317–333.

заинтересованных сторон. Сегодня многие японские компании берут на себя обязательства перед местными сообществами и обществом в целом, обещая «пожизненную занятость, экологически безопасные производственные процессы, продукты и услуги, ориентированные на клиента, и безопасность продукции»³⁶³.

Концепция корпоративного управления способствует реализации основных задач стратегии устойчивого развития Японии. Например, в 2020 году Государственный пенсионный инвестиционный фонд опубликовал отчет³⁶⁴ в сотрудничестве с Японской бизнес-федерацией и Токийским университетом, в котором выражается намерение ускорить инвестиции в инновации, с целью реализации правительственной инициативы «Общество 5.0» и достижения Целей ООН в области устойчивого развития.

В Японии нет специального закона, который бы напрямую касался ESG. Каждый из компонентов ESG регулируется отдельными нормативными актами, такими как Закон о содействии мерам противодействия глобальному потеплению, Закон о специальных мерах, касающихся закупки электроэнергии из возобновляемых источников энергии электроэнергетическими предприятиями, Закон о содействии культуре айнов, распространении и просвещении знаний об айнских традициях и т. д.

Основными нормами права Японии, касающимися ESG, являются Кодекс управления и Кодекс корпоративного управления³⁶⁵. Признавая растущую важность ESG, Кодекс корпоративного управления определяет обязанности ответственного управления следующим образом: это ответственность институциональных инвесторов за повышение

---

³⁶³ Suzuki K., Tanimoto K. Corporate social responsibility in Japan: Analyzing the participating companies in global reporting initiative // Stockholm School of Economics working paper, EIJS Series. – 2005. – No. 208. P. – 21.

³⁶⁴ The evolution of ESG investment, realization of Society 5.0, and achievement of SDGs, a joint research report by Government Pension Investment Fund, Keidanren (Japan Business Federation), and University of Tokyo, 2020. – 86 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gpif.go.jp/en/investment/Report_Society_and_SDGs_en.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

³⁶⁵ Japanese Corporate Governance Code [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jpx.co.jp/english/news/1020/b5b4pj0000046kxj-att/b5b4pj0000046l07.pdf> (дата обращения: 09.03.2022).

среднесрочной и долгосрочной доходности инвестиций для своих клиентов и бенефициаров путем повышения и стимулирования корпоративной стоимости и устойчивого роста компаний-инвесторов путем конструктивного взаимодействия или целенаправленного диалога, основанного на глубоком знании компании, а также рассмотрение способности к устойчивости (средняя и долгосрочная устойчивость, включая факторы ESG) в соответствии с их стратегиями управления инвестициями.

Кодекс корпоративного управления также затрагивает экологические и социальные вопросы: «Компании должны принимать надлежащие меры для решения вопросов устойчивого развития, включая социальные и экологические вопросы». В Дополнительном принципе предусматривается, что решение вопросов экологической устойчивости является одной из важных задач бизнеса.

В рамках ESG концепции экологически устойчивый аспект все чаще играет ведущую роль при принятии решений и планировании.

В 2020 году правительство Японии объявило о новой экологической инициативе – Стратегии зеленого роста (в частности по сокращению выбросов парниковых газов до нуля к 2050 году). В нем перечислены 14 секторов роста для достижения этой амбициозной цели к 2050 году. В мае 2021 года правительство закрепило эту Стратегию в законодательном порядке, внося поправку в Закон о содействии мерам по противодействию глобальному потеплению, в которой ставится цель достижения углеродной нейтральности к 2050 году и поощрение местных муниципалитетов и предприятий к осуществлению или усилиению необходимых мер для создания общества с нулевым выбросом углерода. Законодательное закрепление этой цели демонстрирует национальную приверженность Японии достижению цели, независимо от каких-либо изменений в правительстве.

Анализ концепции экологического, социального и корпоративного управления Японии позволяет определить ключевые аспекты механизма формирования устойчивой инвестиционной стратегии:

1. При создании стратегии экологического, социального и корпоративного управления необходимо опираться на основные этические принципы.

2. При определении устойчивости инвестиционных стратегий использовать индикаторы оценки, предложенные в рамках Повестки дня – 2030.

3. Необходимо создать механизм соблюдения экологических норм (установление политики корпорации по защите окружающей среды, энергоэффективности и глобального потепления и т. д.).

4. Сформировать юридически обоснованную систему корпоративного управления.

5. Использовать технологические инновации для коренной трансформации бизнеса и операционных моделей.

На наш взгляд, Япония демонстрирует значительный прогресс в области экосистемного и технологического управления устойчивым развитием. Для достижения существенных результатов важна интеграция теоретических концепций с практическими мерами, улучшении международного сотрудничества и усилении внимания к социальным аспектам устойчивого развития. Следовательно, учитывая сложность и многослойность этих задач, необходим комплексный подход, сочетающий технологические инновации, философские идеи и реальные потребности общества.

Эффективная реализация стратегии устойчивого развития требует постоянного совершенствования системы оценки и управления экологическими рисками не только для пересмотра стандартов, но и для совершенствования методов, используемых для оценки рисков, управления рисками и коммуникации на основе научно-технологического подхода. Политика Японии в области управления рисками основана на принципе предосторожности, а также учитывает факторы, связанные с финансовой и корпоративной устойчивостью. Информирование о рисках и формирование консенсуса также важны для оптимизации регулирования развитием. Словом,

экосистемный подход является важным инструментом для решения проблемы устойчивого развития.

Проанализировав текущее состояние Японии, мы пришли к выводу, что в условиях глобализации и возрастающих экологических рисков устойчивое развитие Японии опирается на интеграцию технологий умных городов, концепции «Общество 5.0» и локального опыта управления экологическими рисками. По нашему мнению, составляющими этого комплексного подхода следующие:

1. Тесное сотрудничество между промышленностью, академическим сообществом и правительством, что оказывает положительное влияние на региональную политику продвижения науки и технологий и способствует созданию устойчивых региональных инновационных систем.

2. Активное участие гражданского общества. Вовлечение граждан в процесс принятия решений способствует адаптивному использованию неформальных механизмов социального управления и развитию инклюзивного подхода в городском планировании.

3. Использование локального опыта управления экологическими рисками для трансформации загрязнённых городов в экологически чистые города, что способствует устойчивому развитию и повышению качества жизни. Стратегии управления природными рисками включают в себя сохранение экосистемных услуг, что согласуется с этико-экологическим подходом к устойчивому развитию.

4. Разработка и внедрение технологий умных городов для повышения устойчивости к разного рода событиям в будущем. Интеллектуальные технологии умного города предоставляют возможности для создания интегрированных центров управления и контроля, способствующих своевременному реагированию и принятию решений в случае кризисных ситуаций. Внедрение технологий умных городов и концепции «Общество 5.0» позволяет не только повысить технологическую устойчивость, но и гарантировать справедливое распределение ресурсов и

повышение качества жизни, что лежит в основе идеи устойчивого развития общества.

5. Обеспечение равного доступа граждан к услугам умного города, что является ключевым фактором для успешного внедрения и использования технологий. Внимание к проблемам конфиденциальности и безопасности, доступу к данным, технологической доступности и правовым барьерам, что способствует созданию более инклюзивного и целостного городского будущего.

6. Принципы ESG, такие как использование возобновляемых источников энергии, программы управления отходами, соблюдение прав человека и обеспечение надлежащего корпоративного управления, играют ключевую роль в формировании устойчивых городов и повышении качества жизни.

Реализация этико-экологической стратегии устойчивого развития Японии демонстрирует успешное сочетание экосистемного управления, технологических инноваций и принципов экологической этики. Использование передовых зеленых технологий, развитие возобновляемых источников энергии и интеграция этических принципов в промышленность и городскую среду позволяют минимизировать воздействие на окружающую среду, сохраняя баланс между экономическим ростом и экологической устойчивостью.

Достижение Японией Целей устойчивого развития позволяет оценить, насколько эффективно страна адаптирует современные технологии иправленческие модели для достижения глобальных экологических и социальных стандартов.

Анализ данных по ключевым показателям ЦУР позволяет выделить как сильные стороны страны, так и области, где необходимы улучшения. Согласно

отчету по устойчивому развитию за 2024 год Япония занимает 18 место из 167 стран по уровню реализации ЦУР³⁶⁶.

Социальные аспекты устойчивого развития формируют основу для внедрения экологически ориентированных стратегий, так как благополучие населения напрямую связано с состоянием окружающей среды и доступом к ресурсам. Япония практически исключила экстремальную бедность (ЦУР 1) (доля населения с доходом ниже \$2,15 в день составляет 0,4%). В области здравоохранения и качества жизни (ЦУР 3) отмечается высокая продолжительность жизни (84,8 года) и низкая детская смертность. Однако субъективное благополучие (5,9 из 10) остается на среднем уровне, что может быть связано с высоким уровнем стресса в урбанизированных районах и напряженной системой труда. В сфере образования (ЦУР 4) полный охват начальным и средним образованием (100%) и высокий показатель участия в дошкольном образовании (99.4%). Высокий уровень высшего образования (65.7%). Слабым местом остается ЦУР 5 (гендерное равенство): относительно высокий уровень участия женщин трудовой деятельности (76.7%), но значительные проблемы с включением женщин в политическую и экономическую деятельность. Доля женщин в парламенте составляет всего 10,3%, а гендерный разрыв в оплате труда достигает 21,3%.

Экосистемное управление в Японии основано на принципах рационального использования природных ресурсов и сохранения биоразнообразия. Основные вызовы в этой сфере связаны с высокой урбанизацией, ресурсозависимой экономикой и воздействием климатических изменений. Водные ресурсы и экосистемные услуги (ЦУР 6, 14, 15): Япония обеспечила практически полный доступ к чистой воде (98,7%) и санитарным условиям (99,1%), однако нагрузка на водные ресурсы остается значительной (36,1% доступных ресурсов). Защита лесов и биоразнообразия (ЦУР 15) также остается важной задачей. Несмотря на высокий уровень лесистости

---

³⁶⁶ Sustainable development report [Электронный ресурс]. – URL: <https://dashboards.sdgindex.org/profiles/japan/indicators> (дата обращения: 18.02.2025).

территории (67%), эффективность природоохранных мер оценивается на уровне 65,1% от необходимого, что говорит о необходимости усиления экологического мониторинга.

Одним из ключевых элементов японской этико-экологической стратегии является ставка на инновационные технологии для минимизации негативного воздействия на окружающую среду. В области энергетической трансформации (ЦУР 7, 13) Япония сохраняет высокий уровень энергопотребления на душу населения, но доля возобновляемых источников энергии остается низкой (8,5%). Введение новых технологий, таких как водородная энергетика и умные энергосети, позволяет снижать выбросы CO₂, которые составляют 8,5 тонн на человека в год. Япония является одним из мировых лидеров в области переработки отходов (ЦУР 12). Высокий уровень урбанизации компенсируется внедрением концепции «умных городов», которая включает развитие зеленой инфраструктуры, цифровизацию транспортных систем и повышение энергоэффективности зданий (ЦУР 11). Япония является мировым лидером в области исследований и разработок, тратя 3,3% ВВП на НИОКР (ЦУР 9). Высокий уровень патентной активности (139,1 патентов на миллион населения в 2020 году) подтверждает ее инновационный потенциал³⁶⁷.

Тем не менее, существуют значительные вызовы, включая необходимость дальнейшего сокращения зависимости от ископаемого топлива, адаптацию общества к экологически чистым технологиям и преодоление экономических и социальных барьеров на пути к углеродно-нейтральному будущему. Важную роль играет международное сотрудничество, где Япония активно участвует в глобальных экологических инициативах, таких как Парижское соглашение и Киотский протокол, продвигая принципы экологической ответственности и осознанного потребления.

---

³⁶⁷ Sustainable development report [Электронный ресурс]. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/profiles/japan/indicators> (дата обращения: 18.02.2025).

Опыт Японии, на наш взгляд, подтверждает, что устойчивое развитие возможно при комплексном подходе, который объединяет научные достижения, государственную поддержку и этико-экологические принципы. Продвижение экологической этики как основы устойчивого развития способствует формированию новой парадигмы взаимоотношений между человеком, технологиями и природой. Япония не просто следует мировым экологическим тенденциям – она формирует собственную модель устойчивого развития, сочетая традиционные этико-экологические принципы и инновационные технологии.

Вывод по главе 2. Во второй главе представлено комплексное социально-философское исследование этико-экологической стратегии устойчивого развития Японии.

Структура экологической этики Японии включает в себя основные философские, духовные и культурные компоненты, формирующие уникальный подход к взаимодействию с природой. Духовные традиции формируют отношение к природе: основой выступает синтоистское восприятие природы как сакрального пространства, населённого ками (духами), что формирует установку на благоговейное отношение к природным объектам – горам, рекам, лесам. Эта сакральность дополняется буддийским учением о взаимосвязи всех живых существ, кармической ответственности за экологические последствия действий и идеей осознанного сосуществования. Конфуцианство, интегрированное в японский контекст, усиливает этический аспект, подчёркивая гармонию социального и природного порядков, где нарушение баланса в одном влечёт дисгармонию в другом. Даосские принципы дополняют картину, акцентируя необходимость минимального вмешательства в природные процессы и жизни в согласии с естественным ритмом мироздания.

Важнейшим философским прорывом стала концепция фудо Тэцуро Вацуудзи, переосмысливающая антропоцентризм через призму

взаимозависимости человека и среды. Согласно Вацудзи, человек не существует вне контекста фудо – климатической, природной и социальной среды, которая формирует его идентичность и этические нормы. Эта диалектика отрицает противопоставление субъекта и объекта, предлагая модель, где благополучие человека, сообщества и природы достигается только через их гармоничное взаимодействие. Подход Вацудзи стал философским ответом на кризисы модернизации, демонстрируя, что экологическая этика должна быть укоренена в антропологии, а не сводиться к утилитарным решениям.

В свою очередь, концепция «истинной цивилизации» С. Танаки, возникшая как реакция на экологические и социальные катастрофы эпохи Мэйдзи, заложила основы критики слепого технократизма. Танака утверждал, что прогресс, разрушающий природные ландшафты и сообщества, не может считаться цивилизацией. Его идеал – общество, где технологии служат сохранению среды обитания, а локальные сообщества становятся центрами этико-экологической рефлексии. Эта концепция предвосхитила принципы устойчивого развития, подчёркивая, что экологическая этика должна быть неотделима от социальной справедливости и культурной преемственности.

Таким образом, философские основания экологической этики Японии – это не просто совокупность идей, а живая система, объединяющая культуру, этику, эстетику и социальную практику. Данная формула отражает комплексный и интегративный характер экоэтики Японии, составляет основу японского подхода к экологии и устойчивому развитию.

В условиях глобальных экологических кризисов, урбанизации и технологического прогресса японская экологическая этика демонстрирует удивительную способность к трансформации, интегрируя многовековые принципы в современные концепции устойчивого развития. Переход от философских оснований к современным этико-экологическим концепциям устойчивого развития позволяет проследить, как японская экологическая

этика, сохраняя свою уникальность, становится важным элементом глобального диалога о будущем человечества и природы.

Одной из ключевых идей, объединяющих традиционные и современные подходы, является концепция симбиоза (кёсэй), которая понимается как динамическое совместное существование в экологическом и социальном измерениях. Это понятие подразумевает не только взаимодействие человека с природой, но и баланс между людьми в обществе, учитывая временные и пространственные факторы. Практическим воплощением этой идеи служит система «сатояма», где антропогенная деятельность сочетается с сохранением биоразнообразия, что делает её примером устойчивого управления природными ресурсами. Кёсэй, на наш взгляд, доказывает, что традиционные ценности не архаичны, а, напротив, предлагают инновационные решения для современных кризисов.

Традиционные философские принципы также находят отражение в ландшафтно-ориентированном подходе, где устойчивость достигается через интеграцию пространственных (географические и климатические особенности), временных (исторические события) и ценностных (культурные традиции и интересы местных сообществ) аспектов. Такой подход позволяет адаптировать глобальные стратегии устойчивого развития к локальным условиям, учитывая уникальные особенности каждого региона.

Эстетическое восприятие природы в Японии, несмотря на его глубину, не всегда совпадало с экологическим пониманием. Это демонстрируется противоречиями между традиционной японской философией, которая подчеркивает гармонию с природой, и потребностью в экономическом развитии, которое часто требовало интенсивной эксплуатации природных ресурсов.

Японские философы, критикуя техногенный капитализм, предлагают альтернативное видение развития – через «истинную цивилизацию», где природа и человек сосуществуют в гармонии. Концепция «истинной цивилизации» предполагает не только технологический прогресс, но и

высокие моральные стандарты, этическую ответственность перед природой и обществом. Идея «истинной цивилизации» глубоко резонирует с современными глобальными вызовами и этическими требованиями. В ней заложены фундаментальные принципы уважения к природе, социальной справедливости, ответственности перед будущими поколениями и экономической устойчивости – эти идеи лежат в основе концепции устойчивого развития.

Выявленный этико-экологический подход, применяемый Японией в рамках стратегии устойчивого развития, является результатом сложного взаимодействия философских идей, культурных традиций, институциональных механизмов и современных инновационных технологий.

Реализация этико-экологической стратегии Японии представляет собой уникальную модель, основанную на синтезе экосистемного управления, технологических инноваций и этико-экологических принципов. Анализ показал, что ключевым элементом этой стратегии является интеграция концепции «со-катастрофы», которая подчеркивает необходимость сосуществования с природными рисками, с технологической парадигмой Общество 5.0 и ESG-подходом. Это позволяет Японии не только минимизировать антропогенное воздействие на окружающую среду, но и создавать устойчивые социально-экономические системы, адаптированные к глобальным вызовам.

Экосистемное управление и технологическое развитие Японии представляют собой комплексный и целостный подход к устойчивому развитию и управлению экологическими рисками. Основываясь на историческом опыте Япония разработала передовую систему регуляторной науки, включающую предварительную оценку рисков, управление рисками и информирование общественности, что позволило более эффективно предотвращать и смягчать последствия техногенных и природных катастроф.

Важную роль в реализации стратегии играет тесное взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества, что способствует развитию

умных городов, внедрению зелёных технологий и формированию региональных инновационных систем. Локальный опыт управления экологическими рисками, накопленный в условиях высокой урбанизации и частых природных катастроф, трансформируется в глобально релевантные решения, такие как водородная энергетика, цифровые платформы мониторинга и системы переработки отходов.

Однако успешная реализация стратегии сталкивается с рядом вызовов, включая необходимость сокращения зависимости от ископаемого топлива, преодоление гендерного неравенства и усиление международного сотрудничества в условиях политico-экономических противоречий. Тем не менее, японский опыт демонстрирует, что устойчивое развитие возможно только при комплексном подходе, объединяющем научные достижения, государственную поддержку и этико-экологические принципы. Этот подход формирует новую парадигму взаимодействия человека, технологий и природы, которая может служить ориентиром для других стран в достижении целей устойчивого развития.

Этико-экологическая стратегия устойчивого развития позволяет Японии не только противостоять глобальным вызовам, но и сохранить уникальную связь между традицией и инновацией, что является важнейшим аспектом устойчивого развития в современном мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня человечество осознало комплексный характер глобального экологического кризиса. Необходимость интеграции экономического, социального, экологического, технологического и нравственного измерения человеческого бытия обуславливает целостный подход к решению вопросов устойчивого развития общества.

В настоящем исследовании раскрыта необходимость формирования нового подхода к стратегии устойчивого развития, где экологическая этика выступает теоретико-методологической основой; определены особенности и ключевые направления стратегии устойчивого развития Японии для чего были изучены стратегические документы в области устойчивого развития, экологической политики и образования. Раскрыта роль экологической этики как теоретической и методологической основы устойчивого развития. С целью комплексного анализа этико-экологической стратегии устойчивого развития Японии концептуализированы философские основания экологической этики Японии и проанализированы современные этико-экологические концепции устойчивого развития Японии. Исследован процесс реализации этико-экологической стратегии Японии через экосистемное управление и технологическое развитие.

Основные выводы полученные в ходе исследования:

1. Вызовы современной цивилизации – научно-технологическое развитие, климатические изменения, социокультурные трансформации, экономическая и политическая напряженность в мире обусловили необходимость обновления концепции устойчивого развития. Новая философская основа для такой концепции может быть найдена в наследии не западных цивилизаций, что подчеркивает важность интеграции различных культурных и философских традиций в общее стратегическое видение будущего устойчивого развития человечества. Россия в силу своих уникальных цивилизационных особенностей – географическое положение на стыке Востока и Запада, многовековой опыт сотрудничества с разными

культурами – может сыграть ключевую роль в разработке новой концепции глобального устойчивого развития, основанной на принципах сотрудничества и партнерства. Это позволит не только решить существующие экологические и социальные проблемы, но и создать новое интегративное ноосферное общество, которое объединит цивилизации в стремлении к общим целям. Российский подход к устойчивому развитию, основанный на идеях ноосферы, подчеркивает важность развития человеческого разума и сотрудничества в управлении ресурсами планеты. Этот подход созвучен восточным философским традициям, которые подчеркивают взаимозависимость и гармонию. Устойчивое развитие Японии представляет собой комплексный и всесторонний процесс, в котором охрана окружающей среды и экономическое развитие рассматриваются как взаимодополняющие элементы. Стратегия устойчивого развития Японии придерживается мировых стандартов, а также учитывает национальные особенности, включая тесную связь между экологическими, культурными и социальными аспектами развития. Япония активно адаптирует международные идеи и подходы, преобразуя их в конкретные действия и политику, которые соответствуют внутренним потребностям и вызовам.

2. Экологическая этика как холистическая концепция отношения человека и окружающей среды выражает философию Целостности. Исходя из идеи внутренней ценности окружающей среды, экологическая этика формирует нормативно-ценностную систему представлений об окружающей среде и правилах взаимодействия с ней. Современные исследования в области экологической этики сосредоточены на региональных и традиционных культурных аспектах. В этом отношении культурно-цивилизационный интерес представляет экологическая этика Японии как страны высоких технологий и традиционной культуры. Структура экологической этики Японии включает в себя основные философские, духовные и культурные компоненты, формирующие уникальный подход к взаимодействию с природой. Японские философы интегрировали западные философские идеи с

традиционными японскими ценностями, подчеркивая взаимозависимость и взаимопроникновение человека и природы. Духовные традиции формируют отношение к природе: синтоизм – восприятие природы как священной и обиталища духов; буддизм – взаимозависимость всех живых существ и природных элементов; конфуцианство – гармонию и порядок как основу взаимодействия с природой; даосизм – принцип недеяния, для бесконечно долгого существования человека и природы. Культурные аспекты, такие как концепция симбиоза формируют гармоничное сосуществование и сотрудничество для общего блага.

3. Этико-экологическая стратегия Японии предлагает целостное мировоззрение и систему концепций и подходов, которые формируют инструменты и методы решения поставленных задач. Анализ экологической политики позволяет сделать вывод об эффективности институциональных реформ Японии, приверженности глобальным целям устойчивого развития, успешном внедрении концепции циркулирующей и экологической экономики, высоких технологических и инновационных достижениях. При этом выявлены отрицательные аспекты: риски реализации новых реформ, в силу укоренившихся интересов и консервативного характера японского корпоративного сектора; внешние экономические факторы и внутренняя политическая динамика, которые могут затруднить эффективную реализацию экологической политики, требующей долгосрочных и комплексных усилий. Локальные исследования и образовательные инициативы способствуют образованию в интересах устойчивого развития, предоставляя ценные уроки из прошлого для создания более устойчивого будущего. Эти исследования формируют образовательные стратегии нового поколения, укорененные в локальном контексте и применимые глобально.

4. С целью раскрытия теоретического аспекта этико-экологической стратегии устойчивого развития нами исследованы традиционные и современный этико-экологические концепции Японии. Все концепции объединяет стремление к созданию гармоничного, этически обоснованного и

устойчивого общества, где взаимодействие между человеком и природой строится на основе взаимного уважения, ответственности и долгосрочной перспективы. Идею гармоничного взаимодействия между человеком и природой наиболее явно иллюстрирует концепция симбиоза, продвигая нормативную этику, акцентирующую внимание на взаимозависимости и взаимной поддержке между природными и человеческими системами. Концепция устойчивых ландшафтов, биоэтика и новый гуманизм, фокусируются на устойчивом развитии как на ключевой цели. Эти концепции стремятся к созданию условий, при которых экологическая стабильность и социальное благополучие могут быть достигнуты одновременно и долговременно. Планетарная этика подчеркивает важность инновационного подхода и управленческих практик в достижении целей устойчивого развития. Концепция «месторазвития» акцентирует внимание на историко-культурных основах в формировании экологического сознания, что подчеркивает необходимость уважения и сохранения культурных традиций и истории как неотъемлемой части устойчивого развития.

5. Японовед и историк окружающей среды Конрад Тотман называет Японию «зеленым архипелагом»³⁶⁸, американский историк Бретт Л. Уокер – «токсичным архипелагом»³⁶⁹. На наш взгляд, эти определения справедливо описывают экологическую историю Японии. Японский подход к переходу на модель устойчивого развития, основанный на опыте борьбы с последствиями промышленных и природных катастроф, синтезе технологии, науки, экономики, культуры и традиций регионов Японии, имеет ключевое значение в формировании новой научно обоснованной и технологически сложной «истинной цивилизации». Японский опыт интеграции традиционных ценностей и культурного наследия с современными требованиями устойчивого развития релевантен и для других современных стран, в том

---

³⁶⁸ Totman C. The Green Archipelago: Forestry in Pre-Industrial Japan. – University of California Press Books, 1989. – 320 p.

³⁶⁹ Walker B. Toxic Archipelago: A History of Industrial Disease in Japan. – University of Washington Press, 2011. – 284 p.

числе и для России, обладающей богатым культурным и историческим наследием. На наш взгляд, концепция симбиоза, подчеркивающая гармонию и взаимозависимость человека и природы, созвучны российским идеям ноосферы. Эффективные практики и подходы могут быть адаптированы для решения аналогичных проблем и достижения целей устойчивого развития в российском контексте. Экспликация этико-экологической стратегии устойчивого развития Японии и подходов к ее реализации показала, что Япония опирается на традиционные экологические ценности, природные и культурные особенности. Эти элементы не только сохраняются, но и трансформируются в основу инновационных решений, направленных на преодоление современных кризисов. Таким образом, национальные особенности становятся неотъемлемым ресурсом для формирования этико-экологической парадигмы, в которой технологический прогресс сочетается с экологической ответственностью, создавая устойчивую модель будущего.

Данное исследование открывает перспективу целостного понимания теории и практики устойчивого развития стран Восточной Азии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акихико, К. Генсирёку саигаи ни окэрү каикэцу то рёкаи – гисэи но сисутэму кара канкэй-сэи о сончо суру кёсэй сакай э [Разрешение и понимание ядерных катастроф – от системы жертвоприношения к симбиотическому обществу взаимного уважения] / К. Акихико // Гакуджуцу доко [Академические тенденции]. – 2019. – Т. 24, № 10.
2. Атарасии сихон сюги но гурандо-дэдзайн оёби дзикко: кейкаку 2023 кантэй-бан. [Гранд-дизайн и план реализации новой модели капитализма, редакция 2023 года] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2023.pdf (дата обращения: 13.06.2024).
3. Банчева, А.И. Географические особенности культурного ландшафта «саторяма» в Японии / А.И. Банчева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. – 2022. – Т.16, №4. – С.50-55.
4. Бахтиева, Л. И. Экологическая этика мусульманина / Л. И. Бахтиева // Актуальные проблемы социально-экологического знания: Межвузовский сборник научных трудов / Ответственный редактор Б.Г. Акчурин. Выпуск XIX. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. – С. 117-123.
5. Блохин, Л.Ф. Традиционные экосоциальные системы как основа устойчивого развития в тропиках (пример Западной Африки) / Л.Ф. Блохин // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Биосфера, ноосфера и экология: Ежегодник ИНИОН РАН. – М., 1999. – С. 44–64.
6. Большаков, Б.Е. П.Г. Кузнецов и проблема устойчивого развития Человечества в системе природа—общество—человек / Б.Е. Большаков, О.Л. Кузнецов // Доклад на международном симпозиуме «Пространство и Время в эволюции глобальной системы природа—общество—человек», посвященном светлой памяти выдающегося русского ученого Побиска Георгиевича Кузнецова. г. Москва, 14–15 декабря 2001 г. – Дубна, 2014. – С. 6.

[Электронный ресурс]. – URL: <https://cosmatica.org/library/202-p-g-kuznecov-i-problema-ustoichivogo-razvitiya-chelovechestva-v-sisteme-priroda-obschestvo-chelo.html> (дата обращения: 09.03.2024).

7. Будаева, Ц.Б. Этноэкологические традиции: история и современность (на примере экологических традиций бурят) / Ц.Б. Будаева. – Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2003. – 192 с.

8. Вацудзи, Т. «Фудо» нингенгакутэки косацу но дайикко [Исследование «Климата» как гуманистического проекта] / Т. Вацудзи // [Полное собрание сочинений Т. Вацудзи]. – Токио: Иванами Сётэн, 1992. – 546 р.

9. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.

10. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 522 с.

11. Гиусов, Э.В. Экологическая культура – основа устойчивого развития / Э.В. Гиусов // Вестник экологического образования в России. – 2009. – № 4 (54). – С. 4–5.

12. Гиусов, Э.В. Экологический императив глобального мира / Э.В. Гиусов // Философские науки. – 2012. – № 12. – С. 5–6.

13. Гусейнов, А.А. Природа как ценность культуры / А.А. Гусейнов // Экология, культура, образование. – М., 1989. – С. 5–11.

14. Данилов-Данильян, В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 416 с.

15. Данилова, В.И. История становления концепции экологической безопасности Японии / В.И. Данилова // Вестник МГИМО-университета. – 2015. – №3 (42). – С. 51–59.

16. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (принята Конференцией ООН по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972) [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 13.10.2021).

17. Декларация тысячелетия ООН (принята Генеральной ассамблеей ООН 8 сентября 2000 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 13.10.2021).

18. Денисов, Ю.Д. Японский путь научно-технического развития / Ю.Д. Денисов // Ежегодник Японии. – 2017. – С. 117–132.

19. Дзидзоку кано: на хатсудзо: мокухё: (SDGs) дзисси сисин [Руководящие принципы реализации целей устойчивого развития (ЦУР, SDGs)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/kaitei_2023_jp.pdf (дата обращения: 30.11.2023)

20. Дзидзоку кано: на хатсудзо: но тамэ но кё:ику (ESD) сю:син но тэбики [Руководство по содействию образованию для устойчивого развития (ESD)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mext.go.jp/content/20210528-mxt_koktou01-100014715_1.pdf (дата обращения: 01.06.2024)

21. Дзисю:коку риппо: 2021 [Добровольный национальный обзор 2021 по реализации Повестки до 2030 года] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/vnr/> (дата обращения: 13.06.2024).

22. Дзюнкангата сякай кэйсэй сю:син кихонхо: [Основной закон о содействии формированию общества с замкнутым циклом] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=412AC0000000110> (дата обращения: 01.12.2024).

23. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» от 04.08.1987 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).

24. Иваи, Х. Нихон но камигаки то хотоке [Японские Боги и Будда] / Х. Иваи. – Токио: Сэисун Суппан-Са, 2002. – 143 р.

25. Игнатович, А.Н. Буддизм и даосизм в Японии (к проблеме отношений и оценок) / А.Н. Игнатович // Дао и даосизм в Китае. – Москва: Издательство «Наука», 1982. – С. 179 – 206
26. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. – М.: ЦПРП, 2001. – 220 с.
27. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию РИО+20 «Будущее, которого мы хотим» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iblfrussia.org/a-conf.216-1-1_russian.pdf.pdf (дата обращения: 04.12.2021).
28. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас; пер. с нем., предисл., прим. И. И. Маханькова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
29. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию (принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию, Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа – 4 сентября 2002 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (дата обращения: 13.10.2021).
30. Кагаку гидзюцу ино:бэ:сён кихонкэйкаку [Наука, технологии и инновации. Базовый план Правительства Японии] (2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/6honbun.pdf> p.4 (дата обращения: 09.03.2021).
31. Камэяма, С. Канкё: ринри то кё:сэй но сисо: [Экологическая этика и философия симбиоза] / С. Камэяма. – Токио, 2005. – С. 61–62.
32. Канкё кёику сидо сирё (Ёчиэн/Согакко хэн) [Справочные материалы для преподавания экологического образования (издание для детского сада/начальной школы)]. Центр учебных программ, Национальный институт исследований политики в области образования. – Токио: Toyokan Shuppansya Publishing Co. Ltd., 2014.

33. Канкё кёику сидо сирё (Согакко хэн) [Справочные материалы для преподавания экологического образования (издание для начальной школы)]. Центр учебных программ, Национальный институт исследований политики в области образования. – Токио: Toyokan Shuppansya Publishing Co. Ltd., 2007.

34. Канкё: но ходзэн но тамэ но ийоку но дзо:син оёби канкё: кё:ику но сю:син ни кансуру хо: [Закон о повышении сознательности в целях охраны окружающей среды и продвижении экологического образования] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/housei/15620030725130.htm (дата обращения: 01.06.2024).

35. Канкё: хакусё, Дзюнкангата сякай хакусё, Сэйбуцу таёсэй хакусё [Белая книга об окружающей среде. Белая книга о цикличной (замкнутой) экономике. Белая книга о биологическом разнообразии]. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/policy/hakusyo/h25/index.html> (дата обращения: 01.12.2024).

36. Канкё: э:кё: хё:ка хо: [Закон об оценке воздействия на окружающую среду] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=409AC0000000081> (дата обращения: 01.06.2024).

37. Капица, С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 288 с.

38. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизации, темпомиры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.

39. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2007. – 232 с.

40. Кокка анзэн хосё: сэнряку [Национальная стратегия безопасности] [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 04.06.2024).

41. Кобылянский, В.А. Философия экологии: общая теория экологии, геоэкология, биоэкология / В.А. Кобылянский. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 192 с.
42. Коматцу, Х. Син но бунмэй ва хито о коросадзу: Танака Сёдзо но Котоба ни манабу асита но Нихон [Настоящая цивилизация не убивает людей: Япония завтрашнего дня узнала со слов Сёдзо Танаки] / Х. Коматцу. – Токио, 2011. – 187 с.
43. Коматцу Х. Танака Сёдзо – мириа о цумуругу сисо хито [Танака Содзо – мыслитель, который плетет будущее] / Х. Коматцу. – Иванами Хюндаи Бунко, 2013. – 304 с.
44. Ко:со: Коидзуми "Дзидзоку кано: на кайхацу" но тамэ но Нихон сэйфу но гутайтэки ко:до: - Тикю: кибо но кью:ю: (Global Sharing) о мезасите. [Конкретные действия правительства Японии для "устойчивого развития" – стремление к глобальному обмену] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/kankyo/wssd/koizumi.html> (дата обращения: 13.10.2024).
45. Кувако, Т. Хохо тоситэ но кукан-гаку [Пространственная наука как метод] / Т. Кувако // Нихон Бунка но Кукан-гаку. – Токио: Тосиндо, 2008.
46. Куки, С. Куки Сюдзо дзэншу [Полное собрание сочинений Куки Сюдзо]. / С. Куки. – Токио: Иванами, 1980. – Р. 276.
47. Ку:кай (Ко:бо:-дайси) Три учения указывают и направляют (Санго:сиики) / Ку:кай. – М.: Изд. Савин С.А., 2005. – С. 18.
48. Лавлок, Дж. Новацен: грядущая эпоха сверхразума / Дж. Лавлок. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – 260 с.
49. Латур, Б. Где недостающая масса? Социология одной двери / Б. Латур. – М.: Территория будущего, 2006. – С.199-223.

50. Лисеев, И.К. Философия природы: коэволюционная стратегия / И.К. Лисеев, Р.С. Карпинская, А.П. Огурцов. – М.: Интерпракс, 1995. – 352 с.

51. Лисеев, И.К. Ориентация на экологические императивы для стран Евразии как путь к природно-, техно-, социорегуляции общества / И.К. Лисеев // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: Изд-во Ин-та научной информации по общественным наукам РАН, 2022. – С. 210–211.

52. Лисеев, И.К. Экологическая этика в условиях новой экологической культуры / И.К. Лисеев // Философия и этика: сб. науч. тр. к 70-летию акад. А.А. Гусейнова. – М., 2009. – С. 723–737.

53. Лось, В.А. Взаимоотношения общества и природы / В.А. Лось. – М.: Знание, 1989. – 63 с.

54. Лось, В.А. Социоприродное измерение глобализации / В.А. Лось. // Век глобализации. – 2016. – № 3 (19). – С. 48–56.

55. Мантатов, В.В. Концептуальная революция: конференция ООН по устойчивому развитию «РИО+20» / В.В. Мантатов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. – 220 с.

56. Мантатов, В.В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2007. – 264 с.

57. Мантатов, В.В. Стратегия Жизни: философские перспективы экологической этики. В 2-х т. / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. – Т. 1. – 152 с.

58. Мантатов, В.В. Стратегия Жизни: философские перспективы экологической этики. В 2-х т. / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. – Т. 2. – 140 с.

59. Мантатов, В.В. Стратегия Разума: экологическая этика и устойчивое развитие. В 2 т. / В.В. Мантатов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1998. – Т. 1. – 208 с.

60. Мантатов, В.В. Стратегия социоприродного взаимодействия: учение о ноосфере и экологическая этика / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных

технологий: кол. монография / отв. ред. И.К. Лисеев. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 263–287.

61. Мантатов, В.В. Стратегия Человечества: ноосфера, информационная цивилизация и устойчивое развитие: монография / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2016. – 152 с.

62. Мантатов, В.В. Теория устойчивого развития: онтология и методология: монография / В.В. Мантатов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2009. – 148 с.

63. Мантатов, В.В. Экологическая этика: буддизм и современность: монография / В.В. Мантатов, О.В. Доржигушаева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1997. – 160 с.

64. Мантатов, В.В. Новый взгляд на устойчивое развитие: антропокосмизм, натургуманизм и экокоммунизм (по материалам XXIV Всемирного философского конгресса) / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова // Ноосферные исследования. – 2020. – № 1. – С. 61

65. Маруяма, Т. Коги но нанукакан – Минамотобё но тэцугаку ни мукэтэ [Семь дней лекций – к философии болезни Минамата] // Иванами ойо ринригаку коги [Лекция по прикладной этике Иванами] / Т. Маруяма. – Иванами Сётэн, 2004. – Р. 3–70.

66. Маруяма, Т. Нинген тюсин то нинген ри тюсин суги то но фумона тайрицу [Бесплодный конфликт между антропоцентризмом и нон-антропоцентризмом] / Т. Маруяма // Кан сакай то ринри [Окружающая среда и этика] / Т. Маруяма. – Иванами Сётэн, 2005. – 283 р.

67. Масуда, К. Ринри-гаку ни океру кёсэй гайнэн то «дзизоку канона сэкинин» [Исследование концепции симбиоза и «устойчивой ответственности» в экологической этике] / К. Масуда. – 2015. – № 47. – С. 15–28.

68. Межведомственное совещание по Декаде ООН по образованию в интересах устойчивого развития. Вагаку ни Окэрү «Кокурэн» Джидзокуканоуна Каихацу но Тамэнно Кёику но Джю-нэн Джисси Кэикаку

(2006) [Национальный план реализации ДОУР в нашей стране] [Электронный ресурс]. – URL: www.env.go.jp/policy/edu/desd/esd_keikaku.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

69. Минамото, Р. Нихон ни окэру ками каннэн но хикаку бункаротеки косатцу [Сравнительное культурное исследование японской концепции ками] / Р. Минамото. – Токио: Коданса, 1981. – 269 с.

70. Министерство окружающей среды [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/policy/edu/esd/outline/index.html> (дата обращения: 01.09.2021).

71. Моисеев, Н.Н. Быть или не быть... человечеству? / Н.Н. Моисеев. – М., 1999. – 143 с.

72. Моисеев, Н.Н. Историческое развитие и экологическое образование / Н.Н. Моисеев. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. – 53 с.

73. Моисеев, Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.

74. Моисеев, Н.Н. Современный рационализм / Н.Н. Моисеев. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. – 384 с.

75. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – 228 с.

76. Накамура, М. Нихон-бан SDGs’ э но кагакугиджуцу сэнряку [Научно-техническая стратегия для целей устойчивого развития Японии] / М. Накамура // Гайко. – 2019. – Vol. 55. – C. 42–47.

77. Насибулина, А.С. Особенности экологической этики Японии / А.С. Насибулина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 77-82.

78. Насибулина, А.С. Эколого-этические основы национальной стратегии устойчивого развития: опыт Японии / А.С. Насибулина, Л.В. Мантатова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 39-44.

79. Насибулина, А.С. Буддизм как философская основа экологической этики Японии / А.С. Насибулина // Традиционный буддизм и вызовы современности: Материалы I Международного буддийского форума, Улан-Удэ, 17–19 августа 2023 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2024. – С. 116-120.
80. Насибулина, А.С. Концепция «истинной цивилизации» Сёдзо Танака как основа устойчивого будущего Японии / А.С. Насибулина, Л.В. Мантатова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 20-25.
81. Нисида, К. Нисида Китаро дзенсю [Полное собрание сочинений Нисида Китаро] / К. Нисида. – Токио: Иванами, 1987–1989.
82. Нихонкоку но канкё: кихонкэйкаку [Основной экологический план Японии] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.env.go.jp/policy/kihon_keikaku/plan/plan_5.html (дата обращения: 04.06.2024).
83. Пак, Х.С. Йоккаити когай но како гензай мирай о тоу: «Йоккаити-гаку» но чосэн [Спрашивая о прошлом, настоящем и будущем загрязнения Йоккаити: вызов «исследований Йоккаити»] / Х.С. Пак. – Нагоя: Нагоя Фубаися, 2012. – 272 р.
84. Пак, Х.С. Ёккаити кэнкю: тайки осэн гайдорайн [Исследования Йоккаити: рекомендации по загрязнению воздуха] / Х.С. Пак. – Нагоя: Нагоя Фубаися, 2005.
85. Пестель, Э. За пределами роста; пер. с. англ / Общ. ред. и вступ. ст. Д.М Гвишиани. – М.: Прогресс, 1988 – 272 с.
86. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (принята на 17-м пленарном заседании 04.09.2002) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wssd.pdf (дата обращения: 13.10.2021).

87. Повестка дня на ХXI век (принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21 (дата обращения: 04.12.2021).

88. Посвященный внешней политике Японии отрывок программной речи премьер-министра Японии Ю. Хатояма, произнесенной на 173-м заседании парламента Японии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/POLICIES/PERFORMANCE/PRIMEMINISTER/20091026_1.html (дата обращения: 18.02.2021).

89. Пределы роста: 30 лет спустя / Д. Х. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Л. Медоуз; пер. с англ. Е. С. Оганесян; под ред. Н. П. Тарасовой. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 358 с.

90. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Принята Генеральной Ассамблеей ООН, 25 сентября 2015 года) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 13.10.2021).

91. Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: монография / под ред. В. А. Садовничего. — Москва: Издательство Московского университета, 2023. – 99, [1] с.

92. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (Принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 04.12.2021).

93. Сайдахмадзода, Д. Экологическая этика и воспитание в Исламе / Д. Сайдахмадзода // Государственное управление. – 2020. – № 2(46). – С. 155-160.

94. Сайто, М. Дзёдо сюгаку ни окэру «кё:сэй (томуики/кё:сэй)». [Понятие «симбиоза» в буддизме школы Дзёдо]. – 2017. – [Электронный

ресурс]. – URL: http://repository.tokaigakuen-u.ac.jp/dspace/bitstream/11334/1438/1/tcs_002_06.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

95. Сидзэн сайсэй сю:син хо: [Закон о содействии восстановлению природы] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=414AC1000000148> (дата обращения: 01.12.2024).

96. Син сэйко сэнряку (кихон хосин) [Новая Стратегия роста (основные принципы)] (2009) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2009/1230sinseichousenryaku.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

97. Сода, О. Нихон ни окэру ёго канкё но доню катеи [Процесс введения слова «канкё» в Японии] / О. Сода // Waseda Studies in Social Sciences. – 2003. – №. 3.

98. Стёpin, В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей / В.С. Стёpin // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д.И. Дубровского. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013. – С. 10–25.

99. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопхоева. – М.: Экономика, 2002. – 414 с.

100. Сэки, М. Даichi но кава: Йомигаэрэ Нихон но Фурусато но Кава [Река Возрожденной Земли, река родного города Японии] / М Сэки. – Токио: Сосиса, 1994.

101. Сэйбуцу таё:сэй кихонхо: [Основной закон о биологическом разнообразии] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=420AC1000000058> (дата обращения: 01.12.2024).

102. Такахаси, Т. Сидзэн сайгай тоно кёдзон но ронри [Логика сосуществования со стихийными бедствиями] / Т. Такахаси. – Фукуока: Издво Университета Кюсю, 2013.

103. Тё:дзю: но хого оёби канри нараби ни сюрю: но тэкисэйка ни кансиру хо: [Закон о защите и управлении дикими животными, а также об оптимизации охоты] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=414AC0000000088> (дата обращения: 01.12.2024).

104. Тикю: ондандзё: тайсаку но сю:син ни кансиру хо: [Закон о мерах по предотвращению глобального потепления] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=410AC0000000117> (дата обращения: 01.06.2024).

105. Торчинов, Е.А. Даосизм: опыт историко-философского описания / Е.А. Торчинов. – СПб., 1998. – С. 318.

106. Тэрада, Т. Сизэн сайгай то кокубо: Тэрада Торахико дзуйхицусю [Стихийные бедствия и национальная оборона: сб. очерков Торахико Терада]. Т. 5. – Токио: Иванами Бунко, 1948. – С. 58–60.

107. Удзи сити «Чай Удзи и город из сказки о Гэндзи» – официальный сайт города Удзи [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.city.uji.kyoto.jp/soshiki/70/56427.html> (дата обращения: 04.06.2024).

108. Урсул, А.Д. Устойчивое развитие и способы социоприродного взаимодействия / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 3. № 5. – С. 120-128.

109. Урсул, А.Д. Экологический вектор устойчивого развития и способ социоприродного взаимодействия / А.Д. Урсул // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: коллективная монография / отв. ред. проф. И.К. Лисеев. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 78–101.

110. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

111. Философское наследие народов Востока и современность. – М.: Наука, 1983. – 248 с.

112. Фролов, И.Т. Социология и этика познания жизни и человека / И.Т. Фролов // Пути интеграции биологического социогуманитарного знания. – М.: Наука, 1984. – С. 12–23.

113. Фролов, И.Т. Человек и его будущее (научный, социальный и гуманистический аспекты) / И.Т. Фролов // Человек и его будущее: новые технологии и возможности человека / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролов; предисл. Г.Л. Белкиной, С.Н. Корсакова. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С.13–28.

114. Фролов, И.Т. Экология и культура. Человек – культура – природа / И.Т. Фролов // Человек и природа. – 1984. – М., С. 3–11.

115. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Академический проект, 2015. – 460 с.

116. Хэйсэй гонун хо:ритсу дайкю:дзю:иттиго: канкё: кихонхо: [Основной экологический закон, Закон № 91 от пятого года эпохи Хэйсэй] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=405AC0000000091> (дата обращения: 30.11.2023).

117. Цыренова, И.Р. Философские основания устойчивого развития Китая: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 27 с.

118. Экологическая этика буддизма / кол. авт.; отв. ред. О.В. Доржигушаева. – Улан-Удэ: Ид-во БНЦ СО РАН, 2023. – 282 с.

119. Энеруги: но сиё: но го:ри:ка кю: хикассэй энеруги: э но тэнкан то ни канзуру хо: [Закон о рациональном использовании энергии и переходе на нефоссильные источники энергии] [Электронный ресурс]. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=354AC0000000049> (дата обращения: 01.12.2024).

120. Ямamoto, Ё. Канкё кёики сидо сирё согакко-хэн ни ми ракэрү канкё сисо но хэнсэн [Изменения в экологическом мышлении, наблюдаемые в «Справочных материалах для преподавания экологического образования (для начальной школы)】 /Ё. Ямamoto // [Отчет исследовательской группы Японского общества научного образования]. – 2016. – Vol. 30. P. 69–74.

121. 2050-Нен кабоннюторару ни томонау гурин сейчо сенряку [Стратегия зеленого роста для достижения углеродной нейтральности к 2050 году] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.meti.go.jp/policy/energy_environment/global_warming/ggs/pdf/green_honbun.pdf (дата обращения: 13.06.2024).
122. 3R initiative [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/recycle/3r/initiative/index.html> (дата обращения: 13.06.2021).
123. Abe, H. From Symbiosis to the Ontology of «Arising Both from Oneself and from Another» // Environmental Philosophy in Asian Tradition of Thought. – Albany: SUNY Press. 2014. – P. 315–336.
124. Annual report on the Environment in Japan 2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.env.go.jp/en/wpaper/2021/pdf/2021_all.pdf (дата обращения: 04.06.2021).
125. Khullar, V., Sharma, V., Angurala, M., Chhabra, N. (Eds.). // Artificial Intelligence and Society 5.0: Issues, Opportunities, and Challenges (1st ed.). Chapman and Hall/CRC. – Chapman & Hall. CRC Press is an imprint of Taylor & Francis Group, LLC. – 2024 – 294 p.
126. Attfield, R. The Ethics of Environmental Concern / R. Attfield. – Oxford.: Basil Blackwell, 1983. – 220 p.
127. Becoming a Leading Environmental Nation in the 21st Century: Japan’s Strategy for a Sustainable Society [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/press/files/en/164.pdf> (дата обращения: 13.06.2021).
128. Befu, H. Hegemony of Homogeneity: An Anthropological Analysis of Nihonjinron / H. Befu. – Melbourne: Trans Pacific Press, 2001. – (Japanese Society Series; 5).
129. Bellah, R. Japan’s Cultural Identity: Some Reflections on the Work of Watsuji Tetsuro / R. Bellah // Journal of Asian Studies. – 1965. – Vol. 24, No. 4. – P. 573–594.

130. Berque, A. A Basis for Environmental Ethics / A. Berque // Diogenes. – 2005. – Vol. 52, No. 3. – P. 3–12.
131. Boardman, C.M. The Confucian roots of business kyosei / C.M. Boardman, H.K. Kato // Journal of Business Ethics. – 2003. – Vol. 48, No. 4. – P. 317–333.
132. Botzler, R., Environmental ethics, divergence and convergence, 2nd edition // R. Botzler, S. Armstrong. – Boston, MA: McGraw-Hill, 1998. – 696 p.
133. Brecher, W.P. An Investigation of Japan's Relationship to Nature and Environment / W.P. Brecher. – Lewiston: Edwin Mellen Press, 2000. – P. 5.
134. Byrne, P.H. Toward Environmental Wholeness. / P.H. Byrne // Method in Environmental Ethics and Science. - Published by State University of New York Press, Albany. – 2024. – 343 p.
135. Bulian, G. The Multilocality of Satoyama Landscape, Cultural Heritage and Environmental Sustainability in Japan. / G. Bulian // Ca' Foscari Japanese Studies 14, 4 // Itineraries of an Anthropologist: Studies in Honour of Massimo Raveri. – 2021. – P. 111-134.
136. Callicott, J.B. Beyond the Land Ethic: More Essays in Environmental Philosophy / J.B. Callicott. – Albany: State University of New York Press, 1999. – 437 p.
137. Callicott, J.B. Conceptual Resources for Environmental Ethics in Asian Tradition of Thought: A propaedeutic / J.B. Callicott // Philosophy East and West. – 1987. – Vol. 37. № 2. – P. 115–130.
138. Callicott, J.B. Earth's Insights, A Survey of Ecological Ethics from The Mediterranean Basin to The Australian Outback / J.B. Callicott. – Berkeley: University of California Press, 1997. – 292 p.
139. Callicott, J.B. The Land Aesthetic / J.B. Callicott // Companion to A Sand County Almanac. – Madison: University of Wisconsin Press, 1987. – 320 p.
140. Callicott, J.B., Ames R.T. Nature in Asian Traditions of Thought: Essays in Environmental Philosophy. – Albany: SUNY Press, 1989 – 335 p.

141. Chatfield, A.T. Smart City Implementation Through Shared Vision of Social Innovation for Environmental Sustainability: A Case Study of Kitakyushu, Japan / A.T. Chatfield, C.G. Reddick // Social Science Computer Review. – 2015. – P. 1–17.

142. Clammer, J. Japan and its Others, Globalization, Difference and the Critique of Modernity / J. Clammer. – Melbourne: Trans Pacific Press, 2001. – 272 p.

143. de Bettignies, H.C. The Caux Roundtable Principles for Business: Presentation and Discussion / H.C. de Bettignies, K.E. Goodpaster, T. Matsuoka // International Business Ethics: Challenges and Approaches. – Notre Dame: University of Notre Dame Press. – 1999. – P. 132–142.

144. Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2022 Edition [Электронный ресурс]. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000382500> (дата обращения: 13.10.2022)

145. Cook, F.H. The Jewel Net of Indra // Nature in Asian Traditions of Thought / F.H. Cook. – New York: University of New York Press, 1989. – P213–230.

146. Devall, B. Deep Ecology. Living as If Nature Mattered / B. Devall, G. Sessions. – Salt Lake City, UT: G.M. Smith, 1985. – 266 p.

147. Dorzhigushaeva, O.V. Environmental Ethics of Buddhism / O.V. Dorzhigushaeva, A.V. Kiplyuks // International Journal of Environmental Science and Development. – 2020. – Vol. 11, No. 3. – P. 154–158.

148. Earth for All – A Survival Guide for Humanity [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.clubofrome.org/publication/earth4all-book/> (дата обращения: 13.06.2024).

149. Education for sustainable development lens: a policy and practice review tool [Электронный ресурс]. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000190898> (дата обращения: 12.09.2021).

150. Environmental Impact Assessment Act (Act No. 81 of 1997) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3375/en> (дата обращения: 13.06.2021).

151. Feld, S. Senses of Place/ S. Feld, K.H. Basso. – School of American Research Press, 1996. – 293 p.

152. Fujioka, S. Environmental Education in Japan / S. Fujioka // Hitotsubashi Journal of Social Studies. – 1981. – Vol. 13, No. 1 (13). – P. 9–16.

153. Gavin, M. Nihon fukeiron (Japanese Landscape): Nationalistic or Imperialistic? / M. Gavin. – Japan Forum, 2000. – 12: 219-31.

154. Godart, G.C. ‘Philosophy’ or ‘Religion’? The Confrontation with Foreign Categories in Late Nineteenth Century Japan / G.C. Godart // Journal of the History of Ideas. – 2008. – Vol 69, No. 1. – P. 71–91.

155. Goodpaster, K.E. On Being Morally Considerable / K.E. Goodpaster // The Journal of Philosophy. – 1978. – Vol. 75. – P. 308–325.

156. Goodpaster, K.E. Bridging East and West in Management Ethics: Kyosei and the Moral Point of View / K.E. Goodpaster // International Business Ethics: Challenges and Approaches. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1999. – 456 p.

157. Government of Japan, Cabinet Decision on the Development Cooperation Charter, February 10, 2015, Government of Japan [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000067701.pdf>. (дата обращения: 13.06.2021).

158. Gu, H. Drivers of Change in Socio-Ecological Production Landscapes: Implications for Better Management. / H. Gu, S.M. Subramanian // Ecology and Society. – 2014. – 19(1), 1-13.

159. Gunn, A. Can environmental ethics save the world? /A. Gunn // Ethics and Environmental Policy: Theory Meets Practice. – Athens: University of Georgia Press, 1994. – P. 195–216.

160. Hage, G. Against paranoid nationalism: Searching for hope in a shrinking society / G. Hage. – Annandale, NSW: Pluto Press, 2003. – 174 p.
161. Harada, M. Inochi no tabi – Minamata-gaku he no kiseki [The path of life, traced through Minamata-Studies] / M. Harada. – Tokyo: Tokyo Shimbun Shuppan-kyoku, 2002. – 269 p.
162. Hargrove, E.C. Foundation of Environmental Ethics / E.C. Hargrove. – Prentice Hall, 1989. – 229 p.
163. Hayashi, T. "Nihongata shihonshugi" no mamorubeki chōsho wa: Kokusai-ka no chōryū no naka de kangaeru [Сильные стороны «японского капитализма», которые следует сохранить в условиях глобализации] / T. Hayashi // Jōsai Daigaku Joshi Tanki Daigakubu Kiyō, 9 (1), 1-16, 1992-01.
164. Heisig, J., Philosophers of Nothingness: An Essay on the Kyoto School / J. Heisig. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2001. – 392 p.
165. Hoy, S. Mottainai: Reduce, Reuse, Recycle – and Respect. / S. Hoy // Highlighting Japan, 122(12), 2018. – P. 28-29.
166. IAEA Conducts Its First Seawater Sampling After Japan's Discharge of ALPS Treated Water, Finds Tritium Level Below Limit [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-conducts-its-first-seawater-sampling-after-japans-discharge-of-alps-treated-water-finds-tritium-level-below-limit>; IAEA sees no rise in tritium level near Fukushima Daiichi <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/IAEA-sees-no-rise-in-tritium-level-near-Fukushima> (дата обращения: 13.06.2024).
167. Ikeda, D. A New Humanism: The University Addresses of Daisaku Ikeda // D. Ikeda. – Publisher: I.B. Tauris, 2010. – 308 p.
168. In Japan, an Uphill Climb for PM Kishida's 'New Capitalism'. [Электронный ресурс]. – URL: <https://thediplomat.com/2023/05/in-japan-an-uphill-climb-for-pm-kishidas-new-capitalism/> (дата обращения: 13.06.2024).
169. International Partnership for the Satoyama [Электронный ресурс]. – URL: Initiative <https://satoyama-initiative.org/> (дата обращения: 15.08.2024).

170. Iwasaki, T. Contemporary Japanese Moral Philosophy / T. Iwasaki // *Philosophy East and West.* – 1956. – Vol. 6, No. 1. – P. 69–75.
171. JAPAN SDGs Action Platform [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/index.html> (дата обращения: 01.08.2024)
172. Japanese Corporate Governance Code [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jpx.co.jp/english/news/1020/b5b4pj0000046kxj-att/b5b4pj0000046l07.pdf> (дата обращения: 09.03.2022).
173. John, A. A. Ogyu Sorai's Philosophical Masterworks / A. John, J. Taker // *The Bendo and Benmei.* – Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. – P. 139.
174. Karcher, M. Measuring adolescent connectedness / M. Karcher, M. Holcomb, E. Zambrona // *Handbook of school counseling.* – Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2006. – P. 649–669.
175. Kiehne, D.O. Environmental, social and corporate governance (ESG) – also an innovation driver? / D.O. Kiehne. – InTraCoM GmbH, 2019 [Электронный ресурс]. – URL: http://media.intracomgroup.de/InTraCoM_ESGJune2019.pdf (дата обращения: 09.03.2022).
176. Knight, J. Feeding Mr. Monkey: cross-species food ‘exchange’ in Japanese monkey parks / J. Knight // *In Animals in Person.* – New York: Berg., 2005. – 23 p.
177. Kobayashi, V. Changing conceptions of humanity and education / V. Kobayashi // *International handbook of education and development: Preparing schools, students and nations for the twenty-first century.* – Oxford: Elsevier Science Ltd. – 1997. – P. 665–674.
178. Kōjien, 6th ed. – Tokyo: Iwanami Shoten, 2008.
179. Kuwako, T. Project Management of Consensus Building / T. Kuwako. – Tokyo: Corona, 2017. – 10-13 p.
180. LaFleur, W.R. Saigyō and the Buddhist Value of Nature / W.R. LaFleur. // *Nature in Asian Traditions of Thought.* – New York: University of New York Press, 1989. – 183-212 p.

181. Latour, B. This is a global catastrophe that has come from within – 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/06/bruno-latour-coronavirus-gaia-hypothesis-climate-crisis> (дата обращения: 30.12.2021).
182. Learning new ways of becoming human [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cluboffrome.org/wp-content/uploads/2021/12/COR-ENCI_Learning_new-ways.pdf (дата обращения: 13.06.2024).
183. Leff, E. Latin American Environmental Thinking: A Heritage of Knowledge for Sustainability / E. Leff. // Environmental Ethics, 2012. – 34(4):431–450.
184. Leopold, A. A Sand County Almanac and Sketches Here and There / A. Leopold. – New York: Oxford University Press, 1968. – 226 p.
185. Leopold, A. A Sand County Almanac: With Essays on Conservation from Round River / A. Leopold. – New York: Ballantine Books, 1966. – 320 p.
186. Lo, Y.S. The Land Ethic and Callicott's Ethical System (1980–2001): An Overview and Critique / Y.S. Lo // Inquiry/ – 2001. – No. 44. – P. 331–358.
187. Lovelock, J. The Revenge of Gaia / J. Lovelock. – London: Penguin Books Ltd, 2007. – 240 p.
188. Lovelock, J.E., Gaia: A New Look at Life on Earth / J.E. Lovelock. – New York: Oxford University Press, 1979. – 170 p.
189. Marcon, F. The Knowledge of Nature and the Nature of Knowledge in Early Modern Japan. Paperback ed. / F. Marcon. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. – P. 299. (Studies of the Weatherhead East Asian Institute, Columbia University).
190. Marinelli, M. How to Build a ‘Beautiful China’ in the Anthropocene? The Political Discourse and the Intellectual Debate on Ecological Civilization / M. Marinelli // Journal of Chinese Political Science. – 2018. – Vol. 23. – P. 365–386.

191. Mason, J.W.T. The Meaning of Shinto: The Primaeval Foundation of Creative Spirit in Modern Japan / J.W.T. Mason. – New York: Kennikat Press, 1967. – 252 p.
192. McGregor, D. Coming Full Circle: Indigenous Knowledge, Environment, and Our Future. / D. McGregor. // American Indian Quarterly. – 2004. – vol. 28, no. 3/4. – P. 385–410.
193. Meadows, D.H. The Limits to Growth. A report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind / D.L. Meadows, D.H. Meadows, J. Randers, and W.W. Behrens III. – New York: Universe Books, 1972. – 205 p.
194. MFA, Japan: The SDGs Implementation Guiding Principles (2017) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/000252819.pdf> (дата обращения: 04.06.2021).
195. Minamata Disease. Its History and Lessons. – Minamata City: Minamata City Planning Division, 2007. – 58 p.
196. Ministry of Foreign Affairs of Japan [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/kankyo/wssd/wssd.html> (дата обращения: 13.10.2024).
197. Minteer, B. Refounding environmental ethics: Pragmatism, principle, and practice / B. Minteer. – Temple University Press, 2011. – 199 p.
198. Naess, A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of Ecosophy / A. Naess. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 223 p.
199. Nakamura, H. The Idea of a Universal State and Its Philosophical Basis: Prince Shōtoku and His Successors / H. Nakamura // History of Japanese Thought 592–1868: Japanese Philosophy Before Western Culture Entered Japan. – London: Kegan Paul, 2002. – 308 p.
200. National Action Plan for Agenda 21 Japan (1994) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.env.go.jp/en/earth/iec/agenda/index.html> (дата обращения: 13.10.2024).

201. National Institute for Educational Policy Research (NIER). Gakkou ni okeru Jizokukanouna Hatten no tameno Kyouiku (ESD) ni kansuru Kenkyu (Saishu Houkokusho) (Research on Education for Sustainable Development (ESD) in the Schools (Final Report)). – Tokyo: NIER, 2012.
202. Neurath, P. From Malthus to the club of Rome and back: Problems of limits to growth, population control, and migrations. / P. Neurath // New York: M. E. Sharpe., 1984. – P. 68
203. Nihon Ricchi Center Technopolis 90's Project Committee, Report on Basic Research for Construction of Technopolis March, 1982.
204. Nomura, K. The education for sustainable development movement in Japan: a political perspective / K. Nomura, O. Abe // Environmental Education Research. – 2009. – Vol. 15, No. 4.
205. Norton, B. Environmental Values: A Place – Based Theory / B. Norton, B. Hannon // Environmental Ethics. – 1997. – Vol. 19. – P. 227–244.
206. Norton, B.G. Why Preserve Natural Variety? / B.G. Norton. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – 296 p.
207. Odin, S. Process Metaphysics and Hua-yen Buddhism / S. Odin. – Albany: SUNY Press, 1982. – 242 p.
208. Odin, S. The Japanese Concept of Nature in Relation to the Environmental Ethics and Conservation Aesthetics of Aldo Leopold / S. Odin // Environmental Ethics. – 1991. – No. 13. – P. 345-360.
209. Ono, S. Shinto, the Kami Way / S. Ono. – Tokyo: The Charles E. Tuttle Co., Inc., 1962. – 116 p.
210. Park, H.S. «Yokkaichi Studies» Learned from the Yokkaichi Air Pollution for Environmental Policy and International Environmental Cooperation in Asia / H.S Park // Overcoming Environmental Risks to Achieve Sustainable Development Goals Lessons from the Japanese Experience. – Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2022. – P. 47–53.
211. Partridge, E. Nature as a Moral Resource / E. Partridge // Environmental Ethics. 1984. – Vol. 6 (2). – P. 101–130.

212. Philosophical Writings of Peirce: Selected and Edited with an introduction by Justus Buchler. – New York: Dover Publishing, 1955.
213. Potter, V.R. Global bioethics – Building on the Leopold legacy / V.R. Potter. – East Lansing (Michigan): Michigan State University Press, 1988. – 203 p.
214. Potter, V.R. Bioethics, the science of survival / V.R. Potter // Perspectives in Biology and Medicine. – 1970. – No. 14. – P. 127–153.
215. Regan, T. The Case for Animal Rights / T. Regan // Berkeley: University of California Press, 1983. – 474 p.
216. Randers J. 2052. A Global Forecast for the Next Forty Years. A Report to The Club of Rome / J. Randers. – White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2012 – P. 32.
217. Ricoeur, P. The Symbolism of Evil, translated by Emerson Buchanan / P. Ricoeur. – Boston: Beacon Press, 1967. – 362 p.
218. Rolston, H. III. Environmental Ethics. Duties to and Values in the Natural World / H. Rolston III. – Philadelphia: Temple University Press, 1988. – 391 p.
219. Routley, R. Against the inevitability of human chauvinism / R. Routley, V. Routley // In K.E. Goodpaster and K.M. Sayre, eds., Ethics and the Problems of the 21st Century. Notre Dame: University of Notre Dame Press 1979. – P. 36-59.
220. Sakamoto, H. A New Possibility of Global Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology / H. Sakamoto // Cross-Cultural Perspectives on the (Im)Possibility of Global Bioethics. Philosophy and Medicine/ Springer Science+Business Media Dordrecht. – 2002. – Vol. 71. – P. 359-367.
221. Sakamoto, H. Towards A New 'Global Bioethics' / H. Sakamoto // Bioethics. – 1999. – Vol.13, No. 3–4. – P. 191–197.
222. Sakamoto, H. Chapitre 1. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology / H. Sakamoto. – Journal International de Bioéthique, 2005. – Vol. 16, № 1. – P. 15-27.

223. Sato, Y. Mottainai: a Japanese sense of anima mundi / Y. Sato //Journal of Analytical Psychology. – 2017, 62, 1. – P. 147-154
224. Saaler, S. Die Bedeutung der Epochenmarke 1868 in der Japanischen Geschichte: Restauration, Revolution, Reform / S. Saaler. – Saeculum, 2005. 56:69-104.
225. Sirola, N. Mottainai! – A Practice Theoretical Analysis of Japanese Consumers' Food Waste Reduction / N. Sirola, U-M. Sutinen, E. Närvänen, N. Mesiranta, M. Mattila// Sustainability. – 2019, 11, 6645.
226. Schumacher, E.F. Small is Beautiful: Economics as if People Mattered / E.F. Schumacher. – New York: Harper & Row, 1973. – 324 p.
227. Schweitzer, A. Civilization and Ethics. The Philosophy of Civilization. Part II / A. Schweitzer. – London: A.&C. Black, LTD, 1923. – 325 p.
228. Schweitzer, A. The philosophy of civilization. Pt 1, The decay and the restoration of civilization, Pt 2, Civilization and ethics / A. Schweitzer. – Buffalo, New York: Prometheus Books, 1987. – 346 p.
229. SDGs акутён пуран 2023 [План действий по достижению ЦУР 2023] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/sdgs/pdf/SDGs_Action_Plan_2023.pdf (дата обращения: 04.06.2024).
230. Shaner, D.E. The Japanese experience of nature / D.E. Shaner // Nature in Asian Traditions of Thought. – New York: University of New York Press, 1989. – P. 163 – 183.
231. Shujiro, Y. The Technopolis Program in Japan / Y. Shujiro // Hitotsubashi Journal of Social Studies. – 1990. – Vol. 22, No. 1. – P. 7–18.
232. Singer, P. Animal Liberation / P. Singer. – Ecco Press., 2001. – 356 p.
233. Stockholm+50: a healthy planet for the prosperity of all – our responsibility, our opportunity [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.stockholm50.global/> (дата обращения: 04.12.2023).
234. Stockholm+50 Recommendations and Actions for Renewal and Trust [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.stockholm50.global/resources/stockholm50-recommendations-and-actions-renewal-and-trust> (дата обращения: 04.12.2023)

235. Sustainable Development Report 2021 The Decade of Action for the Sustainable Development Goals Includes the SDG Index and Dashboards [Электронный ресурс]. – URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/2021-sustainable-development-report.pdf> (дата обращения: 29.02.2021).

236. Sustainable development report [Электронный ресурс]. – URL: <https://dashboards.sdgindex.org/profiles/japan/indicators> (дата обращения: 18.02.2025).

237. Suzuki, K. Corporate social responsibility in Japan: Analyzing the participating companies in global reporting initiative / K. Suzuki, K. Tanimoto // Stockholm School of Economics working paper, EIJS Series. – 2005. – No. 208. – 21 p.

238. Suzuki, D.T. Zen and Japanese Culture / D.T. Suzuki. – Princeton: Princeton University Press, 2019. – 528 p.

239. Swain, R.B. A Critical Analysis of the Sustainable Development Goals / R.B. Swain // Handbook of Sustainability Science and Research. Ed. Walter Leal Filho. – Springer; 1st ed., 2018. – P. 341–357.

240. Takeuchi, K. Circulating and Ecological Economy / K. Takeuchi, J. Fujino, F. Ortiz-moya, B.K. Mitra, A. Watabe, T. Takeda, Zh. Jin, S.B. Nugroho, H. Koike, Y. Kataoka. – Regional and Local CES: An IGES Proposal. Institute for Global Environmental Strategies (IGES) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iges.or.jp/en/publication_documents/pub/discussionpaper/en/6744/Circulating+and+Ecological+Economy+-+Regional+and+Local+CES%2C+An+IGES+Proposal.pdf (дата обращения: 13.06.2021).

241. Tamotsu, T. Japan: Conversion of the Philosophy and Aim of Basic Education / T. Tamotsu // Education Policy Reform Trends in G20 Members. – 2013. – P. 245–265.

242. Taylor, P.W. Respect for Nature: A Theory of Environmental Ethics / P.W. Taylor. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 329 p.
243. Taylor, P.W. The Ethics of Respect for Nature / P.W. Taylor // Environmental Ethics. – 1981. – № 3. – P. 197–218.
244. Tellenbach, H. The Japanese Concept of ‘Nature’ / H. Tellenbach, Kimura Bin // Nature in Asian Traditions of Thought. – Albany: State University of New York Press, 1989. – P. 153-162.
245. The evolution of ESG investment, realization of Society 5.0, and achievement of SDGs, a joint research report by Government Pension Investment Fund, Keidanren (Japan Business Federation), and University of Tokyo, 2020. – 86 p. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gpif.go.jp/en/investment/Report_Society_and_SDGs_en.pdf (дата обращения: 09.03.2022).
246. The Japanese Mind: Essentials of Japanese Philosophy and Culture. Edited by Charles A. Moore. – Honolulu: East-West Center Press, University of Hawaii Press, 1967. – 357 p.
247. The Satoyama Initiative Case Studies. – 2009. [Электронный ресурс]. – URL: https://satoyama-initiative.org/case_study/#start (дата обращения: 15.08.2024).
248. Thomas, J. A. Reconfiguring Modernity: Concepts of Nature in Japanese Political Ideology / J. A. Thomas. – Twentieth Century Japan, 2002. – Vol. 12. – P. 57.
249. Toshiya, K. Environmental Education in Formal Education in Japan / K. Toshiya // Japanese Journal of Environmental Education. – 2017. – No. 26 (4). – P. 21–26.
250. Totman C.D. Japan: An Environmental History. (Environmental History and Global Change Series 6). – Japan: An Environmental History.; London: I.B. Tauris., 2016 – P. 151.

251. Transformation is feasible: How to achieve the Sustainable Development Goals within Planetary Boundaries. A report to the Club of Rome, for its 50 years' anniversary, 17 October 2018. – P. 32.

252. Wei-Ming, Tu. The Continuity of Being: Chinese Visions of Nature / Tu Wei-Ming // Nature in Asian Traditions of Thought. – New York: University of New York Press, 1989. – P. 67 – 79.

253. Tuan, Y.F. Space and Place: The Perspective of Experience. / Y.F. Tuan // Minneapolis, MN: University of Minnesota Press., 1977. – 226 p.

254. Tucker, M.E. Ecological Themes in Taoism and Confucianism /M.E. Tucker // Worldviews and Ecology: Religion, Philosophy, and the Environment. – Maryknoll: Orbis Books, 1994.

255. UNU-IAS, IGES. The Satoyama Initiative Concept. – 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://satoyama-initiative.org/concept> (дата обращения: 01.09.2024).

256. van Steenbergen, B. Potential Influence of the Holistic Paradigm on the Social Sciences / B. van Steenbergen // Futures. – 1990. – Vol. 22 (10). – P. 1071–1083.

257. Warren, M.A. Moral Status: Obligations to Persons and Other Living Things / M.A. Warren. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 280 p.

258. Watsuji, T. A Climate: A Philosophical Study. / T. Watsuji – Tokyo: Japanese National Commission for UNESCO, 1961 – 257 p.

259. Weizsäcker, E.U. A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome. In cooperation with 34 Members of the Club of Rome / E.U. Weizsäcker, A. Wijkman Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. – Cham: Springer, 2018. – P. 58.

260. White, L. Historical Roots of Our Ecologic Crisis? / L. White // Science. – 1967. – Vol. 155, No. 3767. – P. 1203–1207.

261. World Conservation Strategy Living Resource Conservation for Sustainable Development (1980) [Электронный ресурс]. – URL:

<https://portals.iucn.org/library/efiles/documents/wcs-004.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).

262. Worster, D. 1993. *The Wealth of Nature: Environmental History and The Ecological Imagination* / D. Worster. – New York: Oxford University Press, 1993. – 256 p.
263. Xiaolong, Zou. *Urban Sustainable Development in East Asia: Understanding and Evaluating Urban Sustainable Trends in China and Japan*. – Springer, 2023 – Xix, 131 p.
264. Yamakage, M. *The Essence of Shinto: Japan's Spiritual Heart* / M. Yamakage. – New York: Kodansha International, 2012. – 232 p.
265. Yamauchi, T. *Animal Liberation, Land Ethic, and Deep Ecology* / T. Yamauchi // *Journal of Kyoto Seika University*. – 2002. – No. 29(1). – P.44-60.
266. Yamauchi, T. *Three-Level Eco-Humanism in Japanese Confucianism: Combining Environmental with Humanist Social Ethics* / T. Yamauchi // *Value and Values: Economics and Justice in an Age of Global Interdependence*. – University of Hawaii Press., 2017 – P. 337–350.
267. Yanagi, T. ed. “*Satoumi Management Theory: A Clean, Rich, Lively and Sustainable Sea*”. Association of Agriculture and Forestry. Statistics, 2019. – P. 240-254.
268. Yasunaga, T. *Ando Shyueki* / T. Yasunaga. – Tokyo, 1976. – 215 p.
269. Yoshikawa, K. *Ogyu Sorai, ‘Benmei’* / K. Yoshikawa // *Ogyu Sorai, Nihon Shiso Taikei*. – 1973. – Vol. 36.
270. Yuasa, Y. *The Body: Towards an Eastern Mind-Body Theory* / Y. Yuasa. – Albany: State University of New York Press, 1987. – 264 p.